

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Е. С. Роговер. Сборник Н.В. Гоголя «Миргород» 2

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА

Наталия Ульянова. Энергетический провал 10

Наталия Ульянова. Нахождение Шамбалы 11

ПРОЗА В МАЛЫХ ФОРМАХ

Николай Поречных. СССР — колыбель космонавтики 14

Николай Поречных. Ёлка шестьдесят первого 16

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Елена Фердимопова. Поверить в это невозможно 21

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРИТ

Стихи Василия Денисюка, Наталии Рябухиной, Николая Мрыхина, Майи Золотистой, Ирины Бжиской, Андрея-Viktoria-Андреева 74

ИЗ ИСТОРИИ ЗЕМЛИ РОССИЙСКОЙ

Анатолий Тупицын. Слобода 91

ПРОЗА XXI

Евгений Мюллер. Керосиновая лампа Аладдина 109

ПОРТРЕТЫ НАШИХ СОВРЕМЕННИКОВ

Е. С. Роговер. Вячеслав Кондратьев (Литературный портрет) 184

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

Натали Ривара. «Сама Судьба...» (Из музыкальной истории России) 191

Е. С. Роговер

СБОРНИК Н.В. ГОГОЛЯ «МИРГОРОД»

Второй сборник Н. В. Гоголя «Миргород» вышел в свет 1835 году. Он вобрал в себя четыре произведения, настолько отличающиеся друг от друга по содержанию, жанру, тональности и форме, что читателям могло показаться противоестественным объединение их под общим заглавием. Но это совмещение было сделано сознательно. Внутреннюю близость произведений и цельность книги создает общий авторский взгляд на назначение человеческой жизни, тот единый этический и эстетический идеал, который ощущается во всех рассказанных в сборнике историях, но чаще всего в их подтексте. В «Миргороде» намечалась и преемственность с первым гоголевским циклом: не случайно к заглавию был присоединен подзаголовок: «Повести, служащие продолжением Вечеров на хуторе близ Диканьки». Внешнее и внутреннее родство нового сборника с прежним было очевидным: у них была общая украинская тематика, двухчастное построение, чередование романтически-сказочных произведений с реалистическими; в обеих книгах утверждалась мысль о духовном богатстве народа и решительно отрицалось пошлое существование людей. В то же время «Миргород» обнаруживал возросшую зрелость писателя, крепнущее его мастерство, тенденцию к реалистическому отображению жизни, стремление и умение передавать «видный миру смех сквозь невидимые слезы», обостренную чуткость к значительным проблемам тогдашней действительности.

Эта новизна воспринималась уже при чтении первой повести — «Старо-

светские помещики», которой открывался «Миргород». Проницательный Н. Станкевич писал в 1835 году своему корреспонденту: «Прочел одну повесть из Гоголева «Миргорода» — это прелесть! («Старомодные помещики» — так, кажется, она названа). Прочти! Как здесь схвачено прекрасное чувство человеческое в пустой, ничтожной жизни» [1]. Прозорливый Пушкин назвал «Старосветских помещиков» трогательной идиллией, заставляющей смеяться сквозь слезы грусти.

Действительно, герои этой повести вызывают противоречивые чувства читателей. Сами персонажи — Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна Товстогубы, «старички прошедшего века», «уединенные владельцы отдаленных деревень», как называет их писатель, — решительно не похожи на тех горожан, «презренных и жалких творений», которые могут пойти на склоку, обман, подлость ради удовлетворения своих пагубных страстей и своекорыстных интересов. Герои повести отличаются простосердечием, душевностью, радушием, гостеприимством, добротой. И атмосфера их жизни, и их покои полны «неизъяснимой прелести». С трогательной нежностью и кротостью относятся герои повести друг к другу, приветливо и радостно встречают они всякого, кто одаривает их дом своим посещением. «Когда бричка моя подъезжала к крыльцу этого домика, — вспоминает автор, — душа принимала удивительно приятное и спокойное состояние». Рисуя быт и интерьер жилища Товстогубов, предметы и вещи их обстанов-

ки, Гоголь проявляет замечательное мастерство использования детали, сказывающееся в обрисовке треугольных столиков по углам, зеркала в золоченой раме, усеянной мухами, лоскутков старинных платьев, сундуков и ящичков и в описании незабываемых поющих дверей. Автор чуток к манере «старосветской» речи своих старичков, к их старинным словам, украинским просторечиям, что также помогает воссоздать патриархальный мир старосветских помещиков с его подчеркнутой уединенностью и обособленностью, при которых «ни одно желание не перелетает через частокол». Читателей покоряет раскрытая Гоголем жизненная правда, подлинность воссоздаваемой им картины действительности. Примечательно, что у Товстогузов были свои прототипы — старички Бровковы, о которых рассказала С. В. Капнист-Скалон в своих воспоминаниях [2], а также старики Зарудные, дед и бабушка писателя.

Но чем дальше мы углубляемся в чтение повести, тем явственней слышится нам авторская ирония, с которой Гоголь сравнивает своих персонажей с мифологическими Филимоном и Бавкидой, подчеркивает замкнутость и заботливую огороженность домика плетенью сада и галерей почернелых столбиков. Мы невольно обращаем внимание на то, что вся первая половина повести рассказывает о жизни бездельной, подчиненной давним традициям и затвердевшим привычкам, отъединенной ото всех волнений мира. Читателя начинает удручать то, что все здесь подчиняется неумеренному поглощению еды. За скромным упоминанием, что оба старичка «очень любили покушать», приоткрывается безудержное поедание пищи, в связи с чем писатель разворачивает череду натюрмортов, описание блюд, кушаний, яств и даже... откровенного обжорства. Андрей Белый отметил, что Афа-

насий Иванович садится за еду девять раз в сутки. В мире Товстогузов даже пейзаж с «хлебными колосьями» предвещает еду, а поющая дверь рождает запах ужина, «уже стоящего на столе». Культ еды пропадает только во второй части повести, где рассказывается о смерти старичков, так трогательно любивших закусывать даже ночью. Известный исследователь творчества Гоголя Ю. Манн называет анализируемую повесть «настоящей ирои-комической поэмой еды» [3]. В конечном итоге эта поэма рисует центральных персонажей как «существователей», живущих без пользы, «небокопителей», чей образ жизни целиком принадлежал прошлому. Нельзя не заметить скрытого смысла в начальном замечании Гоголя: «Я **иногда** люблю **сойти на минуту** в сферу этой необыкновенно уединенной жизни...». Повесть мягко осмеивает и отрицает патриархальный уклад, изолированное от широких общественных интересов существование, весьма далекое от возвышенных начал и истинной поэзии.

Последние ярко раскрываются в соседней повести — «Тарасе Бульбе», где от низменных и замкнутых форм человеческого общения писатель переходит к высоким и широким связям людей, объединенных великим духовным родством и героическим деянием. В своей исторической повести Гоголь переносит читателей в эпоху национально-освободительных войн далекого прошлого. Здесь он находит монументальные характеры, эпическую мощь и величие борьбы народа за свою национальную независимость, борьбы, нередко чреватой трагическими потрясениями и катастрофами.

Время, воссозданное в повести, характеризуется смещением исторических эпизодов. Одни из них относятся к XV столетию, другие — связаны с XVI и XVII веками. Но Гоголю важно было передать направленность, характер и

дух борьбы прошлого. Историзм бывшего писателя с успехом соединяет с художественным вымыслом, хотя за героями повести стоят реальные прототипы: Наливайко, Лобода, Тарас Трясило, Острица, Богдан Хмельницкий, черты которых у Гоголя глубоко обобщены. Основным местом действия в повести становится Запорожская Сечь, размещавшаяся за порогами Днепра и являвшаяся центром вольнолюбия и демократических начал жизни. Писатель любит Сечь, называет ее своевольной республикой, «гнездом», откуда «вылетели гордые и крепкие, как львы», храбрые, люди отваги, мужества и чести. Здесь есть заметный элемент идеализации демократического равенства, утопия самостоятельности и единства. Писатель воспроизводит законы, обычаи, быт, военное искусство, суровые нравы, дух товарищества и следование долгу, при которых подчас забывались семья, любовь и отцовские чувства. Он рисует степи, напоенные ароматом и пестреющие разнотравьем, просторы, на которых сражаются незабываемые богатырские герои.

Не довольствуясь первым вариантом повести (1835), писатель создал вторую редакцию ее (1842), в которой показал войну украинских казаков с польскими феодалами за единую «русскую землю», за общие интересы братских народов. Примечательно, что казаки в новом тексте называют себя русскими. В финале повести Бульба умирает со словами о «русской силе», которую не переселят любые огни, муки и силы. Гоголь утверждает во второй редакции принципиально важную, противопоставленную национализму идею теснейшего единства двух братских соседних народов. Вот почему столь заметной теперь стала ориентация Гоголя — наряду с украинскими преданиями, думами и песнями — на русские былины с их богатырями и на «Слово о полку Игореве». В

центре изображения стало раскрытие столкновения двух противоположных миров — Запорожской Сечи и панской Польши, а вместе с этим — двух вер, обычаев, культур, боевых построений и сражений, быта запорожцев и обстановки католического городка и замка.

Наиболее ярко писатель изображает главную фигуру произведения. Тарас Бульба — крупный эпический образ повести, воплощающий характернейшие черты сражающегося казачества: мужество, необыкновенную силу, неукротимую энергию, героизм, свободолюбие, железную волю, народную мудрость, щедрость души, извечную ненависть к шляхте и отечественным угнетателям, которым он мстит за обездоленных. К этим свойствам присоединяются любовь к своим соратникам, рыцарственность, искренность, чувство неистощимого юмора. Особенности эпической, масштабной личности отражают черты окружающего его казачества. И наоборот, лучшие качества Бульбы по-своему претворяются в таких образах казаков, как Бовдюг, Балабан, Кокубенко, Шило и другие. Основная краска, которой Гоголь наделяет своего Тараса, — преувеличение, гипербола. Она сказывается и в его комплекции (конь шарахается от его «двадцатипудового бремени»), и в его неутомимости, и в его позах, жестах, и в его пиршестве, и в патетике его речей, и в том, как он сражается в пылу боя, «рубя в капусту встречного и поперечного». А когда он падает, как подрубленный дуб, на нем повисает около тридцати врагов.

Но Тарас Бульба лишен идеализации. Гоголь не скрывает его необузданной жестокости, упрямства, фанатизма. Тарас не считается с чувствами своей жены, настаивает на продолжении войны потому, что оба его сына не успели пройти военной выучки. Не совсем достойно смещает он прежнего кошевого, напоив казаков. Он безжалостно мстит полякам,

справляя поминки по сыну. Он грабит замки, в восемнадцати местах выжигает костелы. По настоянию Бульбы казаки не уважили белогрудых панянок и расправились с ними у алтарей, копьями поднимали с улиц их младенцев, отправляя в то же полыхающее пламя. Можно сослаться на жестокость самого века, но нельзя простить герою эту вакханалию разрушения и осквернение святынь: это отнюдь не христианское проявление чувств, за которое ратует сам же Тарас. Не все в нем выдержало испытание временем.

Но судьба самого Тараса оказывается исключительно трагичной. Сначала ему пришлось увидеть страшную измену своего младшего сына, потом быть свидетелем страшной казни Остапа, в котором он видел свою надежду. Наконец, берут в плен и казнят самого Бульбу, сжигая его на огне и распиная на древесном стволе. Гоголю удалось ярко воплотить исторически-конкретный образ, порожденный суровым временем, отмеченный героизмом и титанизмом, несущий в себе отдельные черты национального характера.

Носителем героического начала является и старший сын Тараса — Остап. Последний перенял от отца и товарищей-запорожцев лучшие воинские качества. Мужественно и смело сражается он за свободу и независимость своего края. Остап наделен суровостью бойца, умением вершить ратные дела, редкостным хладнокровием, негибаемой стойкостью. Испытывая во время пыток нечеловеческие муки, он проявляет высокую честь и презрение к истязателям. Сын Тараса тоже распят, хотя и на эшафоте. Возникает аналогия с евангельской сценой Голгофы, когда одинокий, терзаемый Сын в присутствии толпы вызывает к своему невидимому Отцу: «Батько! Где ты? Слышишь ли ты?». И при этом, вероятно, внутренним слухом он слышит ответ Отца: «Слышу!».

Гоголь изображает и второго сына Тараса, развертывая антитезу двух братьев. Андрий, хотя, подобно отцу и старшему брату, «кипел жаждой подвига», резко противопоставлен им обоим. Скрытность, склонность к обособлению от других, пылкость романтика, погруженность в неясные и неопределенные мечтания, страстное влечение к женской красоте — все эти свойства юного Андрия стали некой предрасположенностью к своеобразному поведению на поле брани. Не высокими патриотическими задачами, не воинским расчетом увлечен он в битве, а упоением роскошью кровавого пира, длящегося на поле сражения, эстетическим восприятием происходящего.

Гоголь не спешит резко снизить образ Андрия. Не лицемерие, не корысть, не трусость, не тяготение к роскоши приводят Андрия к роковому шагу. Любовь к прекрасной полячке, захватившая все его существование, движет его поступками. Но прекрасное и возвышенное чувство, овладевшее им, приходит в столкновение с воинским долгом, будучи неуместным в ходе сражения и чреватым переходом в стан врагов. Происходит отчуждение от национальных начал, от товарищей по борьбе, от некогда родного воинства. Есть что-то чуждое в обстановке готического замка, куда ради свидания попадает Андрий, есть что-то неживое и в самой панночке, похожей на «прекрасную статую». Свой долг Андрий подчинил личному чувству, общее заменил индивидуально-частным, что и привело сына Бульбы к измене. Огромное понятие «Отчизна» уместается для Андрия в удивительно малом. «Отчизна моя — ты!» — признается он соблазнительнице.

Выявляется эгоизм и индивидуализм Андрия. Предательство влечет за собою казнь. Судьей и убийцей становится для юноши родной отец. И Гоголь скорбит по поводу воцарившихся

среди людей извращенных, бесчеловечных отношений, когда любовь становится преступлением, а отец убивает собственного сына.

Наряду с центральными героями Гоголь ярко рисует образы иных запорожцев, веселых, исполненных молодецкой удали, и главное — беззаветной храбрости и верности своему воинскому долгу. Таковы атаман Кокубенко, казак Шило, атаман Балабан. Все они — участники кровавого пиршества, в котором гибнут, принимая смерть как награду за подвиг.

Повесть Гоголя обладает высокими художественными достоинствами.

Композиционно она организована как вереница ярких батальных и мирных эпизодов, воспроизводящих дела давно минувших дней. При этом происходит постепенное разрастание масштабов борьбы, и все заметнее переход героев от домашней, частной жизни к народно-героической ее сфере. При этом пейзажные зарисовки органически включаются в повествование, соответствуя характерам сражающихся запорожцев.

С точки зрения жанра, произведение Гоголя, основанное на поэтическом эпосе и героике, может быть названо исторической народно-героической эпопеей. Но в ней важную роль выполняет лирика, рожденная восприятием образа матери и мира природы. Лиризм привносят и проникнутые задушевностью и сердечной теплотой песни.

Автор постоянно присутствует в своей повести: то он ограничивается отдельными репликами, то развертывает подробное описание, то обогащает текст своим удивительным юмором, незаметно переходящим в печаль, скорбь и даже передачу трагического.

Спорным представляется решение вопроса о художественном методе, претворенном в повести. Отдельные исследователи (М. Б. Харченко) от-

мечают реализм этого произведения, другие говорят о синтезе реализма и романтизма (С. И. Машинский, А. М. Докусов). Мы же считаем, что и необычные обстоятельства, и центральные исключительные герои, и романтическая линия Андрия — поллячки, и односторонность изображения Остапа, и романтическое описание казачества — все подтверждает вывод о доминировании романтического изображения исторической действительности.

В языке повести сочетается высокий, патетический стиль автора и его основных героев с индивидуализацией высказываний отдельных значимых участников происходящего и эпизодических персонажей. Так, в речи кошевого мы встречаем частые оговорки и лукавые недосказанные суждения, а в высказываниях Бовдюка ощущается степенность, весомость каждого слова. Русское просторечие («жарили пулями») сочетается с частыми украинскими словами и фразеологизмами («вечеря», «жинка», «кухоль» и др.). Патетический строй языка «Тараса Бульбы», как отметила Н. Шведова, во многом перекликается со словесным строем народного эпоса — русских былин и украинских народных дум [4]. Исключительным богатством отличаются изобразительно-выразительные средства языка: яркие, часто составные эпитеты («лилово-огненный цвет»), развернутые сравнения (бросок воина уподобляется стремительному налету ястреба на добычу), троекратные повторения, синтаксические параллелизмы, единоначатия, частые вопросы и восклицания («...есть еще порох в пороховницах?», «Как же вскинулись казаки!»).

Повесть Гоголя вызвала восторженные оценки современников. В. Г. Белинский сравнивал ее с поэмами Гомера. Пушкин писал, что начало ее «достойно Вальтер Скотта». Другие критики отмечали, что Гоголь по-

шел иным путем, нежели английский романист. Через четыре года после появления повести она была напечатана в Праге. Традиции Гоголя продолжили Т. Шевченко в «Гайдамаках», Е. Гребенка в романе «Чайковский», И. Франко в повести «Захар Беркут». В наше время, в 1962 году, в США был снят фильм «Taras Bulba» с участием Юла Бриннера и Тони Кертис. Родство с «Тарасом Бульбой» обнаруживал советский фильм И. Савченко «Богдан Хмельницкий», который и сюжетно, и стилистически продолжил историческую повесть Гоголя. И совсем недавно в нашем кинопрокате появился яркий и масштабный фильм, непосредственно посвященный «Тарасу Бульбе» и с большим размахом экранизировавший повесть Н. В. Гоголя.

Вторую часть «Миргорода» открыла повесть «Вий», легендарно-сказочная основа которой сближала это произведение с повестями, вошедшими в «Вечера на хуторе близ Диканьки». Но фантастика «Вия» представляла теперь в реально-бытовом окружении, и в этом проявилось существенное отличие новой повести от произведений предшествующего сборника. Реалистический элемент «Вия» ярче всего проявился в истории нищего бурсака Хомя Брута, в связи с чем Гоголь воссоздал картины жизни бursы и нравы ее воспитанников. С юмором поведал писатель о подразделении бурсаков на «богословов», «философов» и «риторов» и о том, что «богословия побивала всех, и философия, почесывая бока, была теснима». Но за этими юмористическими подробностями в повести открывалась исполненная глубокого драматизма жизнь и тяготы учения и сечения бурсаков, описывая которые Гоголь отталкивался от романа В. Нарезного «Бурсак» (1824). Писатель показывает социальную незащищенность маленького человека, над которым измываются и ректор семинарии, и «молодцы», связывающие Хому, и ау-

диторы. Свою обстоятельную зарисовку бурсацкой бедности и притесненности семинаристов Гоголь дополняет сценами панского подворья, такого заведения, откуда совершенно невозможно улизнуть, убежать или скрыться, поскольку хутор богатого сотника надежно охраняется крепкими казаками. И эти эпизоды пронизаны мыслью о социальном неравенстве и барском произволе. Силою заставляет деспотичный сотник Хому исполнить волю умершей панночки и три ночи молиться в церкви у ее гроба. И во время этого ночного бдения Хома почувствовал, как душа его начала болезненно ныть, будто вдруг среди вихря веселья «запел кто-нибудь песню об угнетенном народе». Таким образом, мотив социального угнетения пронизывает эту повесть от начала ее и до конца.

Реалистически мотивирована в этой повести и ее фантастика. Ведь красавица-панночка, с которой связан фантастический элемент «Вия» в первую очередь, дочь сотника. Этим объясняется ее злая воля, стремление сначала физически оседлать простого человека и заставить его быть тягловой силой, а потом вынудить его молиться над нею в ночную пору, чтобы предать его пытке страхом и, в конце концов, сломить его дух и погубить. Но панночка одновременно является ведьмой, воплощением дьявольской силы. Она угнетает своих земляков, довлеет над ними, пугает и мучает их, как всякая нечистая сила. Она символизирует зло, вступающее в схватку с добром, бесчеловечное начало, стремящееся одолеть и погубить начало человеческое. Для этого она меняет свой облик, превращаясь в старуху, или обольщает, как дурманом, своей лживой красотой.

Другим воплощением нечистой силы в повести оказывается Вий — приземистый, косолапый гном весь в «черной земле», с железным лицом и

веками на глазах, опущенными до самой земли. Страшилище, окруженное сонмищем крылатых духов, призвано окончательно напугать Хому и доконать его страхом.

Так погиб Хома Брут, одинокий и сиротливый в реальном и сказочном мире человек, наделенный очевидной двуплановостью и противоречивостью. С одной стороны, он Брут, носитель героического, богатырского начала, готовый вступить в борьбу с силами зла (он одолевает хищную дьяволицу и даже колотит ее, а потом выдерживает две мучительные ночи в церкви). С другой стороны, он Хома, носитель обыденного, прозаического имени и способности идти на компромисс. Он стремится избежать наказания то со стороны ректора, то со стороны сотника и его слуг и, не желая читать над трупом молитвы, он все-таки делает это. Он подпадает под властное очарование женской красоты, и она, будучи «сверкающей» и страшной, влечет его, заставляя вглядываться в лицо усопшей. Эти особенности Хому по-своему сближают с Андреем из предыдущей повести. Здесь та же попытка избежать наказания, та же воинственная храбрость, та же тяготеет к женским чарам, та же сделка с совестью и изоляция от своих товарищей. И в обоих случаях — неминуемая расплата и гибель.

Каковы источники гоголевской фантастики в «Вие»? Прежде всего это украинский фольклор, сказки о ведьмах и ведьмаке, опубликованные в книгах М. Драгоманова и И. Манжуры [5], например народная сказка о езде парубка на ведьме и о смерти последней. Гоголь смело переделал распространенный сюжет этих произведений, внеся в него трагический аспект [6]. Это народные поверья о Касьяне с его принадлежностью земле, длинными веками и губительным взглядом [7]. Гоголь использовал также балладу В. А. Жуковского, «в кото-

рой описывается, как одна старушка ехала на черном коне». Писатель учел также кельтский и немецкий фольклор, посвященный гномам, усилив его вариации трагическим восприятием мира. Эта трагическая сторона «Вия» была подчеркнута и даже усилена в одноименном фильме А. Птушко, К. Ершова и Г. Кропачева.

Но гоголевская повесть о чудовище Вие и гибели славного Хома Брута оканчивается все-таки светлой улыбкой и шутливым поминанием героя в философской беседе, происходящей в веселом шинке. Светлый день, по Гоголю, обязательно должен сменить страшную ночь, что и происходит в концовке повести.

Романтизированная фантастика «Вия» сменяется в «Миргороде» реалистическим повествованием **«Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»**. Вновь, как и в предыдущей повести, Гоголь отталкивается от В. Нарезного, но теперь от его другого произведения — романа «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» (1825). Однако вместо морального наставления и дидактики предшественника Гоголь предложил острое осмеяние двух героев, прикрытое патетическим восхвалением их достоинств. То, что было достигнуто в последнем очерке «Вечеров» — «Иване Федоровиче Шпоньке и его тетушке» — получило блистательное сатирическое развитие в последней повести «Миргорода». Контраст становится теперь основным сюжетобразующим приемом изображения. Он распространяется на внешний облик, обычаи, привычки, характеры двух особо выделяемых господ славного города Миргорода.

Энергично развивая интригу повести, Гоголь демонстрирует блистательное мастерство сюжетосложения, что было превосходно показано А. М. Докусовым [8]. Глубокой иронией отмечено описание «чудного города» с его плетенью, горшками и удиви-

тельной лужей, с его необыкновенным событием — ссорой двух прославленных мужей из-за жалкого пустяка, породившего судебную тяжбу. Ирония закономерно переходит в сатиру, когда рисуется колченогий городничий, распространяющий вести Антона Пафнутьевича; судья, повествующий о ловле дроздов; два закадычных приятеля, ставшие непримиримыми врагами. Здесь Гоголь являет мастерство в живописании нравов и создании откровенной мистификации, рожденной простачком-повествователем, который умело пользуется игрой словом, каламбуром и острыми антитезами в изображении всеобщей пошлости. Гоголь владеет искусством передавать преувеличенные жесты и позы, выразительно изображать неодушевленные предметы, остроумно сопоставлять помещиков с овощами (редькой хвостом вниз или вверх), мастерски использовать нелепые фамилии (Перерепенко), забавные положения (разделение Ивана Никифоровича на две половины), гротескные ситуации, гиперболы (шаровары, вмещающие

«весь двор с амбарами и строением») и алогизмы. Все эти художественные средства подчиняются тому, чтобы воссоздать пошлую и нелепую действительность.

Если противники Гоголя из «Северной пчелы» обвиняли автора повести в пристрастии к рубищам, грязным лохмотьям и картинам жизни, в которых нет ничего смешного и забавного, то Пушкин нашел, что это повествование «очень оригинально и очень смешно». Так записал он в своем дневнике. А Белинский добавил: «... этот юмор чисто русский, юмор спокойный», он «состоит в верном взгляде на жизнь» [9]. Повесть Гоголя способствовала формированию принципов и поэтики натуральной школы, она вызвала много прямых подражаний.

Говоря о сборнике «Миргород» в целом, В. Г. Белинский отметил такие отличительные особенности повестей Гоголя, как простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти.

Примечания

1. Станкевич Н. В. Переписка. 1830-1840 гг. — М., 1919. — С. 318.
2. «Воспоминания и рассказы местных обществ 1820-х годов». — М.: Изд. политкаторжан, 1931. — т. I. — С. 318.
3. Манн Юрий. Творчество Гоголя: смысл и форма. — СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. — С. 139.
4. Шведова Н. Принципы исторической стилизации в языке повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — т. III, С. 45-67.
5. Драгоманов М. Малорусские народные предания и рассказы. — Киев, 1876, № 1-6.
6. Сумцов Н. Параллели к повести Н. В. Гоголя «Вий» // «Киевская старина», 1892, кн. 3, С. 24.
7. См.: Назаревский А. А. «Вий» в повести Гоголя и Касьян в народных поверьях о 29 февраля // Вопросы русской литературы. — Львов, 1969. — Вып. 2, С. 46.
8. Докусов А. М. Мастерство сюжета Н. В. Гоголя в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» // Проблемы теории и истории литературы. — М.: Изд-во МГУ, 1971. — С. 281-288.
9. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — т. I, С. 298.

Наталья Ульянова

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПРОВАЛ

Как известно, с незапамятных времён нашу планету окружает довольно плотный пояс, состоящий из переплетающихся нитей энергетических биотоков и электрических полей. Таких поясов становится всё больше и больше с каждым годом, и в некоторых местах своего переплетения они проваливаются внутрь времени и пространства. Подобные провалы могут внезапно появляться и через три-четыре часа спонтанно исчезать. В эти моменты люди и вещи, случайно оказавшиеся в месте провала, исчезают из поля зрения земного наблюдателя. Чаще всего они больше никогда не появляются в том же месте, а их видят на другом, часто противоположном конце планеты по прошествии многих лет. Обычно люди и предметы выглядят несколько не изменившимися и не потерявшими свой внешний облик. Иногда подобное блуждание вне пространства и времени может занимать несколько столетий, но для пропавшего человека они пролетят как несколько мгновений. Если прошло несколько лет, то человек, побывавший во временном провале, сначала выглядит не изменившимся, но затем почти мгновенно стареет. Скорее всего, в провалах замедляется физическое старение и психическое взросление человека. Энергетические дыры могут существовать только отбирая биоэнергию у живого существа. Особенно много подобных провалов существует в Атлантическом океане (район Бермудских островов), в некоторых районах Восточной Сибири, в Антарктиде. Последнее место изучено очень плохо ввиду тяжелых плохих погодных условий и малого количества населения материка. Обычно все исчезновения происходят при хорошей погоде, видимости и слышимости. Летящие самолеты исчезают с экранов радаров и локаторов, связь по радио с ними прерывается. Как правило, позднее эти самолеты никто никогда не находит и они числятся пропавшими без вести. Их экипажи, скорее всего, в большинстве своем погибают, так как человеку, находящемуся в замкнутом пространстве (например, в самолете) невозможно перенести пространственно-временное сжатие материи. Совсем другое дело, когда человек попадает в энергетический провал, находясь на открытом пространстве, высоко в горах или в море. В этом случае он просто переносится в другое измерение или другое время (на три-четыре столетия вперед или назад).

Энергетические провалы никогда не находятся подолгу на одном месте. Из-за большой плотности биоэнергетической оболочки планеты дыры могут возникать все чаще и чаще, оказываясь в крупных городах и других густонаселенных районах Земли. К счастью, такие провалы могут открываться лишь на несколько (тридцать-сорок) секунд в день, все время появляясь в новом месте. В таких случаях становится понят-

ным внезапное исчезновение людей и их последующее появление через несколько лет в прежнем состоянии. Реже проявляется другой феномен: время может останавливаться, ускоряться или замедляться внутри энергетического провала. Для внешнего наблюдателя это совсем незаметно, а для человека, попавшего в такое место, время течет уже в другом измерении. Поэтому человек может постареть на несколько лет почти на глазах у изумленных зрителей или слишком долго оставаться неизменяемым по возрасту по отношению к другим людям.

Чаще всего энергетические провалы появляются в тех местах, где биоэнергетическая оболочка становится особенно плотной и уже не выдерживает тяжести все новых налагающихся на нее слоев. Время в подобных случаях искривляется и человеку кажется, что оно идет вспять. Появление провалов часто сопровождается неблагоприятными атмосферными условиями, например — грозой (в городах) или штормом (в океане). В это время провал открывается и формируется, в спокойной обстановке определяются его границы, и поэтому люди и предметы пропадают при полном штиле, безветрии и хорошей освещенности. Закрытие полностью подобных энергетических провалов невозможно, потому что это привело бы к нарушению биоэнергетической оболочки планеты в совершенно непредсказуемом плане. Дыры смогли бы появляться в густо населенных областях на три-четыре часа и при этом пропадало бы большое количество народа. Дыры могли бы постоянно смещаться по широте и долготе, и скоро временная оболочка нашей планеты представляла бы перфорированную карту.

НАХОЖДЕНИЕ ШАМБАЛЫ

Шамбала есть сосредоточение духовного и физического совершенства человеческого организма, место, где изменяется способность воспринимать время и пространство, место, где усиливаются паранормальные способности человека. Шамбала не есть какое-то определенное место на географической карте, скорее всего, это определенное состояние души человека, когда он в состоянии находится одновременно в нескольких местах. Человек может находиться в таком состоянии:

- 1) в момент гипноза;
- 2) в момент реинкарнации будущего;
- 3) в состоянии сомнамбулизма (первые два-три часа начала полнолуния);
- 4) в момент первой клинической смерти;
- 5) лишь некоторые люди могут прийти в такое состояние путём долгой тренировки своих паранормальных способностей.

На нашей планете издавна существовало несколько мест предполагаемого нахождения Шамбалы. Это место должно удовлетворять следующим требованиям:

- 1) должно быть достаточно удалено от мест массового проживания большого количества людей;
- 2) достаточное удаление от морских и океанских побережий;

- 3) высокое расположение над уровнем моря, преимущественно в горах;
- 4) сосредоточение древних народов или остатков их культур вблизи предполагаемой Шамбалы;
- 5) предполагаемый выход и сосредоточение области паранормальных факторов.

Всем этим факторам на планете в разные годы соответствовали различные области в районах древних Анд, Кордильер, Северных Альп, а также Тибета и Гималаев. Как видно, здесь отсутствуют материки Африка, Австралия и Антарктида. Первые два не удовлетворяют всем требованиям, а последний никогда не был особенно сильно заселён.

Первоначально любая Шамбала в древности была истинным сосредоточением паломников и монахов, которые служили в её культовых сооружениях. Чаще всего это был небольшой храм с алтарём, открытым в любое время года для встречного ветра. Иногда храм был в виде пагоды или напоминал ковчег. Прислужников никогда не было очень много: десять-пятнадцать человек, не более.

В любой Шамбале всегда постоянно находились люди, способные к паранормальной деятельности. Это были широкие телепаты, гипнотизёры (лечащие), способные к телекинезу, ясновидению, яснослышанию, реинкарнации. Они принимали в день до тридцати-сорока паломников каждый (только в летние месяцы). В другие времена года они только отдыхали и совершенствовали свои способности. Среди таких людей было очень много долгожителей (сто двадцать лет и более). В Шамбале существовали странствующие монахи, которые ежегодно отправлялись в путь в день весеннего равноденствия, и возвращались в храм поздней осенью. Их задачей было: не привлекая к себе особого внимания, путешествовать по избранной ими стране и разыскивать маленьких детей, родившихся с паранормальными способностями или, если они проявились вскоре после рождения (первые два-три года). За этими детьми впоследствии велось пристальное наблюдение со стороны постоянных обитателей Шамбалы. Дело в том, что паранормальные способности, однажды появившись, уже никуда не исчезали, и их в Шамбале у детей постоянно развивали и совершенствовали. В возрасте шести лет монахи снова посещали родителей ребенка, и предлагали ему переселиться в Шамбалу, — решающее мнение было только за родителями. Дело все было в том, что ребенок больше никогда не возвращался в родной дом, никогда не видел своих родных; примерно двое из десяти детей попадали в Шамбалу на дальнейшее обучение.

Паранормальные способности обитателей Шамбалы позволяли им создать своеобразный энергетический барьер, который не позволял людям обычным беспокоить первоначальных экстрасенсов.

С течением времени древние Шамбалы Северной и Южной Америки утратили свое значение, от них, возможно, остались только некоторые культовые сооружения. Первоначальное значение приобретает Шамбала в Азии, и особенно расположенная в Тибете. Эта одна из самых труднодоступных Шамбал древности, в настоящее время она осталась единственной на нашей планете. Расположена сегодняшняя Шамбала на высоте пять тысяч метров над уровнем моря, в глубоких и

каменистых отрогах горной системы Тибет. Первоначально она возникла в XV-XVI веке н.э. Теперешняя Шамбала маскирует свое местонахождение близкими храмами тибетцев, их ламами-отшельниками и отдельными редкими поселениями самих тибетцев. Вход в Шамбалу, в отличие от самых древних, бывает открыт только лишь несколько дней в году (преимущественно в дни, близкие к весеннему равноденствию). Таким образом, в Шамбалу могут теперь попасть не случайные люди, а только те, кто долго и упорно стремится к достижению своей цели. Это непосредственный физический путь попадания в Шамбалу.

Существуют ещё способы духовного проникновения, например, в моменты полного слияния телепатических мыслей ясновидящих, живущих в Шамбале, и людей, находящихся в стадии развития паранормальных способностей. Чаще всего это происходит во сне человека (в моменты быстрого сна), примерно на полторы-две минуты.

В момент прогрессивного гипноза люди на три-четыре минуты также могут попадать в преддверие Шамбалы. Особые случаи представляют собой проникновение в Шамбалу в моменты клинической смерти. Человек обычно совершает только перенесение духовной оболочки, в то время как физическая оболочка остается в видении окружающих его людей. В самый первый момент клинической смерти от человека отделяется только эфирный облик, который преодолевает огромное расстояние до теперешней Шамбалы с любой точки земного шара. В это время в самой Шамбале ясновидящие постоянно создают атмосферу пребывания, это своеобразный светящийся туннель, при прохождении которого мозг человека вспоминает все прошедшее за дни с его рождения. В его мозгу могут медленно появляться образы людей будущего и возможно образы ранее умерших родственников.

В самой Шамбале души людей никогда в течение их жизни не материализуются. Им просто дается возможность просмотреть всю свою прожитую жизнь и выбрать единственно правильный образ жизни. Вторично увидеть Шамбалу в момент второй клинической смерти не представляется возможным. Также невозможно попасть в Шамбалу после физической смерти. Шамбала ни в коем случае не является земным прообразом религиозного или мистического божественного рая. В отличие от рая (существование которого очень проблематично), Шамбала представляет собой совершенно реальное место на географической карте. Шамбала постоянно скрыта от любопытного человеческого взора, дорогу к ней могут найти только люди, духовно просвещенные и обладающие хотя бы минимальными паранормальными способностями. Они могут попадать в Шамбалу при своей физической жизни и проживать там несколько десятилетий, даже после своей физической смерти. В самой Шамбале они могут проживать несколько человеческих жизней подряд.

Николай Поречных

СССР — КОЛЫБЕЛЬ КОСМОНАВТИКИ

Мне ещё не было шести 12 апреля 1961 года. Сестре уже семь исполнилось — осенью в школу, брату в марте четыре стукнуло.

Жили мы на Алтае, в маленьком уездном городке. Помню, день был обычный: противный ветер рябил в лужах воду и не давал воздуху, нагреваемому то выходящим, то прячущимся в тучки солнцем, закрепиться на одном месте. Те места городских улиц, которые не были в воде, представляли собой сплошное месиво, через которое не во всяких сапогах проберёшься. Грузовики застревали и вязли по ступицу, как на просёлочных дорогах! Первая асфальтированная улица появилась в городе лишь в 1963 году. В общем, на дворе было неуютно, и мы, ещё не школьники, почти весь день провели дома с неработающей матерью.

Где-то в половине шестого вечера с работы возвращался отец. Набесившиеся с тоски — целый день в четырёх стенах, — мы сидели, усмирённые прутом матери, и ожидали отца. Вот в сенях застучали каблук его хромовых, самолично пошитых сапог — отец работал сапожником — и мы враз оживились, утирая остатки слёз «понарошку».

Отец вошёл и, как всегда широко улыбаясь, протянул нам свой «тормозок» — холщовую сумку, приговорив, как обычно: «Гляньте, что вам там Зайка передал», — и стал стягивать сапоги.

Зайка «прислал» краюшку чуть подсохшего хлеба, который, разломив поровну, мы тут же начали жевать, — а ещё в сумочке оказались три карамельки. Такое бывало время от времени, это товарищи отца по цеху, когда оставалось от чая, передавали специально для нас.

Сняв верхнюю одежду, отец умывался; мать не торопясь накрывала стол; из репродуктора шла какая-то музыка.

И вдруг песня прервалась на полутоне и после напряжённой тишины раздалось:

«Говорит Москва! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!»

Это был голос Левитана. Я его слышал впервые, а старшее поколение накрепко связало знаменитый баритон с бедой.

— Война... — просевшим голосом проговорил отец и опустил на табурет.

Мать, глядя на него во все глаза, упала к нам на койку и инстинктивно прижала всех к себе. Мы затихли, замороженные непривычным тоном сообщения и видом родителей.

Левитан говорил. Отец с матерью слушали, не воспринимая смысла. Но постепенно слова: «Гагарин», «вокруг Земли», «полёт» — и ни слова про войну — сняли с них оцепенение. Напрягшись и вслушавшись с минуту повнимательнее, отец изменился в лице, встал, сплюнул, как вроде

даже с досады, и махнул рукой. Мать тоже посветлела, закивала и продолжила накрывать стол.

На следующий день в газете мы увидели портрет улыбающегося Гагарина, фотографии радующихся москвичей, скупую, в три строки, информацию о полёте.

У нас же в семье, на дворе и на улицах радость пока заключалась в одном: «Слава Богу — не война!» Отец, как мог, разъяснял нам вечерами значимость и суть события, что-то мы добирали во дворе, вспоминали Лайку, Белку, Белянку и Пёструю, и всё больше и больше гордость за социалистическую Родину наполняла наши сердца. Скоро и для моего поколения голос Левитана станет привычным. Ю.Б. Левитан — значит, опять полетели!

Потом были Титов Герман Степанович, — земляк. Первая женщина-космонавт Валентина Терешкова. Алексей Леонов в открытом космосе. Интригующая гибель В. Комарова... Наконец — встреча на орбите советских космонавтов с американскими астронавтами! Но это уже много позже.

В шестидесятые космические корабли стали отправлять на орбиту с периодичностью общественного транспорта, и, откровенно говоря, далеко не каждый рейс оправдывал огромные капитальные вложения, ложившиеся дополнительной нагрузкой на плечи советских граждан. Параллельно с этим строились ракеты для военного ведомства, куда субсидии из госбюджета вообще не обсуждались. Как известно, размещение наших ракет на Кубе завершилось Карибским кризисом, что чуть было не привело к третьей мировой войне.

А на местах, в провинции, в магазины стали завозить всё меньше хлеба, включая кукурузный. Очередь занимали, вставая в 4-5 часов утра, в очередях стояли семьями, потому что на руки отпускали по одной буханке. Что касается остальных продуктов, промышленных товаров — о них, если проблема с главным продуктом, хлебом — и не думалось. Помню, что ходить по улицам, ездить в общественном транспорте в том же, в чём ты стоял у станка или орудовал на ферме, не считалось неприличным. Это было даже неким вызовом отутюженной интеллигенции — усесться в замасленной куртке рядом с «очкариком». А как быть, если нет, во что переодеться? Поневоле приходится делать хорошую мину при плохой игре.

Анекдот тех времён:

Н.С. Хрущёв принимает американского президента. Они ездят по стране, проезжают через территорию одного из передовых колхозов и по просьбе последнего останавливаются у ограды дома, где во дворе мужик колотит свою жену. Кеннеди через переводчика спрашивает мужика: «За что?»

Деревня, естественно, предупреждена. Мужик, узнав Никиту Сергеевича, повествует:

— Надоели, дескать, капризы! Сапожки итальянские! — купил. Шубу давай ей норковую! — купил. Машину «Победу» купил. Нет — её вези теперь, в самый разгар уборочной, в курорт заграничный! Ну, не стерпел я!

Покачал Д. Кеннеди головой, отошёл, а Хрущёв к колхознику:

— Молодец, мужик! Ну а мне теперь скажи всё же, за что бил жену?

— Да, понимаете, Никита Сергеевич, ушла сегодня утром в моей фуфайке на дойку, а мне на трактор, пахать надо. И ведь есть же своя! Худая, правда, — но ведь ей в помещении работать...

Слава учёным, изобретателям, конструкторам, техникам, рабочим и крестьянам! Но не могу я славословить политиков, которые ради дутой престижности разбрасываются народными деньгами, как Обломов оброком, собранным с проливающих семь потов голодающих крепостных.

Вся необоснованность и низость этой престижности раскрылась после нашего поражения американцам в гонке за высадку на Луну. Тогда было приказано законсервировать, а то и уничтожить физически многие разработки, стоившие огромных народных денег. Какая-то дикая, похожая больше на личную, обида. Но «посуда» при этом почему-то бьётся не собственная.

А Гагарин — это... Гагарин — это Гагарин!

ЁЛКА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВОГО

В том далёком декабре шестидесятого у нас в доме впервые была установлена живая ёлка, огромная — под потолок, — и мы, трое ребятшек с мамой, целый день её наряжали. Я эту ёлку хорошо запомнил: наша семья только недавно переехала из полуподвальной, с низкими потолками комнаты в настоящую квартиру, и по этой, наверное, причине, и потому, что у нас ёлка — дядя со своими жёнами пришли отмечать Новый год у нас.

Дядек было двое: дядька Гришка, который жил по ту сторону железной дороги и идти к нему надо было через путепровод с поломанными тут и там досками; и дядька Гаврила, который по случаю оказался в городе, и поэтому, возможно, был даже один, без тёти Тони. Наверное, так, хотя не ручаюсь. Тётю Тоню я вообще из детства не помню. Хорошо узнал её уже только, когда сам стал взрослым, а она бабушкой. Но людей должно быть было побольше, поэтому допускаю, что вначале за столом присутствовали соседи.

А дядя Гриша был с тётей Ариной. Тётя Арина была красивая женщина — я это уже тогда понимал. От неё всегда пахло сыром, потому что она работала на маслосыркомбинате. Благодаря тёте Арине я рано узнал вкус колбасного сыра. В магазине мы его никогда, разумеется, не брали. О чём говорить, если из колбас отец с полочки приносил домой, как деликатес, лишь ливерную. Резалась колбаса плохо, крошилась, особенно в плёнке, нам выделялось на пробу по кусочку длиной сантиметра три-четыре, и мы просили не снимать плёночку прежде, потому что такой кусочек казался солиднее, да и съесть свою дольку с куском хлеба («С хлебом ешьте!») мы норовили вместе с этой шкуркой. Потом мама

безжалостно рушила остальную колбасу в сковороду и приправляла ею или жареный картофель, или отваренные и поджаренные опять же макароны на ужин.

Нас у родителей, как я уже заметил, было трое. Рождались мы примерно через полтора года один за другим: старшая сестра, я и младший брат. Был ещё первенец, который умер вскоре после родов, и его имя по наследству досталось мне. Говорили: так положено. Мама, абсолютно неграмотная, так и не научившаяся за свою жизнь ни читать, ни писать, никаких приёмов воспитания, кроме ремня, не знала, поэтому телесные наказания ремнём, прутом или тем, что под руку попадёт, были нам привычны. Сестра тоже вынуждена была достаточно вытерпеть унижений от мер воздействия по подсказкам невежественных и злых старух-соседей, находясь уже во вполне девчоночьем возрасте. Но мы понимали, нутром понимали (вот ведь детская интуиция!), что делается всё не со зла, и обиды не затаивали.

Квартира, в которую мы переехали, была шикарная! Комната, большая кухня, просторные сенки! Во дворе большой длинный сарай (дом и двор были на два хозяина); в нашей половине стайки отец сразу выгородил место под «кабанчика», и мы стали выращивать собственное мясо. Колоть подросткового кабанчика обычно приходил дядька Гришка.

Квартира в самом центре города! Тут тебе школа в двух шагах, городской сад, рядом с нашим домом здание районного ДОСААФ, где всё время шла подготовка водителей и в том числе солдат. Сколько солдат перебивало в моих друзьях! Но самое для нас, пацанов, замечательное было то, что сразу за нашим огородом пролегал открытый ров тира для стрельбы из малокалиберного оружия. На 100 метров. И мы с братом могли находиться там во время тренировок стрелков, имели, естественно, преимущественное право на сбор свинцовых катышей, выковыривая пули из толстых досок; нам иногда давали выстрелить... Как я жалею, что родители увезли нас оттуда в шестьдесят седьмом!

Ёлку наряжали скромно, но очень вдохновенно. На её ветки были пожертвованы даже шоколадные конфеты из наших подарочных кульков, местоположение которых мы хорошо запомнили. Украшали картонными, но красочными фигурками, самодельными бумажными поделками, игрушками, ватой, но были и настоящие стеклянные шары! Были, помню, потому что после падения ёлки именно о них больше всего сокрушались мама и сестрёнка. Помню, я никак не мог смириться, что для вершинки нет звезды, всё пытался изготовить её своими руками, но в результате на макушке была водружена какая-то перевёрнутая сосулька. Эта была советская альтернатива Рождественской звезде, как я узнал много позже, для меня же тогда звезда ассоциировалась со звёздами на башнях кремля. Но купить звезду, да ещё бы светящуюся, было тогда нереальным проектом.

Отец всю жизнь работал честным сапожником и содержал всю семью на минимальную зарплату. Мать сначала вынужденно сидела с нами, а потом не могла найти работу по болезни — ей сделали операцию на ухо, но толку эта операция особенного не дала, и мама так и осталась глуховатой. Так что особенно не раскупишься. И это тоже понималось нами. Однако ж вот вспоминаю и такой случай.

Сестре наконец купили большую куклу: шарнирная литая головка, шарнирные полусогнутые в локтях ручки, шарнирные ножки. Голые, матово-розовые — эти большие пупсы сидели и стояли на полках в каждом культтоварном магазине. Сестра шила ей наряды, делилась с ней своими секретами — нас-то с братом двое, а она одна, девчонка. Но это не мешало все время ссориться. Сестра и так старше была, да вдобавок девчонки в детстве крепче обычно, так что в открытой борьбе мне её никак не одолеть было. Оставалось только одно средство отомстить — диверсия. И вот: зимний вечер, топится печь. Все находятся в комнате, лишь я утираю на кухне остатки слёз, потому что мы разодрались с сестрой, и мама устроила меня с помощью прута. Вдруг взгляд мой падает на оставленную на кухонном столе куклу. Ментально созрел план подлой мести: я быстро посрыпал почему-то с куклы одежды и сунул её, голую, в духовку, прикрыв жестяной дверцей. Как ни в чём не бывало, я прошёл к остальным, прикинулся беззаботным, а вскоре и вправду забыл о своей проделке. Минут через пять все почуяли противный запах. Пришлось проветривать, открыв двери, а я во второй раз за вечер был порот.

Не помню, как именно в этот новогодний вечер всё начиналось и происходило, что было на столе. Наверное, было мясо в честь праздника, обязательная селёдка, обязательно сыр колбасный тётя Арина принесла. Мне нравились гуляния старших, потому что, выпив, поговорив всё громче и громче, они обычно начинали петь. Пели все. Хорошо пели. У дяди Гриши голос подрагивал, дрожал, он специально перебивал его как-то в горле. Мой отец тоже пытался подпускать в голос дрожь, но маме это не нравилось, наверное из-за того, что подражает.

Мамина любимая песня была «Гаяль молодая»... Давно это было, уже и не вспомню, как именно пела мама — но сильно, громко тогда пели. А вот тётя Арина выводила как-то «интеллигентно», вполголоса и красиво, помню, что нравилось её пение. Дядя Гаврила играл на гармошке. И все его сыновья потом пробовали гармошку, особенно старшие — Генка и Витька, хорошие гармонисты стали. А всего у него родилось пять сыновей и одна дочь, старшая. Умрёт он через десять лет, не дожив и до пятидесяти.

У дядьки Гришки с тетей Ариной был всего один сын, Шурка. Он служил действительную на Тихоокеанском флоте, и именно он, будучи потом в отпуске во всём матросском параде, заразил меня морем.

А сами они выросли в семье, где было девять детей. И последний, младшенький — мой отец Алексей — «божий человек». Он родился в год смерти своего отца, моего, стало быть, деда, Егора Ивановича. Разница между старшим сыном Кузьмой, — Кузьма Егорович не вернулся с войны, он пропал без вести, — и моим отцом составляет 20 лет.

Только мой отец из пяти братьев не побывал на войне. И то был призван семнадцатилетним в самом конце, но открылась язва желудка, и его комиссовали подчистую с белым билетом.

— А нам тут с мамой, думаешь, легко было? Конской дохлятиной подъедались... Лушка вон поднялась да в другую деревню подалась. Там полегче было — она за телятами ухаживала.

— Крысы тыловые, — издевался дядька Гришка.

— Э-эх, братка, — искренне обижался отец, и слеза текла по его щеке.

— Да то уже после войны вы жеребёночка дохлого подобрали, — баял второй дядька, Гаврила. Он работал в колхозе бригадиром, и у него в бригадирской бричке ходил неуправляемый вороной жеребец, точь-в-точь такой, какого описал Золотухин в своих «Дребезгах»!

— Ну, после войны, — вспоминал отец. — А в войну что, лучше было? На лебеде да мякине...

— Зато сейчас живём, — вступала тётка Арина.

— Что, Ариш? — переспрашивала мать.

— Зато сейчас, говорю, хорошо живём, — повторяла тётка.

— Да. Ну, не война, — соглашалась мать.

Потом они в очередной раз откликались на наши мольбы и шли хороводить вокруг ёлочки, взяв нас за руки. Особенно упивался праздником трёхлетний братишка, который не отходил от ёлки, и, оставшись один, всё норовил потянуть какую-нибудь игрушку, так что за ним нужен был глаз да глаз.

В ту новогоднюю ночь 1961 года взрослые, как всегда, мало говорили про саму войну, но её тема всё время присутствовала, и я чувствовал это. Надо сказать, мы тогда не приставали к отцам, дядькам с просьбами рассказать что-нибудь «про войну». Это много позже фронтовики стали приходить в школы и почти профессионально повествовать ребятишкам героические эпизоды из собственной биографии. Тогда это была ещё свежая трагедия, пока ещё это была «верёвка в доме покойника, о которой нельзя упоминать». И сегодня они пили, пели. Кто-то вдруг замыкался на слово в песне или разговоре, и остальные привычно старались не смотреть в его сторону, продолжая петь. А он, поиграв желваками и рубанув воздух кулаком, поднимал на всех просветлённый взгляд и громко затягивал очередную песню. Все с радостью подхватывали, проглотив каждый свой комок.

А потом, как это бывало нередко, дядьки разругались, разодрались и повалили нашу так любовно украшенную ёлку, разбив и растоптав своими праздничными хромовыми сапожищами такие дорогие ёлочные шары. Мы ревели и собирали осколки, а братья, выпив ещё по стакану, затаили, обнявшись, в одну струю что-то революционное.

А весной, когда стал таять снег, и улицы городка превратились в реки, по которым и в сапогах пройти было мудрено, в космос полетел Юрий Гагарин.

Шёл шестой час вечера 12 апреля. Отец только пришёл с работы и умывался, по репродуктору звучали незапоминающиеся мелодии. И вдруг трансляция резко оборвалась, и после паузы, громко и страшно зазвучал голос Левитана:

— Внимание! Внимание! Работают все радиостанции Советского Союза!

Отец подошел ближе к динамику, хоть он и так работал на полную мощь. Мать опустилась на койку и со страхом смотрела на отца, на нас.

— Война, — обречённо и зловеще-спокойно проговорил отец. Мать всплеснула руками и прижала к себе младшенького.

Но это была не война. Это была наша крупная победа в освоении космоса и в другой войне — «холодной». И первое всеобщее ликование было вовсе не по поводу полёта Ю.А. Гагарина — большинству это ещё предстояло осознать, это величайшее техническое достижение «фуфаечной» России — а люди ликовали и плакали и радовались ошибке: «Слава Богу, не война!»

Мы ещё окажемся на грани ядерной войны с Соединёнными Штатами — впереди уже маячил Карибский кризис.

А пока мы упивались миром.

И этой осенью моя сестра пошла в первый класс, а на следующий год и я уже читал над лестничным пролётом в школе большие белые буквы на кумаче:

«НЫНЕШНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ БУДЕТ ЖИТЬ ПРИ КОМУНИЗМЕ!»

Жизнь впереди обещала быть захватывающе интересной!

Фердимонова Елена (Москва)

ПОВЕРИТЬ В ЭТО НЕВОЗМОЖНО

Глава 1 НАЧАЛО

История начинается, казалось бы, в обычный питерский вечер. Весна в Санкт-Петербурге выдалась жаркая, двадцать градусов по Цельсию. К счастью для горожан, был сильный финский ветер, и это спасало положение. В малом сквере, возле метро «Черная речка» разворачивалось то событие, о котором я хочу вам поведать. В этом самом сквере по средам собирались люди неформальных субкультур, причисляющие себя к самым разным стилям или силам... и в этот день там была группа отдыхающих людей в черных одеждах с пивом и гитарами. Среди этой толпы нетрудно было заметить двух молодых людей, одетых по-другому, хотя и дружелюбных со всеми. Молодая девушка шестнадцати лет, одетая в синюю облегающую кофту и джинсы, и парень двадцати одного года, одетый в широкие штаны и ветровку. Несмотря на безудержное веселье толпы, именно они вдвоем были обликом грусти. Они встали и отошли в сторону, в надежде спокойно поговорить.

— Я не понимаю, зачем нам надо сидеть здесь, когда сегодня наша годовщина, и мы должны проводить этот вечер вдвоем, а не пытаться веселиться здесь, когда эта толпа меня жутко напрягает, — сказала девушка, немного повысив голос и злобно посмотрев на своего собеседника.

— Оленька, успокойся, не надо криков. Волк попросил нас посидеть здесь немного с ним, а затем мы пойдем ко мне и отпразднуем.

— Все этот Волк. Он достал меня, печется он о наших отношениях, как же, он только все портит. У меня уже нет настроения на праздник.

— Ну, кисуля, потерпи еще немного, мы скоро будем вдвоем. — Юноша настойчиво пытался успокоить Ольгу, хотя сам был неспокоен, каждый момент в кармане он крутил маленькую коробочку.

— Хорошо, но пойдем хотя бы прогуляемся по набережной немного, хочу побыть с тобой наедине. — Девушка быстро развернулась на маленьких каблучках, эффектно встряхнув длинными волосами, схватила парня за руку и повела прочь от неформалов.

— Все-таки очень приятно прогуляться вдали от толпы. Не правда ли, Дим?

— Да, кисуль, давай здесь присядем, я хочу тебе кое-что сказать, — юноша говорил встревожено, он решил, что до дома ждать нельзя, и нужно дарить подарок сейчас.

Они сели на каменную набережную и на миг им показалось, что кроме них двоих вокруг ничего не существует...

Знаешь, ведь сегодня ровно год как мы вместе, и я хо-хотел тебе ска-сказать, ну, в общем... — Дима сильно волновался. Оля же смотрела на него с нежной улыбкой на лице, не понимая, что на самом деле происходит, и тут он достал заветную коробочку, встал на одно колено и выпалил:

— Кисуля, я жить без тебя не могу, выходи за меня, ведь браки разрешены с шестнадцати лет...

Девушка вскочила с места, с лица быстро сползла улыбка, в глазах появился испуг, затем слезы. Недолго думая, она развернулась лицом к дороге и, наплевав на каблучки, побежала прочь.

Дима оставался неподвижно на одном колене, недоумевая, что происходит. Через тридцать секунд он понял, что произошло, и бросился за ней. Девушка в панике ловила машину на дороге и как раз одна остановилась, когда Дима был в паре шагов от нее.

Глава 2

НЕ ЗАБЫВАЙ О ТОМ, ЧТО ЛЮБИШЬ, МОЖЕШЬ ПОТЕРЯТЬ

— Быстрее жмите на газ, я умоляю, к Комендантскому, — Ольга просила водителя истеричным голосом.

Водитель, увидевший машущего Диму, все понял и выполнил просьбу. Дмитрий бежал за машиной но, естественно, догнать не смог.

— Что, поссорились? — Спросил водитель, когда девушка немного успокоилась.

— Вроде того... стой, я тебя знаю... Вова? — Ольга уже совершенно успокоилась, и, посмотрев на водителя, даже улыбнулась.

— Да, верно, но вас я не узнаю, мы знакомы? Кто вы? У меня плохая память на лица.

— Мы как-то познакомились в баре ВВС, я и мои подруги: Маша, Катя и Алиса.

Данная история была запоминающаяся. Четверо подруг отдыхали в баре, когда одна из них заметила группу парней и обратила внимание своих подруг.

— Вы только посмотрите на этого волосатого, какая милашка. — Тогда впервые Ольга заметила Вову.

— Да, он самый красивый из них, — отозвалась Катя.

— Да, да, — откликнулись остальные подруги.

— Эй, вы чего? — возмутилась Оля.

Далее они с ним познакомились. Ему понравилась Алиса, но Ольга не хотела, чтобы так все закончилось, и сделала все, чтобы они расстались.

Пара распалась через несколько дней, затем Вова провожал пьяную Машу, после чего они целовались возле парадной, где она жила, но к несчастью выбежал парень Машки и Вова спасся чудом. Ольга же тихо выжидала момент, все больше влюбляясь в молодого человека. И вот пришел ее черед, она смогла завоевать его, но долго удержать не смогла. Юноше от Ольги нужен был только секс. А под красивой личиной скрывался глупый мужчина. И у них ничего не вышло, но девушка все же влюбилась в него.

Вову она видела редко, прошлое при встрече они не вспоминали, эти ночные прогулки, поцелуи, хотя Ольга и отдавала себе отчет в том, что Вова не достоин ее, но все же любила, тосковала, пыталась даже воровать, но он все равно был не с ней. Тут и появился Дима, спас ее от страданий, помог забыть о Вове и сделал ее жизнь прекрасной.

Так вот, вернемся. Ольга, убежав от своей любви, от Димы, который предложил ей руку и сердце, села в машину к своей бывшей любви.

— Оля? Ты сильно изменилась, прекрасно выглядишь. Такую встречу нужно отметить.

— Да, выпить сейчас мне стоит, а ты все-таки получил права, я слышала, первый раз не вышло.

— Поехали в «Хату магната», там и поговорим, я угощаю, ведь тебя надо развезти. — Юноша явно что-то замышлял, и Оля знала это, но ей было все равно, она лишь хотела забыться.

— Вот и приехали! — Девушка облегченно вздохнула, она знала, что здесь ее никто не мог найти, — как давно я здесь не была, знаешь, мы с Димой редко ходили в кафе.

— Да, я помню, ты их очень любила, но давай не будем о плохом.

— А что ты еще помнишь? Мы ведь расстались почти сразу, — Ольга начала вспоминать прошлое и сердце кольнуло, — хотя ладно, не будем. Принеси меню.

«Какая улыбка, я помню, за что он мне понравился», — девушка начала вспоминать свои чувства, не зная, чем это обернется. Но не буду забегать вперед.

— Итак, что ты будешь: вино, мартини, пиво, ликер?

— Может все смешать и провести вечер в туалете? — У Оли явно поднялось настроение, или, увидев Вову, Дима забылся.

— Шутим, хорошо. Я рад, что настроение поднимается. Тогда беру бутылку «Белиз» и ты мне все расскажешь, почему бегаешь от парней. — Вова улыбнулся и подмигнул девушке.

— Иди за бутылкой.

Как только молодой человек отошел от стола так, чтобы его не было видно, Ольга мигом достала из сумочки зеркальце, помаду и духи.

— Какой кошмар, так, сейчас быстро все поправим. — Молниеносными движениями рук девушка привела себя в порядок.

Он вернулся как раз тогда, когда она закончила, и, поставив бутылку на стол, мило улыбнулся.

— Какая быстрая, и какая красивая, — произнес он, садясь напротив.

— Не лсти, тебе не идет. Должна же я выглядеть прилично в хорошем месте, а не как растрепыш после побега от собственного парня, — и приняла самую сексуальную позу, сама не зная почему.

— Итак, выпьем за встречу, и начнешь свой рассказ.

— Стой! Ты же за рулем.

— Да, но мой дом в десяти минутах ходьбы, кто меня поймает? А если сильно напьюсь, пойду пешком. Не переживай, я много пить не буду, а ты пей, тебе полезно сейчас расслабиться.

Они выпили по рюмке и девушка начала свой рассказ:

— Этот парень, который бежал за машиной, это Дима Уткин. Ты видел его на дне рождения Павлика, помнишь, со мной было двое, Гена и Дима. Как раз после праздника мы пошли к Гене и там начали свой роман, так это перешло в отношения, и вот, сегодня уже год.

— Но ведь у Павлика день рождения был два дня назад? — Юноша пытался найти подвох, натура у него такая.

— Он предложил встречаться, а я как культурная девушка еще два дня подумала.

— Из-за чего же ты убегала от него? — Вову явно не интересовала данная история, он хотел войти в доверие.

— Он... я не знаю, что на меня нашло, просто он часто говорил, что никогда не женится, только гражданский брак, а тут предложил, сказал «выходи», — Ольга опрокидывала рюмку за рюмкой, и когда Вова успел выпить только две, Ольга выпила все остальное. — Сказал еще, что браки разрешены с шестнадцати. Я подумала, что он шутит. Не знаю, меня так напугало, я просто убежала, не знаю почему.

— Еще принести?

— Что? Прости, я все выпила, и, кажется, зря, у меня голова кружится. — Это была чистая правда. Вова именно этого и ждал, поэтому с большой радостью сходил за второй. Дальше они просидели где-то два часа, пока Ольге стало так хорошо, что она не могла уже толком думать, Владимир тоже был уже не трезв.

— Извините, но кафе закрывается, — официантка прервала довольно серьезный флирт. — Администратор благодарит Вас за посещение и просит извинения, но держать дальше сотрудников не имеет права.

— Ну что, пойдем, я отвезу тебя, — специально заплетающимся языком.

— Ты с ума сошел, в таком состоянии ты убьешь нас. — Ольга продолжала заигрывать с ним, — мне в таком состоянии домой нельзя, может, погуляем, — хотя не раз появлялась выпевшей дома. Понимаете, к чему идет.

— На улицу? Гулять? У меня другая идея, может, пойдем ко мне, я обещаю, что ничего не будет, даже на полу лягу.

— Куда деваться, пойдем, только смотри, ты обещал! — «А жаль» — подумала Ольга и улыбнулась. Вова все понял.

Путь был не далекий, но чтобы не упасть, Девушка взяла Вову под руку.

— Вот, почти пришли.

— Ты думаешь, что я не помню, где ты живешь? — Ольга нахмурилась и загрустила. — Знаешь, ты мне раньше сильно нравился, если бы не Дима, не знаю, смогла бы я забыть тебя?

— Если мы пошли на откровения, то я тоже часто думал о тебе, но почему-то сглушил тогда — интересный факт, что это была правда — а что сейчас с твоими чувствами ко мне? — В этот момент они заходили в лифт. Девушка молча посмотрела на юношу, ликер полностью завладел ею, и она поцеловала его. Естественно, он ответил взаимностью. Поцелуй длился всю поездку в лифте и минуту после.

— Я хочу тебя, хочу быть с тобой! — прошептала Ольга на ухо Воле и страстно впиалась в его губы.

— Идем! — Сказал мужчина, открывая дверь. Как только они оказались в комнате, девушка стала пылкой любовницей, и вся одежда быстро оказалась на полу, а они на кровати.

О таких моментах нет смысла писать или говорить, их просто нужно пережить. Каждый человек нуждается в любви и ласке, хотя многие стараются это отрицать. Поверьте, я многое испытывала, и жизни без второй половины не может быть, даже если она у тебя всего на одну ночь.

— Хотя это всего на одну ночь, спасибо, я давно об этом мечтала, — сказала Ольга закончив, поцеловала его и уснула.

«Она хороша в постели, не ожидал в таком состоянии от нее. Может, стоит завести с ней отношения», — Вова размышлял, пока не уснул.

Утром шел дождь, капли стучали по карнизу, шумел ветер, словно звал кого-то. Ольга проснулась от дикого чувства потери и страха, хотя не знала, чем они вызваны. Вова еще спал, обнимая ее. Медленно и аккуратно девушка поднялась с постели, в надежде не разбудить его, но план не удался.

— Доброе утро, прелесть моя! Как ты? — Вова всерьез решил встречаться с Олей, даже не думая, что девушка еще не окончательно рассталась со своим мужчиной и может передумать.

— Голова болит и чувства странные, но вроде все нормально. Какой ужас мы здесь натворили, у тебя есть кто-нибудь дома? Я в ванну хочу, — она даже не посмотрела на него. Как только девушка проснулась, она осознала, что натворила.

— Никого, а с тобой можно? — Юноша насторожился, ведь еще ни разу ни слышал отказа.

— М-м-м, лучше я одна, мне правда нехорошо. — Она улыбнулась как можно милее, чтобы не обидеть юношу.

— Хорошо, только полотенце дам, подожди, — достав полотенце из шкафа, он подошел к ней, крепко обнял и начал целовать, склоняя на постель.

— Тошнит! — Вскликнула девушка, и хоть это было не так, сделала вид, что плохо и вырвавшись, убежала в туалет.

Все, чего она хотела, — смыть все с себя. Позор, бесчестие и угрызения совести.

Через десять минут она вынырнула из туалета и проползла в ванную комнату, криком попросив принести ей полотенце. Мужчина больше не стал стараться и протянул необходимый предмет в маленькую дверную щелку.

Как только девушка вышла из ванны, то решила проверить мобильный телефон, к ее удивлению там было множество неотвеченных звонков. В эту же минуту телефон начал вибрировать у нее в руке. На дисплее высветилось имя — Катя. Ее лучшая подруга с недалекого детства. Девочки много пережили вместе, всегда делились информацией и приключениями. Поэтому Ольга обрадовалась, что ей звонит подруга.

— Алё, Катя я тебя слушаю.

— Оля, где ты?

- Я? Не поверишь, потом расскажу!
- Ты можешь нормально ответить, где ты, это очень важно! — голос Кати срывался на крик.
- Что случилось? Почему ты кричишь? Успокойся, я у Вовы Лосева.
- Где? Оля тут кое-что произошло, ты лучше сядь и не переживай, там есть кто-нибудь поблизости, пусть подойдут, у меня очень плохие новости, — теперь она говорила еле слышным голосом, чуть ли не через слезы.
- Господи, Катя, что случилось, ты меня пугаешь?
- Позови к себе кого-нибудь, я тебя умоляю, делай, что говорю!
- Катя, что за...
- Делай! — Так строго она еще никогда не говорила со своей подругой.
- Хорошо, только не кричи, — зашла на кухню, — Вова!
- Да, что?
- Ну вот, Катя, я тебя слушаю.
- Оля, только спокойно, контролируй себя, твои эмоции опасны для окружающих, — она несколько секунд молчала, затем всхлипнула и произнесла:
- Диму вчера убили...
- Что? Катя, не смешно! Нельзя так шутить! — Оля кричала в трубку, а стоящий рядом Вова не мог понять, в чем дело.
- Я не шучу, его вычислили, точнее он сам вышел на охотников, Ян звонил...
- А...Ка...Дим...нет, нет... — девушка мгновенно побледнела и выронила трубку из рук, глаза наполнились слезами, и она упала на пол. Вова, ничего не понимающий, кинулся ловить девушку, но не успел, И Ольга сильно ударилась головой. Из-за этого смогла очнуться только через пять минут.
- Оля, что случилось? — Юноша был в полном замешательстве.
- Но она не говорила ни слова, лишь смотрела в потолок, ни на что не обращая внимания. Из глаз лились слезы.

Глава 3

МАГИЯ ЗА ЛЮБОВЬ

— Где же оно? Я должна найти его и использовать. Я спасу тебя, ты будешь жить, будешь со мной, — Ольга дома искала какую-то папку в истерике, лицо ее было бледно как снег. Из глаз капали слезы. — Ну, где же он? Держись милый, я спасу тебя.

И вот наконец из секретера она достала толстую папку, с множеством листов и других принадлежностей. Истеричная улыбка появилась на лице девушки, она начала перебирать листы, чуть ли не вырывая их из файлов. Зазвонил телефон.

— Черт побери, кому я еще нужна! — Ольга нервно схватила мобильный телефон, с ненавистью взглянула на экран, там высветилось имя Катя.

— Что ей от меня надо, — ярость охватывала ее, — Алё!

— Оля, как ты? Почему тебя не было на похоронах? Димина мама очень хотела тебя увидеть, я тебе третий день звоню, где ты пропадаешь?

— Не слышу я телефона, что тебе от меня надо? Нельзя меня в покое оставить хоть ненадолго?! — Ольга кричала, она явно не контролировала себя. — Отстань от меня!

— Оля, я прекрасно понимаю, что тебе больно, только ради бога не делай глупостей и не отказывайся от помощи. Оленька, хочешь, я приеду к тебе, сейчас же приеду, только без глупостей, в таком состоянии ты очень опасна для людей. Умоляю, не выходи на улицу, дождись меня.

— Отвяжись от меня с этими людьми, они никто и мне нет до них дела. Не надо ко мне приходить, у меня все под контролем, я лишь воскрешу его, и все будет как раньше, а пока меня не трогай.

— Ты что с ума сошла, только не говори, что собираешься использовать то самое заклинание, ведь тебе сказали, что еще не время, у тебя еще слишком мало сил, может случиться все что угодно. Ольга, ты можешь умереть!!! — Катя сильно волновалась, даже начала немного заикаться.

— Мне все равно, что они говорили и про себя в том числе. Мне главное, чтобы он жил, а я так! Зачем они дали мне заклинание, а потом сказали, что мне нельзя его использовать, это чужь! Это просто проверка! — Вновь слезы покатались по щекам молодой девушки, ее голос начал хрипеть, — я люблю его, понимаешь? Мне нечего делать в этом мире без него! — Она уже не орала на подругу, а громко рыдала в трубку, — я все равно буду с ним, на земле или на небе!

— Оля, не надо, что-нибудь придумаем, я приеду через час, не делай пока ничего!

Но Ольга уже не слушала ее, она положила телефон рядом, и пристально смотрела на старый помятый лист плотного пергамента, находящийся у нее в руке.

На нем была надпись на древнем языке, который она прекрасно знала.

Девушку обучали этому языку в клане, так как он использовался во многих заклинаниях. Вы можете спросить, зачем Оле заклинания? Что же... Потому что она, и ее подруга Катя — ведьмы...

Когда Ольге было двенадцать лет, она познакомилась с молодым человеком, но она не испытывала к нему интереса. Юноша же не хотел отстать от девушки. Постоянно звонил ей, просил встречи. Девушка не понимала столь дикий интерес к ее личности. Она решила, что нравиться ему, и он не понимает отказа. Но дело было совсем в другом. Ольга решила все же встретиться с ним, объяснить всерьез, что он ей не интересен, что ничего не может быть.

Девушка назначила встречу в парке, и встретила его сильно взволнованным. Они присели на скамейку и юноша начал задавать Ольге странные вопросы: веришь ли ты в магию? Если бы у тебя были какие-то способности, стала бы ты ими пользоваться? И т.п.

Оля не понимала, к чему все это, и решила, что он сумасшедший. Задумав план сбежать, Ольга сказала, что ей нужно в туалет, но юноша оказался не так глуп, он взглянул на девушку и произнес все ее мысли

вслух. Ольга была шокирована. Тогда незнакомец сказал ей, что она ведьма, и если она хочет, он может научить ее пользоваться способностями. Девушка согласилась, ведь всегда мечтала быть особенной, даже не представляя, как сильно это изменит ее жизнь. Таким образом она попала в ведьминский клан, нет, не подумайте, что это какой-то шабаш, где все женщины с бородавками на носу варят что-то в котлах. Нет. Они такие же, как мы, обычные люди, и находясь в метро рядом с ними, вы даже не подумаете, что они могут убить вас лишь одним словом. Итак, наша героиня попала в клан и начала свое развитие. По классификации ведунья. Там она научилась читать мысли, чувствовать чувства других (дар импата), предсказывать будущее, гадать на картах и рунах и использовать заклинания. Там же она познакомилась с Катей, та была на год старше Оли, но нашли ее только в четырнадцать лет, когда Ольга обучалась уже год и многому научилась. Наша ведьма больше не могла общаться с другими учениками, которые считали, что они пуп земли и никого кроме себя по-настоящему не уважали. А Катя пришла, совсем невинная душа, добрая и доверчивая, эти качества понравились Ольге и она взяла под крыло юную ведьму. Оля сильно боялась, что Катя все-таки попадет под влияние других ведьм и станет такой же самовлюбленной пустышкой. К ее счастью, Катя сама смогла понять, что данная самовлюбленность глупа и только мешает учиться магии, и девушки стали неразлучны. Они через многое прошли вместе: Однажды они сразились с охотниками. Это люди, о которых так много написано в исторических книгах, они ненавидят ведьм, пытаются их выследить и убить, но наши девушки храбро сразились с ними и остались почти невредимы. Ольга часто давала советы Кате, как лучше применять свои силы, использовать заклинания, но однажды она не послушала подругу, и сама решила практиковать выход в астрал, и, не рассчитав своих сил, чуть не погибла там. За время тесного общения между подругами образовалась духовная и магическая связь, и Ольга вовремя почувствовала, что с Катей что-то случилось, и только при помощи этой связи нашла подругу в астрале и вытащила ее оттуда. Именно тогда Ольгу наградили тем самым заклинанием за храбрость и жизнь подруги. Заклинание на воскрешение. Учитель сказал: «Жизнь за жизнь! Ты спасла ведьму, зная, что можешь погибнуть сама, отважилась на такой поступок, совет решил сделать тебе подарок — это заклинание воскрешения, в один день ты сможешь использовать его для воскрешения человека. После использования пергамент исчезнет, и ты больше никогда его не увидишь, поэтому, когда придет час, хорошо подумай, именно ли этого человека ты хочешь воскресить. Но главное, запомни, сейчас у тебя недостаточно сил, чтобы использовать столь мощное заклинание, и если ты решишь использовать его в ближайшие два года, то поставишь под угрозу свою жизнь, и очень серьезную угрозу. Заклинание слишком сильное, и если в момент использования не хватит энергии или сил, то сама погибнешь. Не многим совет давал такое заклинание, некоторые, кто его получал, могли даже не использовать его, а передавать по наследству. Честно говоря, я был против того, чтобы тебе его давали, по крайней мере сейчас, я надеюсь, ты не натворишь глупостей. Совет решил, что ты особенная, и Катя тоже, поэтому заклинание твое».

Прошел всего год после этого случая. Поэтому Катя хорошо помнила, что сказали Ольге об этом заклинании. Девушка решила не ехать к Ольге, а направиться к человеку, который мог воздействовать на нее, то есть учителя.

— Учитель! Ольга не может смириться со смертью Димы, она решила использовать заклинания воскрешения! Также она сказала, что ей все равно, и я боюсь, что она выйдет на улицу, ведь ее эмоции очень опасны для людей, тем более в таком состоянии. Нужно срочно что-то сделать! — Девушка не задумываясь ворвалась в комнату одного из учителей, когда тот читал какое-то заклинание, когда он отвлекся на Катю, энергетический шар из его руки вылетел в девушку. К счастью, сама девушка не пострадала, что нельзя было сказать о ее кофте.

— Катя, вам же говорили, стучаться, — голос его был спокоен, в нем сразу слышалась мудрость и старшинство, хотя мужчине было всего двадцать пять, — я почувствовал, что с Ольгой что-то не так, и как раз хотел помочь ей справиться с ее болью, заглушить эту боль. Многие из учителей почувствовали это, но сейчас Ольге никто не может помочь кроме Димы. Я хотел вызвать его дух, но для этого нужно много времени на подготовку, а у меня его нет, поэтому я решил ослабить ее боль, чтобы выиграть время. Но ты убила час подготовки, и теперь у нас совсем нет времени!

— Учитель, простите, я не хотела! — У Кати появились слезы, ведь она понимала, что если они не успеют спасти Ольгу, то потеряют ее навсегда, и она упустила единственный шанс спасения. — Учитель, спасите ее, я могу помочь, отдам все силы, если потребуется, ведь она когда-то спасла мне жизнь!

— Катя, ты хорошая подруга, но твоя помощь мне не нужна, ты должна ехать к ней. Но сначала зайди к Яну, он даст тебе оберег, Ольга может оказаться опасной даже для тебя. Не понимаю, как она может его так любить и в то же время изменить ему. Хотя, возможно, она винит себя в его смерти. Иди, не мешай, иначе, мы ее потеряем, — и он вновь повернулся к алтарю.

Катя больше ничего не могла сделать здесь и отправилась к подруге. Ольга в это время не теряла время даром. Она готовилась к ритуалу. Многим кажется, что прочитать заклинание просто, но, увы, это требует довольно серьезной подготовки. Остановить внутренний диалог, сосредоточиться только на совершаемом действии и собрать достаточно энергии.

Ведь если все условия не будут соблюдены, заклинание может сработать не так, а при использовании столь сильного заклинания можно лишиться жизни. В доме никого не было, и Ольга спокойно медитировала, призывая силы стихий для того, чтобы они дали ей энергию. На улице было темно, за окном грохотал гром. Ольга находилась в кругу свечей, между ними стояли половинки яблок с какими-то листьями, на девушке был надет кулон со знаком стихии земли, стихия, под знаком которой родилась Ольга. Если бы рядом находился маг, который умеет видеть энергию, то увидел бы, как все вокруг Оли пылает на три метра ярко синей энергетикой. Это означало, что ведьма почти достигла того количества энергии, которое было необходимо для совершения ритуала. Она открыла глаза, тут же появились слезы.

— Я буду с тобой вечно, на земле или на небе, — девушка достала пергамент и положила перед собой, — Левминаде, Мургамен, Орбентор, Ашкарахн, бир, био, тронез, ля хомт.

Гроза усилилась, молния ударила в дерево рядом с домом, оно загорелось, вспышка сверкнула в комнате.

— Вернись ко мне, Дима! — воскликнула Ольга.

Мгновенно огни всех свечей потянулись к ней, и девушка загорелась. Катя, подъехавшая к дому, увидела, что случилось с деревом, побежала по лестнице к квартире Ольги. Не став церемониться с дверью, Катя произнесла заклинание и она открылась. Забежав в комнату, она увидела страшное: дикое пламя охватило все помещение, где тело Ольги лежало в центре огня. В то же мгновение тело засветилось синим пламенем и исчезло...

Глава 4

ЗА ПОМОЩЬ НУЖНО ПЛАТИТЬ

— Что же, поздравляю с двадцатым днем от рождения, моя дорогая! — Он вошел в ее комнату рано утром, когда она еще спала. — Можешь не вставать рано, Игорь приготовит завтрак и займется скотиной, можешь еще спать, но потом мы пойдем в город за новой одеждой, это будет тебе подарок!

Ольга проснулась, но не открывала глаза, он знал, что она не спит.

— Учитель, зачем все это? Вы ведь знаете, я не люблю праздники, а новую одежду могу сшить сама, я бы хотела новый кинжал, ведь мне уже двадцать, и это было бы кстати, ведь я собираюсь в дорогу.

— Какую дорогу?

— Учитель, неужели вы забыли наш уговор? Когда мне исполнится двадцать лет, я уеду на поиски способа вернуться домой, если не найду его за год, то возвращаюсь к вам, и выхожу замуж за вашего сына. Не так ли?

— Я думал, точнее, я надеялся, что ты забыла о возвращении домой, о прошлом, то есть о будущем, ведь за последний год ты ни разу не обмолвилась об этом.

— Я ни на день не забывала о родном доме, — Ольга тяжело вздохнула. — Учитель, не обижайтесь, но у нас договор, а значит, сегодня я уезжаю.

— И куда ты собираешься ехать?

— Точно не знаю, но я хочу найти других волхвов, колдунов, возможно, они помогут мне.

— Что же, через час я зайду к тебе, будь готова, поедем в город, купим все необходимое, там расстанемся, не забудь попрощаться с Игорем.

Учитель, так называла его Ольга, был мужчиной шестидесяти пяти лет с длинной седой бородой и карими глазами. Он нашел девушку, когда она появилась в этом мире.

Заклинание сработало не так, как должно было, вместо того, чтобы воскресить Диму, оно перенесло Ольгу на несколько веков назад, в Древнюю Русь.

Местность, где оказалась девушка, оказалась болотистой, возможно, именно на этом месте через несколько сот лет будет заложен Санкт-Петербург.

После того как Оля почувствовала дикую боль от огня и потеряла сознание, проснулась уже на сырой холодной земле в лесу. Было темно, изредка слышался отдаленный вой волков. Дикий холод и бурчащий желудок давали знать, что Ольга не ела несколько дней. Но ведьма шла по лесу, не останавливаясь, чтобы найти выход. Ноги проваливались в мягкую почву, тело дрожало от мокрой одежды, через несколько часов непрерывной ходьбы начало светать. Ноги болели из-за царапин от камней и упавших веток. За это время она несколько раз падала, но не сдавалась и продолжала идти дальше. Удивительно, на что человек способен, когда стоит на грани жизни и смерти. Лес все не кончался, Ольга часто находила большие болота, которые приходилось долго обходить. Она знала лишь одно: ей нужно строго идти по данному пути, хотя причина этого желания была для нее самой неизвестна. Пройдя шестнадцать часов, девушка упала от изнеможения и отключилась. Там ее нашел учитель.

— Я искал тебя, у меня было видение. Все хорошо, теперь ты со мной, — это все, что Ольга услышала.

Учитель обучал ее колдовству, навыкам борьбы и жизни в его веке. Первое время девушка сильно тосковала по дому, все валилось у нее из рук, по ночам был слышен ее плач. Затем что-то изменилось, и она стала другой. Больше никогда на ее лице не было горя, все указания учителя она выполняла беспрекословно и вела себя так, словно здесь и родилась.

Так же у учителя был сын, но рожденный от простой женщины, и, к сожалению, ему не передался дар отца. Он не мог колдовать, и это было большим горем для отца, мечтавшего продолжить магический род. Именно поэтому учитель предложил Ольге сделку, что даст ей возможность отправиться на поиски способа возвращения домой, но если ровно через год она не найдет его, то навсегда вернется в его дом и станет женой его сына, родит ему наследника. Игорь, сын колдуна, относился к Ольге как к младшей сестре, ведь был старше на два года, и не мог смотреть на нее, как на девушку. Но сын отца не мог противоречить, а Оля поклялась. Если она никогда не сможет вернуться домой, какие у нее еще варианты? Но она не хотела терять ни дня поисков, поэтому собрала все необходимые вещи еще за несколько дней.

— Доброе утро! Я приготовил тебе завтрак. С днем рождения! — Игорь сидел за столом, поедая кашу с мясом. — Отец разрешил зарезать курицу в твой день, присаживайся.

— Спасибо, с радостью поем. Мне предстоит дальняя дорога, так что положи побольше. Как обстоят дела с Асей, ты затянул ее на сеновал? Не поверю, что нет. — Ольга явно ехидничала.

— Пока нет, я вчера плохо себя чувствовал, и не пошел на встречу. В какую дорогу ты собираешься, в город с отцом? Очень дальний путь для того, кто редко выбирается из дома, как ты. — Он решил ответить ей тем же.

— И ты не помнишь? Хоть кто-то помнит в этом мире, кроме меня, что мне двадцать лет сегодня, и я уезжаю на поиски возможности возвращения домой.

- Ты дома. Отец сказал, что ты забыла о договоре. Я, конечно, люблю тебя, но пожалуйста, не возвращайся.
- Спасибо, вот это любовь!
- Если ты найдешь его, то я смогу взять в жены Асю. Мне не нужно будет смотреть, как отец обучает моих детей колдовству. Если я женюсь на Асе, то смогу уйти и жить отдельно.
- Я понимаю, никто не виноват, что ты родился уродом! — Ольга была в хорошем настроении.
- Это вы не люди, а я человек и горжусь этим. Жаль только отец этим не гордится.
- Не сетуй на жизнь, ведь он все равно тебя любит, человеком, — девушка доела и встала из-за стола, — ты держись тут без меня, не скучай.
- Оля, скажи, почему не можешь просто не возвращаться, уехать, найти свое счастье и жить в другом месте. — Игорь был в отчаянии.
- Возможно, я бы с радостью осталась в другом месте, но твой отец не глуп — когда мы заключили договор, скрепили его кровью. В случае невыполнения договора, я стану проклята и буду нести смерть всем, кого встречу на своем пути.
- А если я уйду? Так будет лучше для тебя и меня.
- Все не так просто, друг мой. Твой отец поставил тебе магический маяк, в случае твоего исчезновения он всегда узнает, где ты, с точностью до аршина.
- Какой он предусмотрительный, умереть можно. А может лучше так?
- Не говори глупостей, будем сидеть дома, я рожать детей, ты тайно встречаться с Асей, и все будет хорошо.
- Если только Ася не выйдет замуж и не уедет из деревни.
- Не волнуйся, все будет хорошо, ни надо так сомневаться, что я найду выход. Мне пора, не хочу терять время. Обними меня на прощание.
- Ты довольна новым кинжалом? — сказал учитель Ольге, когда они вышли с базара. — Здесь мы расстанемся, я отдам тебе лошадь в подарок на день рождения, а кинжал я и так должен был тебе купить.
- Спасибо, учитель, я никогда вас не забуду. — Ученица обняла его.
- Конечно, не забудешь. Ведь ты вернешься. — Ольга посмотрела на него презрительно, — По крайней мере, я надеюсь. Беги, только обними на прощание, и присылай мне весточки о себе.
- Не стоит притворств, я знаю, что вы давно поставили маяк на меня, и всегда будете знать, где я.
- Не зря я тебя учил, ты очень способная, не стоит долгих прощаний, иди. — Они обнялись, и Ольга побежала к лошади, снаряженная запасами провизии.

И ведьма отправилась в путь, странствуя по Руси, не зная куда идти, но веря, что найдет путь домой.

Проскакав три дня, Ольга встретила с бандой разбойников, которые хотели отобрать у нее все, но девушка не дала себя в обиду и отбила нападение.

Прошло четыре месяца с тех пор, как Ольга отправилась в путь. Она объехала множество деревень, повстречалась с десятью волхвами, но никто не смог ей помочь. Немало было и преград на ее пути, даже мир-

ные жители нападали, пытаясь воевать с ней. Слава о ней прошла по северо-западу Руси, и как-то однажды...

— Вы не подскажите, есть ли у вас колдуны или волхвы в деревне? — Спросила она у торговца.

— Это она! Про нее говорят, люди, средь бела дня в собственной лавке! — закричал старик. Ольга не поняла в чем дело, но разбираться было поздно, ведь люди, сидевшие за столами, поднялись, побросав свой товар, и быстро приблизились к девушке. Она понимала, что при всех боевых навыках, ей не справиться со всеми. Максимум с четырьмя, но противников был десяток, а то и больше.

«Что мне делать, я не хочу применять магию», — Ольга никогда не применяла магию против людей.

Дело непростое, десять против одной хрупкой девушки!

— Отойдите, я не хочу причинить вам вреда! — Но мужики лишь хором рассмеялись. — Я не шучу, вон!!! — Но неприятель приближался все ближе, — простите... Аргантум, Бирон, Шап. — Ольга хлопнула в ладоши, в ее руках мгновенно появился энергетический шар, через мгновение он засветился красным светом, и она бросила его в мужиков.

Они застыли, шар попал в двоих, одежда моментально загорелась. Охваченные огнем тела заметались по лавке, пламя перекинулось на висящие ткани, ведьма кинула еще один шар, уже через несколько секунд все строение было обхваченно страшной стихией.

— Я вас предупреждала! — Она развернулась и выбежала из лавки. Сооружение рухнуло, и люди остались умирать под горящими обломками, все до одного.

Ольга знала, что присутствие в данной деревне больше невозможно, и ей пришлось уехать.

Девушка не знала, какими последствиями обернется этот случай, но князь Киева прослышал про убийцу, бороздящую по деревням в поисках волхвов, ему не понравилось, что кто-то смеет вселять страх в его народ, больше чем он сам. Поэтому назначил плату за голову ведьмы.

«Приказ: имени князя Владимира, поймать убийцу — колдуна, бродящего по деревням, близ земель Киевских, для того, чтобы придать наказанию. Привести в Киев, живым или мертвым. Награда исполнившему приказ — сто гривен».

Неприятная история для человека двадцать первого века, не правда ли?

Ольга даже не подозревала, что является крупной мишенью и за ней ведут охоту сотни людей.

— Сидим тихо, это она! Награда почти у нас в кармане, главное, связать ей руки. Серый, ты схватишь левую руку, Ваня — правую, я в этот момент отрублю ей голову. Только держите крепче! — Трое разбойников, затаившись на дереве, прислушивались к стуку копыт.

Ничего не подозревающая ведьма только что выехала из деревни, ни один человек в которой не вышел из своего дома, как только она туда въехала. И вот трое поселенцев решили проявить храбрость и напасть на ведьму. Ольга, сама того не ведая, когда останавливалась за водой у колодца, дала фору преследователям, и они оказались первыми на месте событий.

— Тихо, если она нас заметит, мы можем попроситься с жизнью.

Она почти подъехала на место.

— Приготовьтесь! — Главарь и его банда собрались прыгнуть на ведьму.

Люди часто недооценивают магов, а за время пребывания в этом мире Ольга многому научилась, ее ведические способности развились, и она почувствовала опасность сразу же, отъехав от колодца, и тщательно подготовилась к атаке.

— Вперед! — разбойники спрыгнули с дерева, Оля соскочила с лошади, один упал на лошадь, как профессиональный наездник, второй приземлился рядом и издал мучительный крик. По плану, он должен был упасть на девушку, но Оля не собиралась стоять рядом с лошадью, колдунья спрыгнула, прокатилась по земле полметра и вновь встала на ноги. Главарь же приземлился на ноги, и начал нервно озираться в поисках противника. Ольга сделала прыжок к нему и неожиданно ударила его ногой в челюсть. Противник упал. Перепрыгнув через него, женщина-воин ударила кинжалом в грудь лежащего разбойника. Упавший на лошадь уже спрыгнул и кинулся бежать прочь, не успев пробежать и двух метров, мужчина упал, из затылка торчал второй кинжал. В этот момент Ольга вспомнила своего учителя. Кровь текла из головы разбойника. Ведьма стала жестокой с тех пор, как отправилась на поиски. Она медленно подошла к главарю и села на него. Он только пришел в себя.

— Ведь вы не просто так напали, не за добычей. Я вас давно заметила. Кто вас послал? Если хочешь жить, тебе придется сказать, кому я понадобилась. — Ольга перевела дух. Разбойник понял, что она не шутит, когда приставила окровавленный кровью его друга кинжал к горлу, — я внимательно слушаю, только не пытайся лгать, я этого не люблю, а ты же не хочешь умереть из-за такой глупости? Но обещаю отпустить тебя, если ты мне все расскажешь.

Тело мужчины дрожало, он не верил, что останется в живых.

— У меня семья, мне кормить их нечем. С-сто гривен спасло бы целую деревню. Князь щедр за твою голову.

— Что? Ты хочешь сказать, что князь назначил за мою голову награду. За что?

— Будто ты не знаешь! За убийства! Ты очень опасна. Князю безразличны такие, как я, он лишь хочет добиться твоей смерти. У нас в деревне совсем не осталось зерна... прошу, отпусти, я все сказал!

— Значит, сто гривен. Такой популярности я не ожидала, так дорого меня еще не оценивали. Хорошо, я отпущу тебя, медленно встану с тебя, и ты не будешь предпринимать повторных попыток самоубийства, а мирно побежишь домой к семье. Договорились?

— Да.

Ольга медленно поднялась, больше опасности он не излучал, только страх.

— А теперь беги, так быстро как можешь, помни, мой кинжал может догнать тебя.

Мужик еле успел встать, как своим бегом уже создал облако пыли. И как только пыль осела, его и след простыл.

Когда человек попадает на грань жизни и смерти, срабатывает инстинкт самосохранения, и человек готов на все, лишь бы выжить. Так люди учатся по-настоящему ценить жизнь. От жизни сбежать можно, от смерти никогда.

— Сникерс, иди сюда! — так Ольга назвала лошадь, в честь любимого шоколадного батончика из своего времени. Рыжая подбежала к девушке. В ее глазах читался вопрос: «И сколько это будет продолжаться?»

— Итак, что у нас есть? На меня объявили охоту за то, что я оборонялась. Слухи, которые разносятся быстрее ветра, заставят всех колдунов спрятаться и никто не захочет помогать мне. — Ольга говорила это лошади, она знала, что она ее понимает, тем более это лучше, чем говорить самой с собой. — Что скажешь, Сникерс? Времени, чтобы переждать, у нас нет. В деревнях меня будут ждать, как же мне найти выход? Я не собираюсь сдаваться и жить с Игорем. Странствия, вот что меня привлекает! Открытие новых знаний, магии, а не выращивание детей. Что делать? Идти по головам людей, но продолжать? Я не хочу убивать невинных, хочу лишь вернуться домой. Прекрасно понимаю, что там меня никто не ждет, ведь столько времени прошло, но все равно хочу вернуться.

Лошадь фыркнула и остановилась.

— Что случилось? Ты что-то почувствовала? — Ольга сосредоточилась и начала прощупывать местность. Вблизи кроме лесных духов никого не было. Сникерс показала мордой вправо.

— Что с тобой? Хочешь туда? Давай, мне все равно, где меня убьют.

В мире магии учитель не может подарить обычный подарок ученику. Сникерс являлась оберегом для ведьмы, несла защиту наезднику и защищала себя. После всех магических операций с животным что-то произошло. Такое чувство, что у лошади появился человеческий разум.

Но... они наткнулись на старуху:

— Приветствую! — Перед тем, как спуститься с лошади, Ольга накинула капюшон на голову, чтобы лица не было видно. Заметны остались лишь черные волосы. — Вы не могли бы мне помочь, я немного заблудился. Хотел выйти к деревне и заплутал в лесу, — Девушка попыталась сделать голос грубее.

— Как же можно тут заблудиться, ведь вы приблизились к владениям князя Владимира. Здесь все его. Вот я ходила просить за мою деревню, спасти дома людей от сжигания. Мы не можем платить больше оброк, отсрочку нам не дал, а написал приказ о сожжении, мол, если деревня дорога, то деньги сможете найти. Здесь недалеко до терема князя, немного вперед и вы встретитесь с охраной ворот. Но без платы вас не пропустят, меня не пропустили, да еще и хлеб отобрали.

— Он плохо поступает со своим народом. Как же он не боится восстания? — Ольге вспомнились уроки истории еще в школе, и вспомнила, как заканчивались все восстания. — Да, это гиблое дело. Нужны другие способы.

— А они есть? Добрый путник, не ходи туда, лучше езжай по другой дороге, она уведет тебя подальше от князя и его войска, в земли поспокойнее. Ведь злобная колдунья бродит по деревням и убивает

невинных, а если не добьет, то смертельное проклятие наложит. Спасайтесь лучше, нельзя бродить, словно смерти искать.

— Что, прям такая колдунья сильная? — Ольга даже не знала, как реагировать на подобные отзывы о себе, но знала, что теперь придется долго скрываться под черным капюшоном затем, чтобы не навредить жадным, но ни в чем не повинным людям.

— Много душ на ее счету. Но если что от князя надо, и деньги не жаль гарнизону отдавать, и в город тебе надобно, то по прямой туда, — старуха указала путь.

— Спасибо, я все же поеду к городу, на князя взглянуть, на изверга, а вы вот возьмите за помощь, — Ольга протянула две буханки хлеба и маленький мешочек, — ведь заблудился бы.

Старуха взяла хлеб и мешочек, в нем зазвучали монеты, она медленно открыла его.

— Ой, хвала Яриле, чудо-то какое, да тут на всю деревню хватит. За указание пути! Будь счастлив путник, пусть боги берегут тебя, такая щедрость, могу ли я помочь вам чем-нибудь еще? — Старуха сияла счастьем, она хотела отблагодарить странника, даже не подозревая, что лишь несколько минут назад назвала ее самым опасным человеком в окрестностях.

— Если вам не трудно. У меня закончилась вода, а лошадь сильно хочет пить, — Сникерс правда начала хрипеть, а она помнила еще из школьной программы по литературе, что если после загона дать воды лошади, она может ослепнуть, повесть так и называется «Слепая лошадь». Надо учиться, сильно помогает, даже в таких жизненных ситуациях, когда ты оказываешься на несколько веков в прошлом.

— Ах, да, конечно. Мне все равно недалеко до ручья, а вам не по дороге, вот возьмите, а в благодарность оставьте себе мою флягу, я сама ее сшила из куриной кожи, иногда ездила продавать в город такие, пока дань не поставили на гарнизон. — Она протянула кожаную флягу, искусная работа.

Глава 5

ЖЕНЩИНЫ — СИЛЬНЫЙ ПОЛ

Большие стены города начали виднеться, как и сказала старуха, довольно скоро, хоть Оля и шла пешком, ведя лошадь. Сникерс сильно устала.

— Вот девочка, мы почти дошли, и если все пройдет без происшествий, ты хорошо отдохнешь и я куплю тебе лучший овес, как хорошо встречать разбойников с деньгами. — Ольга гладила лошадь по гриве. — Ты ведь у меня одна осталась, жаль, что я не смогу взять тебя с собой домой, — девушка надела капюшон.

— Стой! Кто ты и зачем пожаловал? — хором крикнули два бравых стражника.

Один был с рыжей копной волос и в драных сапогах. Но на груди были нашивки, сияющие чистотой, видно он чистил их каждые пять минут.

Второй был лысый, но одет лучше соратника, хотя без нашивок. Два дурака дополняли друг друга.

— Добрый день! Я путник, странствующий по Руси, из деревни Вологда. «Интересно, есть ли такая деревня?» — Подумала Ольга, ведь знала, что они все равно не поймут, — моя лошадь совсем загналась, и я довольно устал, разрешите пройти в город, отдохнуть и посмотреть.

— Увидеть наш город не так просто. Сначала заплати, а потом проходи.

— Вот дела! Во все города бесплатный вход, а в ваш платный! Что же такого чудесного в нем?

— Это город князя Владимира, а он самый добрый и умный князь! — опять хором ответили мужики. Может, они братья?

— Да, а почему же в таких драных сапогах с нашивками у ворот стоят, вместо того, чтобы быть в доблестной орде, про которую немало слухов?

— На что ты намекаешь? Ты решил клеветать на нашего князя? Тогда берегись! — Солдат достал меч и направил его на Ольгу, она даже не моргнула.

— Я ничего подобного не говорил, простите, я лишь хочу войти в город. Так сколько это стоит? — Оле было трудно перед ними унижаться, она с легкостью могла победить их и пройти в город, но тогда надолго бы остаться не получилось, и снова бега, сон на земле и никакого отдыха для лошади. Тогда она достала кошель, и стражи сразу улыбнулись.

— Пять копеек!

— На эти деньги можно хлеба закупить! — Она достала монету в пять копеек, и охрана сразу разошлась, открывая ворота, — так надо было сразу.

— Вот, Сникерс, мы почти пришли, — Ольга подошла к симпатичному молодому человеку, — Извините, где можно накормить и напоить лошадь, и самому отдохнуть?

Юноша, даже не посмотрев в сторону собеседника, не переставал собирать яблоки в сумку.

— Через базар пройдешь, увидишь так харчевню, там быстро отрезвят тебя. Надо же, свой город забыть!

— Простите, это хамство! Я здесь новый человек! — Ольгу немного насмешило слово «человек» по отношению к себе.

— Ой! Извините! После того, как за вход в город стали брать налог, простые люди сюда не ходят, лишь торговцы, а они знают все в этом городе. — Юноша полностью осмотрел Ольгу, и жутко удивился прекрасной женской фигуре странника. — Я провожу вас, если хотите, но не бесплатно.

— Конечно, пойдём!

Юноша закинул сумку на плечо, и пошел, не дожидаясь, пока Ольга пойдет за ним.

— Можно поинтересоваться, какими судьбами в наш город? Да еще с деньгами? Купец или князь, прикидывающийся путником? — наконец, он повернулся к Ольге, она вмиг опустила голову вниз, чтобы он не увидел женского заинтересованного в нем лица.

— Я? Простой путник, как только исполнилось двадцать лет, решил пойти на поиски приключений, а деньги заработал за всю жизнь на продаже овощей, — фантазия у девушки была хорошо развита.

— Странно это как-то! Почему в наш город?

— Не знаю, шел по лесу, заблудился, встретил старуху, а она указала мне путь в город.

Они подошли к дому, на нем была старая надпись «Выпевай-ка».

— Смешное название! — Ольга улыбнулась, давно такого не было, девушка не чувствовала себя так спокойно с тех пор, как ушла от учителя. Не зная почему, ей было легко рядом с этим молодым человеком.

«О чем я думаю, неужели он мне так понравился? Нет, я лишь давно не общалась с симпатичными парнями, кроме Игоря, и поэтому сразу решила, что понравился. Глупости! Выкинь эти мысли из головы». — Ольга размышляла, идя сзади, и сама не заметила, как ее взгляд был направлен на его мягкое место, девушка не успела отвести взгляд, когда он повернулся. Юноша немного смутился столь странному поведению незнакомца.

— Вы не могли бы остаться здесь, пока я схожу к хозяину харчевни, договорюсь о комнате и приведу конюха. Вы только деньги сначала покажите хозяину, чтоб он знал, что не бесплатно будет вас обслуживать. Такой у нас порядок. Бывали случаи, когда приходили воины или разбойники, отдыхали, а платить не хотели, завязывалась драка, и не единая не закончилась хорошо.

— Но ведь можно деньги показать, а сделать точно так же.

— Да, но он еще это не продумал. Надеюсь, вы так делать не собираетесь, ведь потом вину свалят на меня! — Юноша начал мило улыбаться. Что-то было в его взгляде на Ольгу, может, он догадался, а может, он был увлечен однополый любовью, но в этой фразе чувствовалась нотка флирта.

Ольга почувствовала от своего проводника напряжение. «Очень интересно, неужели он догадался и как только устроит меня, кинется за воинами князя. Нет, вряд ли».

— Так вы подождете?

— Да, но только не долго. Или я подумаю, что вы пойдете за бандой головорезов, чтобы ограбить меня! — Ольга ехидничала, на лице юноши появился испуг.

— Нет, ничего такого! Я скоро буду!

Если вы думаете, что сейчас на Ольгу нападут и будут битва, то вы ошибаетесь. Все прошло благополучно.

— Доброго дня! Вы желаете комнату и уход за лошадьё? Но есть ли у вас гривны? — Хозяин харчевни поклонился, будто герою второй мировой войны. Производит впечатление, да так, что уже не хочется ударить его за недоверие.

— Если бы не было, я бы тут не стоял. Я скажу вам больше, я заплачу половину сейчас, а вторую по отъезду, как все.

— Что же, так даже лучше.

— Я не знаю, правда, насколько останусь, поэтому заплачу две гривны сейчас, а остальное — при отъезде. Но с условием — моя лошадь будет питаться только лучшим овсом, и пить лучшую воду. Договорились?

Пока Ольга говорила, лицо хозяина изменялось пять раз, от обычной вежливости, предосторожности, удивления, шока и счастья.

— Конечно, конечно! За такие деньги все будет в лучшем виде, а сейчас пойдёмте, я покажу вам вашу комнату, скоро принесут таз с водой, и вы сможете помыться, — он еще раз поклонился и повел Ольгу в дом.

— А лошадь? — Девушка обернулась на Сникерс, она стояла, ожидая объяснений.

— Сейчас уже идет конюх. Не волнуйтесь, он хорошо ладит с лошадьми, как только провожу вас, сразу же передам ваши указания. — Он стелился перед Ольгой. Ей так и хотелось сказать: «Песик, к ноге, дай за ушком почешу», но она решила, что стоит держать себя в руках. Если кто-нибудь узнает, кто она, то никакие деньги в кошельке ей не помогут. Что такое двенадцать гривен по сравнению со ста.

Внутри харчевни было довольно шумно, множество мужчин пили брагу и медовуху. Никто даже не обратил внимания на Ольгу, и она спокойно прошла с хозяином на второй этаж. На стенах коридора висели различные рисунки.

«Да, как в отеле, только вместо дорогих картин странные рисунки. Это и есть разница во времени, мало что меняется, кроме качества»

— Вот сюда, — хозяин привел ее в конец коридора и открыл дверь. Она жутко закричала, будто сейчас отвалится, и перед Ольгой открылся пейзаж: комната, примерно, четыре на четыре метра, маленькое окно под самым потолком, старая кровать, матрас из соломы, и два стула со столом, нешуточно миниатюрные, аккуратно стоящие в углу.

— Вот, это одна из лучших комнат. Обычно люди не останавливаются больше чем на один-два дня, а вы, думаю, надолго. — Ольга, смотря на него, видела только рот, даже эта картина была неприятная: желтые гнилые зубы и омерзительная улыбка.

— Отлично! Жду лишь таз с водой, а по пустякам не беспокоить! — Девушка мечтала поскорее снять свой капюшон и расправить красивые длинные черные волосы. — Идите же!

Хозяин поклонился и не разворачиваясь, вышел, пытаясь тихо закрыть скрипящую дверь.

Ольга села на кровать и сняла капюшон.

— Что же, надо что-то делать, я ведь не могу ходить в капюшоне вечно, можно попробовать маску, но под ней кожа будет потеть. В маске хожу, лица не покажу. Что же делать с вознаграждением? Не убегать же к учителю и сдать в поисках, в конце концов, дома на меня тоже охотились, сколько раз я спасала Катю, да и она меня. Интересно, чем она сейчас занимается, да и жива ли? А если нет? Если никто не остался в живых, ни родители, ни друзья? Может, у них быстрее течет время, и вернусь ли я вообще?

Мысли Ольги прервал стук в дверь. Она вздрогнула и вмиг надела капюшон, спрятав волосы и лицо.

— Кто там? — Девушка встала и приложила ухо к двери. «Вдруг проводник все же догадался и все же привел солдат». — Ведьма стала очень боязливой в последнее время.

— Простите, гость наш дорогой, за то, что пришлось вас потревожить, я принесла вам воды горячее и отваров пахучих, как хозяином было велено, желаете впустить? — Это был довольно приятный женский голос.

— Да, проходите! — Ольга открыла дверь, но оставалась за ней.

Молодая девушка двадцати лет, в коротком платье, с длинной темно-русой косой, вошла, покачивая бедрами и эротично наклоняясь, поставила таз на пол, затем оглянулась на Ольгу, медленно вдохнула

большой грудью и опустила глаза. Не трудно было догадаться, что девушка обслуживала богатых клиентов, для того чтобы получить с них больше денег. Также чтобы они чаще приезжали, или дольше оставались. Одно только не понятно, что должно заставить девушку заниматься подобным.

— Скажи, давно здесь работаешь? — Ольга хотела узнать все, но решила пойти долгим путем, чтобы девушка не приставала.

— Я здесь живу, хозяин харчевни — мой отец. Хотите, я останусь и расскажу вам о нашем городе и о харчевне? — Девушка всем телом посылала сексуальные сигналы, но Оля явно бы ее не удовлетворила.

— Нет. Спасибо. У меня жутко болит голова, и я все же хочу вымыться, пока вода не остыла, если понадобится ты или твоя помощь, я позову. — Девушка сразу вышла, с немного разочарованным лицом, видимо ей отказали первый раз.

«В голове не укладывается, отец заставляет собственную дочь прислуживать клиентам. Это ужасно! Надо будет преподать ему урок, как обращаться с детьми».

Ольга проверила, закрыла ли полностью дверь, и разделась. Вода и правда была горячей, но вот пахучие отвары больше пахли как гнилые апельсины, поэтому Ольга откинула их от себя и ополоснулась только водой.

— Юноша все же красивый, жаль, что я скрываюсь, иначе, можно было бы развлечься после пары кружек медовухи. Нет, о чем я думаю, из-за страсти открыться, что я и есть тот самый убийца, ходящий по деревням в поисках колдунов и волхвов, а непонравившихся людей убиваю. Здесь все за оружие схватятся, да хоть за ложки, чтобы поймать меня и отдать в руки князя. А может, самой пойти к князю, разобраться с ним лично? Объяснить, что это не я, то есть я, но не специально. Мне лишь домой нужно попасть. Дать ему клятву, что больше никого не убью. Ищу выход домой, пусть поможет. Гонцов пошлет, может, найдется знающий, как мне домой попасть. Да, вот только с чего ему мне помогать, так, за красивые глаза? Здесь нужно найти особый подход, такие обвинения снять тяжело, ведь я серьезно переступила закон. А потом мы удивлялись, почему за нами охотятся. Но вопрос нужно решать, или я никогда не найду дорогу домой. Хотя нужен ли мне он? Я так долго рвусь домой, но остается лишь один вопрос. Зачем? Я все время рискую жизнью, но даже не знаю, жива ли еще моя мама, Катя и другие. На самом деле, мне там было плохо: умирали близкие, подставляли друзья. Мир жесток и ужасен, в любой миг на твой город может упасть атомная бомба, и ты и твои друзья будут стерты с лица земли. Здесь же бомбы еще не скоро изобретут, я точно погибну к этому времени. Зачем мне туда возвращаться, меня никто не ждет там. Четыре года прошло, меня уже никто не помнит. Может, я столь сильно не хочу замужества с Игорем? Не знаю. Нет, не страшно, лишь пару раз переспать с ним и родить ребенка, комнату с ним делить, постель, слушать каждый день, как он плачет, что любит Асю, а отец не хочет его понять. Но если я смогу вернуться домой, Игорь будет вместе с Асей. Хоть кто-то будет счастлив. — Ольга встала, начала одеваться, как вдруг раздался стук в дверь.

— Кто там? Я же просил меня не беспокоить! — Девушка заговорила более суровым голосом.

— Это я, ваш проводник! Простите за беспокойство, но вы обещали угостить меня брагой, тем более что в зале сейчас начнется самое интересное. Сима, дочь хозяина харчевни, будет танцевать. Вам понравится, обещаю.

Ольга быстро накинула на себя остальные вещи, спрятала волосы под капюшон, и открыла дверь.

— Да, но только дочь мне этого хозяина не очень понравилась, но брага — это святое. Пойдем, конечно, выпьем. — Девушка хлопнула сильно, но дружески юношу по плечу и они спустились вниз. Там играла музыка. Трое мужчин играли на каких-то странных инструментах. За четыре года пребывания в этом мире Ольга видела такое впервые. Что-то между гитарой и балалайкой, семиструнная и лежит на полу, а играют ногами. Музыка выходила мелодично. Мастерство игроков. На сцену вышла девушка, она распустила свои волосы, они доставали до колен. На ней было тоже платье, только сделано короче, и большой вырез на груди. Девушка села на пол, разбросав свои волосы по сцене, создалось ощущение, что на сцене сидит облако дыма. Музыка затихла, кто-то потушил несколько свечей. Народ умолк, и музыка вновь заиграла. К неизвестному инструменту присоединилась флейта. Девушка медленно встала с пола, ее волосы также медленно поднимались за ней, музыка заиграла быстрее, Сима стала резко дергаться. Танец был больше похож на африканский, чем на стриптиз, что как раз ожидала только вошедшая Ольга. Они подошли к свободному столу. На них никто не обратил внимание. Все взгляды были прикованы к сцене. Странно, что ни один мужчина не мог оторвать глаз от танца Симы, хотя Ольга не считала ее даже симпатичной. Проводник посмотрел на Олю с большим удивлением.

— Странно, что все так прикованы к ее танцу, видимо они очень любят Симу, — Ведьма не поднимала головы, так как заметила неоднократные попытки со стороны проводника заглянуть ей под капюшон. Но девушка всегда была на шаг впереди, ему ничего не оставалось, как бросить свои попытки и он взмахнул рукой какой-то женщине, повернулся в Ольге.

— Скажите, почему вы не снимаете свой капюшон, ведь здесь нет ни ветра, ни дождя, зачем же он вам? — Он решил пойти другим путем, но все выведать, кто таится под капюшоном.

— Не хочу, мне в нем нравится. Что за знак вы подали этой женщине, что она вдруг побежала, будто ей замуж предложили выйти?

— Я подал знак, чтобы принесла самого лучшего и дорогого напитка, что здесь имеется. А так как такое бывает не часто, она сразу поняла, что новый гость — важный гость, и принялась вас ублажить, — и сам улыбнулся на слово «ублажить», — ведь вы сами обещали мне лучшего напитка, я заказал сразу по две кружки, если вы не против?

— Нет, если только это не выйдет это мне в сто гривен, иначе мне придется найти того, кто ищет колдунов и волхвов, ведь именно за его голову ваш князь назначил такую цену? — Ольга сама не знала, зачем так пошутила, ведь именно для нее смешного здесь ничего нет, но потом осознала, что ей нужно как больше узнать об этом вознаграждении и о князе, чтобы точно понять, можно с ним договориться или нельзя...

— Простите, если это много, я могу отменить заказ, вот, только вы мне обещали, а обещание для русского мужика — это все! Я вообще-то слышал, что девушка это, и она никого в живых после себя не оставляет, а посмотришь на нее искоса, так не жить тебе, вот наш князь и стал собирать за вход, чтобы те сто гривен выгадать. Нет, чтобы своих ордынцев послать, да и найти эту колдунью, так нет, он сам боится без орды остаться. Вот и заставляет мирных жителей на рожон лезть, а они, небось, только колдунье в потеху, люди говорят, что князь так задумал, чтобы колдунье надоело, и убралась она с его земель, боится он ее сильно. Да, но тут уже вся Русь может всполошиться, колдунам да волхвам итак уже предупреждения делали, провинились они, а если орда великая придет, то тут одна колдунья точно не справится.

— Откуда же тогда слухи, если никто еще не выживал?? Скажи, а если колдунья уйдет с его земель или князь снимет обвинения, то орда не придет? — В Ольге тешился луч надежды, что все удастся решить бескровным путем, орда довольно сильна, да и крестьян жалко.

— Так много всего навалилось, чудище проклятое, да еще колдунья эта, словно не суждено здесь городам быть. — Юноша немного приуныл, Ольга приподняла голову, чтобы посмотреть, что происходит. Женщина принесла кружки. — Вот и наш заказ!

В один миг в зале стало очень шумно, и Ольга решила, что ее раскрыли. Все: от худых до полных мужиков встали, и начали что-то кричать, нет, скорее пропагандировать.

— Что происходит? — Девушка немного занервничала, так как поняла, что они кричат. «Выбери меня, будь моей»

— А! Сима выбирает себе мужчину, она делает это раз в неделю. С ним живет, у него все по дому, хозяйству делает, через неделю уходит. — После танца они словно с ума сходят, глаз не могут от нее отвести, готовы заплатить любые деньги, чтобы только с ней побыть. Я тоже сначала был таким. Все за нее продал, лишь бы с ней провести время, а потом ничего не осталось, так стал жить здесь и работать. Больше некуда мне было идти. Да и денег больше мне не вернуть. Странно, что вы не повели себя как все.

— Наверное, у меня иммунитет! — Ольге показалось, что здесь пахнет магией, но не хотела разбираться, ей бы свою голову уберечь, не жели в чужие дебри лезть. — Как интересно имя у моего проводника? А то брагой угощаю, а имени до сих пор не знаю. Нехорошо.

— Никола, но все называют меня Ником, видите ли, меня считают молодым и глупым, но только я постоянно пью лучшую брагу, потому что знаю, где и когда появиться. А вас как?

— Оль... — Девушка явно забылась, смотря на красивого юношу, но вовремя сумела остановиться, — Олег. — В горле пересохло, и Ольга выпила полкружки залпом.

— Ты что-то говорил о колдунах и чудовище, расскажи поподробнее! — Ведьму что-то притягивало в этой истории с чудищем, может это и выход из ее ситуации.

— Итак, сначала. Ходят страшные слухи о чудище, что живет оно в северных пещерах, но людям оно мало вредит, потому что редко просыпается. Хотя есть одна история, я ее расскажу. Один маленький

мальчик был очень любознателен, везде лазил. Родителям дело до него не было. Жили они неподалеку от северных пещер, однажды мальчик вновь гулял один и услышал странные звуки, он пошел на звуки, и пришел к самим пещерам. Мальчишка первый обнаружил чудище. Оно спало, но мальчик полез к нему и оно проснулось. Говорят, что ребенок, хоть ему было всего десять лет, вернулся седой. Никто не знает, сколько находится там это чудище, но теперь все время по ночам люди близлежащих поселков слышат странные звуки. Теперь оно проснулось и хочет есть. А чем чудища обычно питаются? Конечно же, человеческим мясом. Тогда князь приказал ордынцам найти всех сильных колдунов, чтобы уничтожить чудовище. Князь всегда верит слухам, да и как не верить, ведь мальчик и впрямь седой. Князь послал туда пятерых колдунов, трое вернулись, двое нет. Те говорят, что не справиться с ним, князь приказывал им вернуться, но они отказались. Теперь все обозлились на них.

— Почему тогда он не вышлет свою великую орду?

— Так колдуны ничего не сказали, как оно выглядит и в чем его сила. Оставшиеся колдуны пропали после этой истории. Оставили все: дома, семьи. Князь боится, мало ли какой там зверь, вдруг всю его орду может в секунду в пыль превратить. Соседние государства сразу узнают об этом, начнется война, раздробленность. Слишком большой риск.

— Очень интересно, и что колдуны никому ничего не рассказали, просто сбежали?

— Да, это странно, но факт. Да еще и колдунья эта. Я слышал, что князь уже изволил собирать великое войско, а если оно не справится, то придется просить другие государства. А им придется платить, но чем? Русь будет или раздроблена или поглощена этим зверем. И тут нет другого выхода.

— Но ведь великое войско имеет шансы победить, — у Ольги появился план, как и Русь спасти и с князем разобраться, и потом спокойно заняться поисками. Главное, чтобы на все хватило времени.

— Может и имеет, но мне слабо верить. Вот я бы лучше пошел на служение к какому-нибудь колдуну, чем так дальше жить в страхе. Хочется приключений, битв, я ведь неплохой боец.

— Мне интересно, ты просто хвастаешься или бросаешь вызов?

— В общем, не то, ни другое, а ты хочешь со мной силой помериться?

— Хочешь, давай. Только без мести, если я сломаю тебе что-нибудь.

То ли брага так играла в головах, то ли действительно хотелось помериться силой. Ольга и Никола вышли на улицу. Мужчина снял кафтан и начал разминаться, когда они пришли на задний двор. Ольга оставалась на месте и наблюдала за его действиями. Девушка, конечно, хотела бы размяться, но тогда бы ей пришлось снять плащ и капюшон, чего делать было нельзя.

«И зачем я это затеяла? Нет, парню надо преподать урок за хвастовство, но надо быть осторожной, в первую очередь нельзя пользоваться магией. И надо держать капюшон. — Ольга не нервничала, но насторожилась. — А главное не покалечить его. Приключений ему захотелось, знал бы, с кем связался, сразу бы перехотелось».

— Почему ты стоишь, ты не хочешь размяться или снять плащ?

— Нет, мне и так хорошо.

— А ты когда-нибудь снимаешь свой капюшон?

— Да, но ты вряд ли это увидишь.

— Хорошо, я готов. Начнем? Без оружия и криков о помощи. Как только один из нас скажет «конец», сразу же останавливаемся. До убийства не доводим. Согласен?

— Полностью. Только приготовься кричать «конец», пусть сразу на языке крутится, а то мало ли растеряешься или забудешь. — Ольга явила. Может, и недооценивала противника, но точно знала свои силы.

Юноша встал в стойку и приготовился к нападению. Колдунья даже и не думала нападать. Она держала полное спокойствие, хоть и бешено билось сердце.

— Начали!!! — громко крикнул Ник.

В момент он резко прыгнул, так высоко и четко, что даже произвел на Ольгу впечатление. Только она была хитрее. Девушка не стала ждать, пока парень запрыгнет ей на голову, и прыгнула на него в ответ, в воздухе ударила ногой в живот. Он сразу изменил точку своего приземления и упал на ноги. Ольга, времени даром не теряя, прыгнула к нему и хотела ударить ногой в голову, Ник увернулся и схватил ее ногу, дернув, он надеялся уронить противника, но Ольга сделала сальто назад и, вырвав свою ногу из мужской руки, задела ногой его лицо. Когда колдунья приземлилась, капюшон чуть не слетел, но она успела его поправить.

Так бойцы оказались на первоначальной стадии. За исключением того, что у Ника шла кровь из губы. Он вытер кровь и встал в стойку. Ольга спокойно смотрела на него. Юноша сделал сальто, чтобы оказаться у девушки за спиной, но она просто отошла и повернулась. Ровно тогда, когда он приземлился, она ударила его кулаком в нос. Ник не ожидал такого хода, но не сильно растерялся. Сделал сильный замах кулаком, но Ольга присела и выбила почву из-под ног противника. Парень упал и тут же откатился в сторону. Колдунья прыгнула с целью сделать удар ногой, но тот ловко увернулся и, сделав сальто, в полете снял с девушки капюшон.

Вмиг Ольга все поняла. Никола затеял драку не с целью померяться силами, а снять с нее прикрытие, и он своего добился. Но зачем ему надо было это? Спортивный интерес или он давно обо всем догадался и хотел убедиться. Или уже убедился и хотел убить колдунью, чтобы получить вознаграждение.

Когда парень приземлился на ноги, девушка стояла оцепеневшая и не знала, что делать. Он смотрел на нее и улыбался.

— Я так и знал, что ты женщина. Вот только зачем скрывать это? Может ты и есть та самая колдунья, что охотится на волхвов?

— Ты хочешь правды? Я не хотела тебя убивать, но теперь придется.

— Настала ее очередь встать в боевую стойку, и она приготовила энергетический шар. Она испытала чувство жалости, ведь он ей понравился.

— Стой. — Никола, увидев энергетический шар, сильно испугался.

— Я не хотел тебя убивать, я может и умею драться, но не настолько силен, чтобы убить могущественную колдунью.

— Зачем тогда снял капюшон? Ты же знаешь, любопытство — это смерть!

— Меня удивила такая фигура у мужчины, я и хотел узнать. Прошу не убивай, лучше возьми меня в свои рабы. Я никому не расскажу — клянусь. — Он встал на колени.

— Встань. Я не такая, как про меня рассказывают. Я не убиваю всех подряд. Там просто произошла не очень приятная история. Сейчас мы тихо пройдем в мою комнату и там я решу, что с тобой делать.

— Спасибо! — Он встал и отряхнулся. — Я всегда знал, что в народе преувеличивают.

— Только одно условие: так как ты можешь, пока мы будем идти кому-нибудь крикнуть про меня, я наложу на тебя заклятие молчания. В нем нет ничего страшного, ты всего лишь не сможешь произнести ни звука. Если кто-нибудь к тебе обратится, махни на них, мол, я работаю, не мешайте. Понял?

— Да.

— Подойди ко мне.

Юноша медленно подошел к колдунье, в его глазах был явный испуг. Она знала, что не логично убивать его, ведь останется труп, начнется паника, разборки, а ей нужно здесь остаться пока.

Ольга создала энергетический шар и раскатала его как трубку, затем приложила ко рту Николы и произнесла несколько слов. Трубка превратилась в кольцо вокруг головы и словно вошла в рот мужчине. Он издал крик и резко дернулся.

— Ну, вот и все, не нервничай. Скажи что-нибудь. Попробуй.

Никола открыл рот, но оттуда не вылетело ни звука.

— Хорошо. Теперь иди за мной. И никуда не оборачивайся, не махай головой. Все делаем быстро и четко. Одно неверное движение и я убью тебя, потом сожгу эту лачугу вместе со всеми, кто здесь находится. А еще одно, подносище дашь знак, чтобы принесла нам медовуху в комнату, только никаких знаков о помощи. Все, пошли.

Ольга надела капюшон, и они вошли в харчевню. Никола как верный пес, шел следом. Он был хорошим актером. Вел себя спокойнее, чем обычно, и никто не обратил на них внимание. Никола подал знак подносище рукой, та только кивнула и понеслась. Они вошли в комнату, и на лице девушки появилась каверзная улыбка.

— Присядь пока за стол, когда принесут медовуху, я сниму с тебя заклятие, а пока можешь мне спеть! — Чувство юмора у нее оставалось, даже несмотря на то, что ее раскрыли, и она теперь была на грани. Он же смотрел на нее непонимающим взглядом.

Тут же раздался стук в дверь. Ольга открыла дверь, женщина с подносом вошла, безмолвно поставила медовуху на стол и вышла. Девушка закрыла за ней дверь.

— Вот и все, подойди ко мне, я сниму с тебя заклятие. Бежать не пытайся, догоню и убью. Понимаешь, мне не трудно это сделать, но я бы не хотела прибегать к таким мерам.

Никола подошел. Ольга протянула руки к его рту, и тут же появился энергетический круг, тогда девушка произнесла несколько слов, и он испарился.

— Спасибо, теперь я снова могу говорить. Могу ли я узнать твое настоящее имя?

- Ольга. Только не думай, кому-нибудь сказать. Садись, выпьем, разберемся, что с тобой дальше делать.
- Они сели и сразу же потянулись за кружками.
- Выпей, не стесняйся. Выпьем за то, чтобы я была сегодня добрая.
- Они чокнулись и выпили сразу по кружке. После драки во рту пересохло у обоих.
- Знаешь, мне не нужен раб, но мне нужен временный помощник, как ты. У меня есть идея, как Руси помочь и себе.
- Я буду счастлив, помогать тебе хоть целую жизнь.
- На целую жизнь ты мне не нужен. Слушай. Ты много рассказал мне про князя и про чудище. А что, если мне договориться с князем, если я убью чудище, он снимет с меня все обвинения. Как тебе такой план?
- Это еще не план, а задумка. Нужно еще придумать, как проникнуть к князю. Его тщательно охраняют, значит, будет битва. Это опасно, это не крестьяне, а хорошо обученные воины. И как ты собираешься убить чудище, ведь ты толком о нем ничего не знаешь?
- Воинов можно усмирить, а о чудище я пока не думала. Если оно меня убьет, мне терять все равно нечего.
- Каждому есть что терять, или у тебя нет дома, семьи?
- Мой дом за несколько сот лет отсюда.
- Что?
- Не важно. Чтобы проникнуть к князю, ты мне и нужен. Ты давно здесь живешь и должен знать лазейки к нему. Даже если не знаешь, то можешь узнать. Было бы странно, если бы приезжий, типа меня, начал бы лазить тут, расспрашивать. Ты же — другое дело.
- Я не знаю, как благополучней пробраться к терему, но знаю, кто знает.
- Да? И кто это?
- Сима. Ведь в нашу харчевню не только простолюдины ходят, но и солдаты на нее посмотреть. Она может отвлечь охрану, пока ты проберешься. Она частенько к ним ходит. Можно подождать неделю, когда она снова будет выбирать мужчину и попросить подойти к одному из охранников. Там будет дело за малым. Ее даже князь знает, она у нас знаменитость.
- Не знаю, не знаю. Можно ли ей доверять и с чего она станет нам помогать?
- Я давно с ней общаюсь, за плату она может сделать одолжение.
- Нет. Я не могу ждать неделю, каждый день на счету. Надо как-то быстрее.
- Завтра я этим займусь, и уже послезавтра ты будешь у князя. Сойдет?
- Хорошо. Как раз сил накоплю.
- Мне в радость этим заниматься. Только у меня есть одна просьба: если меня поймают, пожалуйста, помоги мне.
- Договорилась. Только постарайся, чтобы все прошло как надо и давай еще выпьем.
- Они подняли кружки и снова выпили залпом. Девушка поняла, что опьянела, и юноша показался ей еще симпатичней.

— Я уже спарилась в плаще и кафтане. — Ольга встала и начала раздеваться. Сняла плащ, обувь и носки, которые сама всегда себе шила, как напоминание о прошлом. Сняв с себя все лишнее, девушка осталась в легкой обтягивающей майке и по обнаженным плечам раскинулись шелковистые волосы. Никола чуть было не открыл рот, так как прекрасная фигура девушки очаровала его.

— Мне так надоела мужская одежда, надеюсь, ты не против? — И эротично взмахнула волосами.

Юноша быстро уловил сигнал девушки.

— Тогда разреши я тоже немного разденусь, медовуха жарит. Сам весь спарился.

— Да. Делай что хочешь. — Ольга подошла к кровати и отвернулась. Никола моментально скинул кафтан и сапоги. Затем, тихо подойдя к Ольге, начал целовать ее плечи и крепко обнимать ее. Девушка повернулась, и они слились в горячем поцелуе. Юноша скинул с нее майку и начал целовать обнаженную грудь. Девушка полностью отдавалась в его руки. В тот момент не имело значения, кто она и кто он. Что где происходит и кто кого хочет убить. Не было ни мыслей, ни слов.

Просто пара наслаждалась друг другом. Никола снял с нее штаны, и она запрыгнула на кровать, затем он быстро скинул с себя все и забрался к ней. Они слились в одно целое. Девушка осознала, что давно ей не было так хорошо. Ни слов, ни замешательств. Просто они и просто вместе. Так и закончилась эта ночь.

Глава 6

ГДЕ-ТО ТЕРЯЕШЬ, А ГДЕ-ТО НАХОДИШЬ

Утром Никола проснулся обнаженный в кровати, но Ольги уже не было. Он оделся, но так и не понимал, где она. Ее одежды не было и, не зная, что делать, он отправился на поиски. Вдруг она завтракает в харчевне? Но там ее тоже не было. Он спрашивал, где путник, что вчера приехал, но никто не знал. Тогда он решил пойти в конюшню. Там ему сказали, что путник забрал лошадь и поехал по каким-то делам. Никола был в замешательстве, но понял, что нужно заняться делом и отправился на поиски Симы.

Тем временем Ольга увидела пастбище.

— Стой Сникерс, нам туда. Не переживай, я оставляю тебя здесь. Потому что когда пойду к князю, может случиться что угодно. — Сникерс, с недоумевающим видом повернула голову на хозяйку.

— Не смотри на меня так. Лучше остановись. — Лошадь беспрекословно остановилась и Ольга спрыгнула.

— Теперь внимательно слушай меня. Я знаю, что ты понимаешь. Сейчас я наложу на тебя заклинание, и никто не будет обращать на тебя внимание, будто тебя нет. Но если со мной что-то случится, оно пропадет, и ты это почувствуешь. Если это случится, то ты должна бежать домой, к учителю. Если же все будет хорошо, то я вернусь за тобой завтра или послезавтра. Тут трава и озеро недалеко. Я понимаю, что

после хорошего овса это не то, но придется потерпеть. Если ты вернешься без меня, учитель поймет, что меня убили. — Ольга погладила гриву.

— Надеюсь, что Никола все сделает. — Лошадь смотрела очень взволнованным взглядом.

— Не надо на меня так смотреть, мне самой страшно. Но ты помнишь, как на нас напали, если я не рискну, так будет везде. А я не хочу убивать всех подряд. Но просто так не сдамся.

Ольга присела возле Сникерса и взяла горсть земли.

— Великий Велес, одари силой своей. Дорче, хеба, гунде, лаш. — Колдунья вскинула свободную руку вверх и затем резко ударила по земле. Горсть земли, которую держала в другой руке, кинула на лошадь. Брошенная земля сверкнула и осыпалась на шерсть. Сникерс чихнула.

— Все. Долго прощаться не будем, — девушка обняла лошадь, та только грустно всхлипнула, и Ольга отправилась обратно.

Через несколько часов она дошла до харчевни. Там мало что изменилось, только людей стало больше. Никола сразу ее заметил и подошел к ней.

— Где ты была, я уже начал волноваться?

— Тихо, во-первых, обращайся ко мне как к мужчине, во-вторых, здесь нельзя говорить, поднимемся ко мне. Как только они вошли в комнату и закрыли дверь, то вместо решения дел начали страстно целоваться. Как странно, насколько чувство тайны, опасности сближает. Только юноша хотел склонить ее на постель, как она нежно укусила его за губу.

— Сейчас не время, давай о деле. Ты поговорил с Симой? Завтра нужно начать.

— Да. Я договорился. Она задавала много вопросов, но я наплел ей всякого и дал денег. Завтра базарный день и все будут на площади, мы не привлечем много внимания.

— Молодец. Ты объяснил Симе, что от нее требуется?

— Да, заигрывать ее любимое дело, так что это будет легко. Где ты была?

— Я отвела лошадь в надежное место, если меня убьют, она отправится к моему учителю.

— Не волнуйся, я верю в тебя, ты справишься. Все будет хорошо.

— Спасибо, я верила, что не найдя меня, ты начнешь заниматься делом.

— Возьми меня с собой к князю, ты увидишь, я неплохо дерусь.

— Нет, я не хочу подвергать еще кого-то опасности.

Никола нежно обнял девушку. Она ответила ему поцелуем. В комнате стало жарко, наступила еще одна прекрасная ночь страсти.

Утро было пасмурное, началась осень. Ольга сильно переживала за время, его могло не хватить на поиски, но во что бы то ни стало она должна была оправдать себя.

Колдунья встала с кровати, быстро оделась и достала из походной сумки самостоятельно сваренные свечи. Затем расставила их на полу кругом и села в центр. Она медитировала для того, чтобы настроить

более четкий канал с энергией земли. Создав астральный канал, она пустила его к центру земли. Только стихия может дать тот запас энергии, который нужен был ей для дела. Как только резерв был наполнен, свечи сами потухли. Энергия билась в девушке, но она не собиралась ее выпускать пока. Если такую энергию не потратить за сутки, то она начинает сама вырываться и ложиться на все и всех вокруг негативом. Ольга знала немало историй про менее опытных магов, когда их энергия выливалась на людей, и случались массовые драки, автомобильные аварии, и так далее. Но сейчас не об этом.

Оля подошла к кровати и сдернула одеяло с Николы.

— Вставай, хватит спать. Пора делом заняться. — Голос девушки был строг и сух.

— С добрым утром милая! — Юноша протянул к ней руки.

— Нет времени. Вставай, внизу скажешь, чтобы принесли мне горячей воды, надо помыться и пусть готовят большой завтрак. Нужно плотно поесть.

Никола встал и направился к двери.

— Да, еще одно. Может, оденешься. А то люди странное могут подумать. — Юноша оглянулся на свое голое тело, держась за дверную ручку.

— Ах, да. — Пока он одевался, Ольга присела на стул и наблюдала за ним.

«Он и вправду хорош. Такой милый и ласковый. Нет, что за чужь! Пусть еще появятся мысли взять его с собой, потом появится любовь и мысли, чтобы остаться с ним, завести семью, детей и забыть о будущем. Нет, у меня два выхода: либо дом, либо Игорь. Не более, с магическими договорами не шутят».

Никола понял, что дело серьезное, и молча вышел из комнаты. Ольга начала разминать мышцы. Она понимала, что битва будет, и серьезная. Погибнут люди, но другого выхода нет. Как только она размялась, в дверь постучали. Она мгновенно накинула на себя плащ и капюшон.

— Доброе утро! Вот вам вода горячая, как нагрели, сразу к вам. Только отваров пахучих нет, их позже готовят, — это была Сима, все в том же платье, только уже не подавала сексуальных сигналов, что насторожило Ольгу.

— Поставь в угол, а отвары у вас не такие уже пахучие. Скажи внизу, чтоб еда была готова, — голос Ольги оставался все таким же строгим и сухим.

Девушка покорно поставила таз в угол и направилась к двери, но, только дойдя до нее, повернулась, Ольга стояла у стола спиной к ней.

— А знаете, я вами восхищаюсь. Вы ведь собираетесь убить князя?

— Что? Что ты такое говоришь? Это тебе Никола сказал? — На эти слова Ольга резко обернулась и посмотрела на девушку.

— Не волнуйтесь, я никому не скажу. Я сама догадалась, ведь я тоже колдунья, но не такая сильная, да и воевать не умею, только мужчин соблазнять. Я очень удивилась, что вы на меня не отреагировали, а когда танцевала, даже не посмотрели. Так могут только те мужчины, кому я дала отворот или колдуны. А когда ко мне пришел Никола просить помощи, он ничего не сказал, я все прочла у него в мыслях. Так вы правда хотите убить князя?

— Нет, я хочу просить помилования. Чтобы оправдать свою честь.

— Вы могущественная колдунья. Зачем унижаться перед этим человечешкой. Можете убить его и захватить его земли, а потом собрать союз колдунов и захватить Русь. Было бы здорово, Русь под властью колдунов.

— У меня другая цель, мне не нужна власть.

— Но ведь вы можете разгромить его войска. Какая же тогда у вас цель?

— Тебе незачем это знать. Лучше расскажи, как ты собираешься меня в терем пропустить?

— Все просто. Пока я отвлекаю охрану, вы проберетесь через лаз. Когда я встречалась с сыном князя, он показал мне этот специальный лаз, который выходит в тереме, рядом с его комнатой. Я ходила к нему по ночам втайне от отца, а охрану отвлекать, как раз плюнуть.

— Хорошо, но как я потом доберусь до князя в тереме?

— В другом крыле есть комната, где ровно в полдень будет князь. Там он обедает, и не любит, когда на него смотрят в процессе, поэтому охраны в это время рядом с ним мало. Как только узнала, кто вы, сразу все продумала. Если возьмете меня с собой внутрь, я помогу и там разобратся с охраной.

— Я не собираюсь с собой никого брать, если меня там убьют, вам уже никто не поможет.

— Но ведь Николу берете, а чем он лучше меня?

— Его я тоже не беру с собой. Ваша цель — проводить до лаза, дальше я разберусь сама. А вы спокойно пойдете домой и забудете, что знали меня.

— Но... возьмите!

— Ты не поняла? Я не собираюсь повторять. Иди, у меня мало времени, надо помыться, не забудь о еде. Встретимся внизу.

— Хорошо. Я найду Николу, и мы будем ждать внизу.

Девушка наконец вышла, и Ольга могла спокойно помыться.

«Вот пристали, жить, видимо, надоело»

Она достала из сумки пояс, надела его и аккуратно заправила за него кинжалы.

«Я сильно надеюсь, что они мне не понадобятся».

Внизу Ольгу встретили уже готовым мясом с картошкой. Она села за стол и тут же принесли только остывший кисель. Девушка начала есть, но спокойствия ей не дали. Тут же подбежали Никола и Сима.

— Вот и вы. Сима, позови своего отца, скажи, что я хочу с ним расплатиться. Никола, возьми этот мешочек и набери в него земли, только самой чистой, и побыстрей.

— Но, я хотел поесть ведь...

— Потом поешь, у тебя еще будет время, делай, что тебе говорят.

Сима, в отличие от юноши, сразу развернулась и приступила к выполнению приказа. Через несколько минут хозяин харчевни стоял перед Ольгой.

— Сима сказала, что вы хотите расплатиться, неужели так быстро уезжаете? — Подходя, хозяин поклонился.

— Да, дела не дремлют. Вы присядьте рядом, и мы с вами разберемся, сколько я должен вам?

— Вы мне дали две гривны сразу, еще четыре у конюха, и того с вас еще две гривны.

Ольга тут же достала кошель и вытащила необходимую сумму.

«Деньги почти кончились, а если я все-таки договорюсь с князем, в путешествии без денег будет тяжело. Не просить же у него. Хотя если мы договоримся, он сэкономит сто гривен»

— Спасибо вам за посещение. Из комнаты вы все забрали?

— Да.

И он ушел. Ольга наконец осталась одна спокойно поесть, но не надолго. Вскоре пришел Никола.

— Милая, я не могу отпустить тебя одну. Я буду волноваться.

— Я тебе не милая. Мы просто с тобой развлеклись и все. Когда вернешься домой, считай, что тебе все это приснилось. Не заставляй тратить на тебя силы и стирать тебе память.

— Если ты так говоришь, значит, я что-то значу для тебя.

— Не веди себя как мальчик. Еще в любовь не наигрался. Я все сказала. Где моя земля?

— Вот. — Никола протянул мешочек и опустил голову. Конечно, она обидела его своим поведением, но у нее не было выбора, нельзя оставлять парню какие-либо надежды.

— Скоро полдень. Нам пора. Найди Симу, я жду на улице. — Выйдя, она посмотрела на небо, скоро должен был начаться дождь.

«Дождь поможет мне с магией. Земля радуется дождю, сливаясь с другой стихией, энергетическая поддержка усилится».

— Готовы? — Сима была радостна, и это насторожило Ольгу, но пути назад не было, и колдунья готова к неожиданным поворотам, если только ее не поджидает там великое войско.

Они пошли по дороге, не говоря ни слова. Сима пыталась что-то спросить у Ольги, но та так вздыхала, что было ясно, разговора не получится. Никола же шел поникший и даже не пытался сказать что-нибудь.

«Неужели он влюбился в меня или это он так о Симе грустит. Не хочу лезть в его голову и свою забивать».

Сима остановилась.

— Вот там, неподалеку, стоят несколько охранников. Они почти не заметны, но я знаю, затем охрана возле стен терема, сразу от них за углом вход в лаз. Он простой, как коридор со ступеньками, но будь осторожна, там много камней. Нехорошо будет, если ты споткнешься и разобьешь голову.

— Не волнуйся за меня. Лучше выполняй свою работу. Что ты сейчас будешь делать?

— Вы остаетесь здесь. Я иду к охране у стены, естественно через этих. С ними не говорю, кидаю приворот, и они идут за мной к стене. Затем отвожу все глаза на себя, Никола тем временем покажет тебе лаз. Он знает где, я ему все объяснила.

— Тогда действуй и не подведи. Да, и еще: желаю тебе счастья в жизни.

— Вам, убейте этого князя и спасите наши земли от тирании.

Сима распустила волосы, обнялась с Ольгой и пошла медленной эротичной походкой. Ольга проводила ее глазами.

«Да, девочка знает свое дело».

Сима сделала все, как и обещала. Пройдя мимо первого поста, она не произнесла ни слова, но очарованные охранники уже шли за ней. Они дошли до второго поста и Сима начала так мило о чем-то говорить. Все охранники смотрели на нее, даже не моргая, как голодные собаки на кость. По ним было заметно, что за нее они готовы хоть жизнь отдать. Вот что значит «чистая» ворожба.

— Какая молодец! — Ольга восхитилась, а вот Никола был озадачен, в его голове читался вопрос: «Как у нее это получается?» — Не переживай, она тоже колдунья, но лишь по мужской части.

— Значит, все это время она просто всех околдовывала? Как я раньше не заметил?!

— Вперед, путь открыт.

Они быстро направились в сторону лаза. У Ольги часто билось сердце, в горле пересохло, но она не подавала виду. На лице отображалось полное спокойствие. Сима отвлекала охранников, пока Оля и Никола аккуратно прошли за их спинами. Они завернули за угол, и у девушки немного успокоилось сердце.

— Возьми меня с собой, я не помешаю, только помогу. Ты стала мне очень дорога.

— Мы говорили об этом, ты никуда не пойдешь.

Они подошли к деревцу, и Никола отвернул его. За ним, была маленькая, почти не приметная дверь. Он стукнул кулаком по левому верхнему углу, и она открылась.

— Нет, я пойду с тобой!

— Ты меня вынудил! — Ольга вытянула кинжал и тупой стороной ударила юношу по голове. Он тут же упал.

— Прости! — Девушка залезла в тоннель. Там было темно, сыро и холодно. Колдунья скатала энергетический шар, и, держа его в одной руке, произнесла:

— Левминаде, Урганте, ляхомт. — Шар тут же засветился словно лампочка. — Вот и отлично, хотя бы не темно. Надеюсь, недалеко идти.

Лаз представлял что-то вроде коридора, на стенах висели крепежи, только вместо факелов паутинки. Рядом со стеной пробежала крыса. Ольга испугалась такому внезапному появлению, но поняла, что осталось не долго. Сима сказала правду, на полу было много камней, от маленьких до больших булыжников. Ольга даже споткнулась об один из них, но не упала.

«Я, конечно, все понимаю, но никакой двери здесь не вижу».

И как только она подумала об этом, то вновь споткнулась обо что-то. Присмотревшись, девушка увидела большое кольцо. Это был люк.

«Странно, я думала, будет дверь, а тут люк. Может, я не туда пришла?»

Она потянула за кольцо. Люк подался, и крышка открылась. Вылетело много пыли девушке в лицо. Она хотела чихнуть, но сдержалась. Внизу оказалась маленькая комната с лестницей.

«Вот теперь я совсем ничего не понимаю, Сима говорила про другое, может бросить этот люк и пройти дальше?»

И Ольга продолжила идти по лазу, но когда она дошла до конца, то, ни по пути, ни в конце не было никакой двери.

«Хорошо, полезем в яму. Кажется, Сима меня подставила».

Колдунья вернулась к люку. Спрыгнула вниз и поднялась по лестнице. В ее конце была дверь, и девушка не задумываясь открыла ее.

Вы, наверное, думаете, что за дверью ее уже ждала охрана и сейчас начнется жестокая битва, но спешу вас огорчить, что нет. За дверью была комната с огромной кроватью, столом и некоторым подобием кресел, еще какой-то шкаф. Ольга не могла понять, почему она оказалась именно здесь. Выходить из комнаты было опасно, так же, как и оставаться в ней, но и отступать нельзя. Что же делать?

Ответ нашелся сам по себе. За дверью комнаты слышались громкие шаги и голоса. Стало ясно, нужно прятаться, и Ольга пожалела, что не умеет становиться невидимкой. Она решила спрятаться за дверь, из которой пришла, открыв ее, вновь впустила немало пыли в комнату, но уже не было времени на уборку.

— Чих! Что здесь произошло! Охрана, кажется, моя комната горит. — Голос был молодым, мужским, и как заметила Ольга, очень приятным.

«Это, наверное, комната сына князя, но он мне совсем не нужен».

Он выбежал из комнаты, как услышала Ольга. И сразу решала воспользоваться моментом, пока вся комната не заполнилась охраной. Быстро открыв дверь и перепрыгнув через кровать, она выбежала в коридор, пытаясь понять, как ей попасть в другое крыло здания. Ольга прекрасно понимала, что потратила много времени в лазе и возможно князь уже не обедает. Время, его всегда не хватает. Она побежала налево. Пробежав несколько метров, слышался спокойный разговор. Видимо сын князя побежал не в эту сторону. В любом случае, ее это радовало мало, ведь они здесь, и их надо как-то устранить. Убивать рано, трупы быстро заметят, а значит, и ее тоже. Что делать? Похоже, это вечный вопрос. Бежать в другую сторону нельзя и Ольга выхватила кинжалы из-за пояса. Резким движением рук сначала кинжал влетел в одного. И только другой заметил кинжал в горле у друга, как тоже оказался в этой ситуации. Ольга быстро подбежала к ним, они еще не успели упасть. Подхватив и положив обоих на пол, она вынула кинжалы и вытерла от крови об одного из них.

«Лишний шум мне не нужен, пора бежать дальше, пока меня не заметили».

Она забежала за угол и в нескольких метрах увидела еще двоих. Они охраняли вход в комнату. Возможно, в нужную комнату для Ольги. Ольга проделала тот же маневр, и приоткрыв слегка дверь для маленькой щелки. Там увидела столы, где сидело множество солдат. Видимо, у них тоже был обед.

«Вот это да, солдатская столовая. А если бы я просто открыла дверь? Надо двигаться дальше, только немного подшутить».

Колдунья сложила руки в форме треугольника и произнесла несколько слов, из рук выходила энергия, обволакивая всю дверь.

«Ну вот, при тревоге это их немного задержит».

И Ольга побежала дальше не задумываясь, что у двери солдатской столовой осталось два трупа, а ведь может, не все солдаты были в столовой, может, кто-то еще будет подходить на обед.

Еще несколько входов в комнаты, только без охраны. Вот еще один угол, еще немного, и Ольга пробежит круг здания. Где же столовая князя и почему его сын не ест вместе с ним? Очень странно.

В жизни часто бывает, что в напряженной ситуации возникает много лишних вопросов. Они путают мысли, и ты не замечаешь, как сбиваешься с толку и не видишь элементарных вещей. Ольга пыталась сосредоточиться. И думала, что у нее прекрасно получается, но увидев два трупа в коридоре, она остановилась и смотрела на них.

«И что теперь? Да Оля дура, и тут нет других объяснений».

Но, можно сказать, что опять все решилось само собой, потому что она услышала голоса:

— Великий князь, вы думаете, будет гуманно так поступить с народом, они и так сводят концы с концами, а повисить дань...

— Ты мой советник, а не судья! А что мне остается, мы должны решить вопрос с колдуньей, а потом с чудищем. Или нам уже не будет с кого снимать эту дань. Все уйдут на другие земли.

— Простите, ваше княжество, дал себе волю. Мой совет будет таков: от больших налогов в нынешнем положении люди тоже могут сбежать.

— Может, я подскажу решения всех проблем, без мучений народа? — Ольга выскочила из-за угла, на ее голове был капюшон, руки на поясе, а голос абсолютно спокоен и тверд.

Князь и его советник сразу остановились. В их глазах читался страх и Ольга с легкостью смогла прочесть мысли князя, что он хотел бежать и звать охрану.

Ничто так не усиливало уверенность колдуньи, как страх перед ней.

— Не дергаться, не кричать. Я не желаю зла, хочу предложить сделку. Прошу, давайте без глупостей и никто больше не пострадает. Я не собираюсь нападать, хочу лишь поговорить. — Было неразумно так говорить, так как князь заметил два трупа за ней и чуть не упал со страха. В этот момент в нем говорил инстинкт самосохранения, и никаких разумных мыслей.

— Охрана, помогите, убивают!!! — Князь схватил советника и толкнул на колдунью, тут же бросившись бежать. Ольга, сразу оттолкнув советника, приготовилась к битве. Где-то с десяток воинов подбежали к колдунье и приготовились напасть. Девушка кинулась за князем, но ей перегородили путь охранники. Колдунья не успела проследить, куда побежал князь. Но нельзя было дать ему сбежать. Иначе все провалено, и люди погибнут зря. Сделав глубокий вздох, она резко прыгнула, и, совершив сальто в полете, перепрыгнула через охрану. Они стояли, не понимая, что произошло. Ольга, благополучно приземлившись на ноги, побежала дальше по коридору. Князем, как говорится, и не пахло.

«Где же он? Напрягись и подумай, ты ведь ведунья, должна предсказывать».

Тут же, словно лампочка зажглась в голове, пришла мысль, что он в комнате своего сына. И девушка отправилась туда. Только открыв дверь, колдунья почувствовала опасность и пригнулась, над ее головой пролетел стул. И князь успел вырваться из комнаты. Оля кинулась за ним. Князь бежал быстро, ноги его подкашивались, и он вбежал в тот самый обеденный зал. Как только Ольга вбежала за ним, появилась ох-

рана, и девушка поняла, что обратного пути нет. Но, зная, что может упустить князя, кинула на него заклятие оцепенения. Мужчина тут же застыл, а Ольга встала в боевую стойку и начала собирать большой шар энергии. Охрана не задумываясь побежала на нее.

Ольга кинула шар, произнесла несколько слов на латыни. Тут же в полете шар превратился в энергетическую сеть и снес с ног четверых воинов. Остальные не спали. В комнате появлялось все больше воинов, и колдунья поняла, что нужно заблокировать дверь. Колдунья сделала сальто через охрану и тут же оказалась возле двери, в момент кинув заклятие на дверь. Воины сразу же развернулись к ней, но она уже была готова. Вынув кинжалы из-за пояса, она принимала на них удары мечей, один за другим. Так ловко и четко была отработана ее тактика, что многие воины не успевали следить за ее движениями.

Ольга присела, и словно волчок, прокрутившись, разворотом ноги сбила пятерых с ног. Быстро встала, перепрыгнула через упавших, и приготовилась. Воины нападали на нее. Защищаться было больше неуместно. Надо нападать, и девушка развернула кинжалы лезвием к людям. Что такое ленивая охрана князя, против хорошо натренированной годами ведьмы! Ольга отражала одной рукой удары, переносила защиту в нападение. Кровь сочилась из рук и лиц противников. Другая рука отрабатывала приемы нападения, прорезая горла, животы и прочие части тела, затем толкая назад. Бедные люди, на что они только надеялись? Брызги крови разлетались по комнате. Люди нападали один за другим. Глаза колдуньи были хладнокровны, тело полностью дисциплинировано, только быстрота и ловкость. Нельзя отвлекаться, одно неверное движение и ты труп. Охранники нападали и не думали остановиться, но Ольга не могла допустить столько смертей. Она старалась лишь калечить, не убивать. Иначе ее точно не оправдают. Надо что-то придумать. Как странно, что человек на полном сосредоточении связи тела и духа может еще и размышлять. Не много таких людей было запечатлено историей, но каждый может добиться совершенства тела и духа. Жаль, что не каждый стремится к этому, многим просто лень что-то делать. Ольга на миг отвлеклась на князя посмотреть, не кончилось ли действие заклятия, и тут же получила удар кулаком в живот. Ее это сильно разозлило, и она схватила его за руку, произнесла несколько слов. Такому повороту событий все удивились. Второй рукой она по-прежнему отбивала удары. Вмиг мужчина, которого она держала за руку, начал гореть. Она толкнула его в толпу. Люди начали разбегаться от огня. Удивительно, насколько природа сильнее человека. Огонь, природное создание.

«На сильную колдунью они лезут, а огня испугались».

Ольга прыгнула назад и удивительным образом оказалась на обеденном столе, в тот самый момент очнулся князь, не понимая происходящего. Охрана кинулась к столу, и Ольга решила, что пора начинать представление. Она прыгнула к князю и приставила к его горлу кинжал.

— Стоять. Никому не двигаться с места. Иначе он умрет и вы вслед за ним. А князя потерять не хорошо. Тогда его земли будут принадлежать мне. А мне они не нужны и я сожгу их.

— Да. Стоять!!! — крикнул князь, чуть ли не падая от страха, чувствуя холодный металл у горла.

Все воины остановились. Они растерялись, ведь никто никогда не говорил им, что делать в такой ситуации.

— Сейчас все будут слушаться моих приказов, и безоговорочно. Все отступили на пять шагов назад и без резких движений. Если мне что-то не понравится, сразу убью либо виновного, либо князя. Выбор не большой, но выход один.

Все отступили, никто не делал резких движений. Князь дрожал в руках колдуньи.

— Итак, вот вы двое, в первом ряду, бросьте свои мечи и подойдите ко мне. Больше никому не двигаться. И лучше не шутить, я сегодня не в настроении.

Два довольно молодых бойца подошли к Ольге, в их глазах читался страх. Все пытались понять, что ей нужно и что она собирается делать. Страх только подкреплял Олю, и осмотрев обоих, она взяла одного из них за руку.

— Ты, — обратилась она к первому, — поддержи князя, а ты, — повернулась она ко второму, — помоги ему, только вытащи кинжал из сапога и отдай его мне.

Мужчина посмотрел на Ольгу с удивлением, но ничего не оставалось делать, и достав из левого сапога кинжал, протянул его колдунье.

— Молодец, теперь держи князя, и без глупостей, не хочется таких молодых прирезать.

Воины схватили князя, и Ольга произнесла несколько слов. Они встали как вкопанные. Отличное заклятие оцепенения.

— А вот остальных попрошу выйти и не мешать переговорам.

— Я не... не согласен. Ведь я не могу полностью доверять, — у князя прорезался голос, когда сталь была убрана от его горла, — я хочу оставить несколько охранников. Если вы и вправду не хотите причинить мне зла, они вас не тронут.

— Вы так говорите, ваше княжество, будто я их боюсь. Вы на пол взгляните, они умерли по вашей вине. Я лишь хочу предложить вам договор. Если вы настаиваете, хорошо, оставляйте. Пять человек, которые ближе всего ко мне, три шага вперед, остальные возьмите раненых и ВОН ОТСЮДА!

Но даже сильный и умный воин может просчитаться, и как только открылась дверь, в комнату ворвались еще два десятка людей. Воины, стоявшие возле двери, присоединились к своим товарищам, и перешли в атаку на колдунью. Такого поворота событий Ольга не ожидала. Она только расслабилась, и тут такое. Но бдительность терять нельзя никогда. Ольга забыла о князе, который во все горло начал кричать: « Убейте ее и освободите меня!».

Воительница начала героически отбиваться, но оказалось, в зал есть еще один вход, и с другой стороны комнаты ворвались еще с десятков солдат. Один из них посмел очень близко приблизиться к девушке и кинуть ей в спину кинжал, но его перебил другой кинжал. Ольга резко обернулась и увидела Николу. Вот тот, которого она больше всего не надеялась увидеть.

— Помощь не нужна?? — Он прыгнул к Ольге и встал к ней спиной, защищая задний фланг, — а то смотрю, все не по плану как-то...

— Ты давно здесь? — Девушка, с одной стороны, была рада его видеть, но понимала, что подвергает сильной опасности.

— Нет. Сима помогла мне оклематься после твоего удара, и я тут.

Вы не подумайте, что они вот так просто стояли по центру зала и разговаривали. Все было не так.

В тот момент, пока шла милая беседа, умерло шесть человек. Ольга быстро орудовала кинжалами. Со стороны можно было сравнить ее с творцом, вырезающим фигурки, только материал попался не тот. То кровь летела брызгами, то люди падали. Никола же дрался во всю силу, и во время разговора сбивалось дыхание. В руках у него был меч, вот только орудовал он им не очень отточенно.

— Послушай, беги отсюда пока не поздно. Я прошу тебя. Я открою тебе проход и ты побежишь так быстро, как можешь. Тебе здесь не место. — Ольга хотела избавиться от него. Да, ей было тяжело одной справиться с войском, но она боялась за его жизнь.

В тот момент, когда Никола услышал эти слова, он решил повернуться к Ольге, и хотел что-то сказать, он не заметил, как меч приблизился к его шее, и голова отлетела от тела. Девушке, подпрыгнувшей в этот момент, процарапало спину, распоров кафтан. Из спины засочилась кровь, и через миг она поняла, что произошло. Быстро развернувшись, она всадила противнику кинжал в глаз. Тело Николы упало на пол, Ольга взглянула на него и голову, отлетевшую к стене. Колдунью заполнило чувство ярости и что-то кольнуло в груди. Она стала безразлична к боли, к толпе разъяренных воинов. Она присела к телу, и провела по нему рукой.

— Я же говорила, иди. Почему ты не послушал? — В голосе девушки прозвучала горечь. — Ну, все, детский сад окончен!

Ольга встала, голыми руками оттолкнув охранников, которые к ней приблизились. Из ее рук мощными потоками начала выделяться энергия, постепенно приобретая вид хлыстов. Ольга пылала гневом и на ее лице появилась странная улыбка. Колдунья, словно дьявол, стала хлестать людей. Хлысты превратились в языки пламени и поджигали одежды людей. До кого хлысты не могли достать, стали убегать, но Ольге было уже наплевать на жизни врагов. Они убили человека, который занял место в ее сердце. Да, она отрицала это, но ценность приходит, когда теряешь. Горящие люди разбегались по залу, кидались на пол и катались в агонии. Зрелище было дикое, но Ольга улыбалась и дальше орудовала хлыстами. Чуть ли не дикий смех вырывался из ее уст. Никто не знал, что делать, никто уже не мог спастись. Ольга больше не жалела никого. Князь, не выдержав происходящего, начал громко кричать. И вмиг девушка будто очнулась. Оглядевшись вокруг, она увидела огонь, трупы и полуживых бойцов, сидящих возле стен. Только тогда она поняла всю суть происходящего. Колдунья впитала энергию обратно в себя и повернулась к князю. Он стоял как ошарашенный.

— О боги, что же ты хочешь от меня? — Он произнес это истеричным голосом.

Огонь угас, остались лишь мертвые обгоревшие тела. Несколько человек еще двигались, но спасти их уже не удастся. Им осталось лишь умереть в диких болях.

— Я... хотела заключить с вами договор... вы теперь готовы меня слушать, или надо убить еще десяток человек. Я же говорила, что не хочу никого убивать, вы меня вынудили. Теперь смотрите, что произошло. Я защищалась. Сколько еще воинов в тереме? Может, их сразу позовем, зачем им жить?

— Нет, я готов вас выслушать!

— Я колдунья, за которую вы назначили хорошее вознаграждение. Мне это не очень нравится. Люди из того села на меня напали. И не за какими волхвами и колдунами я не охочусь. А чтобы оправдать свою честь и имя, я предлагаю вам заключить договор. Я знаю, что вас беспокоит чудище. Я могу убить чудище, а взамен вы снимаете с меня все обвинения и оставляете в покое.

— Ты только что убила несколько десятков воинов для того, чтобы оправдать свою честь?? Как ты собираешься сделать это после такого? Ведь у них тоже были семьи и честь. Они служили мне, чтобы кормить семью и доказать, что они настоящие мужчины, а ты их сожгла!

— Я же сказала, это самооборона! Когда мы встретились в коридоре, я сказала, что никого не хочу убивать, вы сами их позвали!

— Что мне еще оставалось? В моем тереме чудным образом появилась колдунья, и я должен был встать и выслушать?

— Да! Так вы согласны на мой договор?

— И как я должен объяснить это людям? В тереме появилась колдунья, пережгла полсотни воинов и я ее отпустил?

— Скажите, что я умерла.

— Что?

— Вы скажите, что в доблестной битве ваше войско понесло потери, но все же смогло убить колдунью. Я спокойно уеду на поиски чудища, люди перестанут меня бояться. Тем более что есть вероятность, что чудище меня тоже убьет.

— Но если я так скажу, ты не поедешь убивать чудище, ведь за тобой перестанут охотиться.

Вдруг дверь распахнулась, и вбежал молодой парень с мечом.

— Защищайся, колдунья, ты все равно умрешь. Никто не смеет покушаться на моего отца. — И он понесся на Ольгу. Она же стояла как вкопанная, не ожидая такого. Не того, что сын князя объявится, а то, что его внешность будет точной копией Вовы. Юноши из ее времени, в которого она была влюблена и с которым она провела ночь, когда убили Диму.

— Сын, успокойся! — закричал приказным тоном князь.

— Она тебя заколдовала. Я убью ее!

Ольга наконец поняла, что нужно защищаться. Когда он замахнулся мечом на ее голову, она присела и хотела сбить его с ног, юноша резко подпрыгнул и опершись об ее спину, перепрыгнул через нее. Он снова занес меч, но девушка не хотела драться, она быстро собрала энергетический шар и кинула в него. Юноша замер. Его начало трясти, словно от удара током и он упал на пол.

Ольга почувствовала, что почти опустошена, ведь потратила очень много энергии на сильные заклинания, но старалась не подавать вида.

— Что ты сделала? Ты убила его? — Князь был очень напуган.

— Нет. Он скоро очнется.

И она оказалась права, уже через несколько секунд молодой воин зашевелился и взялся за голову, которой, видимо, ударился при падении.

— Слава, ты в порядке. Не надо драки. Послушай, что она говорит. — Князь помог подняться сыну и тот с таким гневом посмотрел на Ольгу, что на миг она стала противна самой себе. Но такое чувство быстро проходит.

— Отец, о чем можно говорить с убийцей? Что она с тобой сделала? Позволь мне ее убить.

— Успокойся, со мной она ничего не сделала. Она хочет нам помочь. Расскажи ему свое предложение!

— А? — Ольга до сих пор не могла отойти от такого совпадения, — предложение. Ах, да.

Ольга с князем рассказали Славе про план, по его выражению лица, было видно, что он ему не нравится.

— Отец, и ты согласился. Нельзя верить убийцам, тем более колдунам. Они хитры и коварны. Если так, то я еду вместе с ней. Если не вернусь, значит, она не выполнила свою часть договора.

— А это значит, что ты повесишься мне на шею, и мне везде придется тебя опекать. Это не шутки, а драка с чудищем, которое уже многих убило. И мне придется драться с ним и еще следить, чтобы оно не убило тебя. Прекрасно!

— Если ты такая сильная, что смогла перебить войско, то и с ним справишься. А если ты отказываешься, значит, хотела нас обмануть.

— Это договор! Его не нарушают!

— Тогда я еду с тобой!

— Сын, это опасно, тебя могут убить. Я не могу позволить тебе поехать! — Вмешался князь.

— Отец, я должен. И я поеду. Если даже ты не согласен. Мне надоело жить в тереме в страхе. Я хочу приключений. Не злился, но я еду. И если я вернусь, все будут точно знать, что чудище убито.

— А если ты не вернешься? Кому я передам наследство? Ведь у меня больше никого нет.

— Отец, я обещаю, что вернусь.

— Извините, я, конечно, все понимаю, дела семейные. Но у меня нет времени. Если ты хочешь приключений, отправься в путешествие, а со мной ехать опасно. И нужно выезжать сейчас.

— Если ты, ЖЕНЩИНА, можешь, то и я смогу. Выезжать будем на заре. Мы предоставим тебе комнату и воду. Проживешь ночь, как князь.

— Я не могу этого сделать, если мы хотим создать иллюзию моей смерти. Но отдохнуть я не прочь. Встречаемся завтра на рассвете, на лугу возле пещер северней отсюда. Не забудь хорошо собраться, там деньги, одежда, еда. Только много не бери.

— А ты?

— У меня все спланировано. За меня не волнуйся.

— А что делать с трупами? — Князь вновь вмешался в разговор.

— Ольга оглянулась на кучу трупов и увидела обгорелые останки Николы. В сердце опять что-то кольнуло, и она направилась к ним. Девушка вытащила его останки и осмотрела их.

— Пусть их захоронят. Я больше ничего не могу сделать. Его я забираю с собой. — Девушка подобрала голову у стены.

— Кажется, мне знакомо его лицо, ах да, это Никола из харчевни, а что он тут делает? — Слава был удивлен, но Ольга на него не реагировала. Она взяла тело и направилась к двери.

— Какая теперь разница. Не забудь, на рассвете, опоздаешь — уеду без тебя. Соберись хорошо, я не намерена выслушивать твоё нытье по дороге. — Ольга вышла и направилась к комнате Славы. Она даже не думала, что кто-то это увидел, или ещё где-то может быть охрана.

Выйдя из лаза, она не встретилась ни с какой охраной, и это сильно облегчило задачу. Хотя без встреч не обошлось.

— Оля, стой!!!! Ты жива! Как все прошло?? — За спиной Ольги раздался милый тонкий голос. Он был полон радости и счастья, но как только Сима приблизилась к Ольге, то голос её наполнился печалью, — о, нет! Зачем я его отпустила. Оля, я во всем виновата. Не вини себя.

— Сима, его уже нет. И всё равно, кто виноват. Надо его похоронить. Прошлого не воротишь. — Оля даже не смотрела на девушку.

— Но мы не должны идти с трупом по городу. Давай свернем в поле и там его захороним.

— Веди. Только быстрее.

Остальной путь они шли молча. И только когда Оля остановилась, положив тело на землю, сказала:

— Тут самое место. Сима, мне нужна твоя энергия. Я почти на нуле. Помоги мне.

— Да, конечно. Что мне нужно сделать?

— Просто протяни руки вперед.

Сима так и сделала. Ольга протянула свои руки ладонями вниз и положила на руки Симы. Её тело начало слегка покачиваться. На самом деле, когда с тебя скачивают энергию, чувство не из приятных. Но данное действие продолжалось недолго. Когда Ольга закончила, ноги Симы подкосились, и она чуть не упала. Оля присела и положила руки на землю. Она начала произносить слова на кельтском языке и земля рядом с ней затряслась и просела. Ещё несколько мгновений и земля просела. Да, и в правду неплохая яма получилась. Ольга аккуратно сложила тело Николы в яму и произнесла ещё несколько слов, земля вновь закрылась.

— Покойся с миром милый друг и хороший воин. Ты совершил ошибку, дав волю чувствам в бою, а этого никогда нельзя делать. Прощай! — Ольга встала, — попрощайся с ним.

Колдунья отвернулась и пошла в сторону, через несколько минут Сима догнала её.

— И что теперь? Ты договорилась с князем? Что ты будешь делать? Оля, возьми меня с собой, я ведь не Никола. Могу хорошую службу сослужить. Обещаю, что в драку лезть не буду.

— Нет, одной смерти хватит. Завтра я и сын князя отправляемся в путь. Сегодня я буду ночевать в поле. Это прекрасное место, чтобы восстановиться духовно и физически. А ты останешься дома, и только посмей меня ослушаться, как Никола. Ты так же хочешь умереть?

— Нет. Я буду осторожна. А зачем Слава едет с тобой? Он едет, а я нет. Ничего не понимаю.

— Меня не отпустят без него. Мне не поверят. Сима, ты должна распространить слух о битве в тереме. О том, что пришла та самая колдунья. Была тяжелая битва, и полетело много воинов, но все же они убили ее. Ты слышишь, скажешь, что меня убили.

— Что? Зачем это? Вот теперь я точно запуталась.

— Битва была, и я немало людей погубила. Но с князем я договорилась, пойми, что народу будет сложно объяснить смерти этих людей, поэтому мы решили сказать, что я мертва. Люди не будут бояться, за мной не будут охотиться. Но мне не верят, что я не обману и просто не уйду своей дорогой. Поэтому Слава и привязался на мою голову. Мол, не верю, и пока не увижу, не поверю. А что мне делать, мне до восьмого травня нужно выход найти, а уже вересень. Времени мало. Мне теперь еще за ним присматривать.

— Какой выход. Ты о чем?

— Неважно. Главное, что времени мало, а я не продвинулась ни на шаг.

— Так хочешь, я опять приворожу Славу и уговорю его остаться. И ты сможешь отправиться одна. Хочешь? Ведь ты правда едешь убить чудище?

— Да, Сима, правда. Ведь к этому чудищу пошли самые сильные колдуны и волхвы. И я не просто хочу убить чудище, но и выяснить, что с ними произошло. Они должны мне помочь.

— Почему ты думаешь, что оно их не убило, ведь тогда бы они вернулись.

— Не знаю, у меня есть какое-то предчувствие на этот счет. И все. Насчет князя, пожалуйста, если ты сможешь сделать это сегодня ночью, я буду тебе очень благодарна и с радостью от него избавлюсь.

Девушки дошли почти до центра поля, и Оля остановилась.

— Что-то я не вижу ее. — В ее глазах читалось волнение.

— Кого?

— Сникерс, мою лошадь. Я отпустила ее здесь, если бы со мной что-то случилось, она бы отправилась к моему учителю.

— Это же просто лошадь со странным именем. Убежала. Я приведу тебе другую.

— Нет никого лучше Сникерса. Это не обычная лошадь, а подарок учителя. Он что-то с ней сделал, и она прекрасно все понимает, мне иногда кажется, что она вот-вот заговорит по-человечески. — Ольга никак не могла глазами найти Сникерс, поэтому громко засвистела так, что у Симы заложил уши. И это подействовало, через несколько минут девушки увидели прекрасную рыжую лошадь, мчащуюся к ним с большой скоростью. На лице Ольги появилась улыбка, а у Симы испуг, но это все не имело значения, так как в тереме князя состоялся серьезный разговор.

— Отец, как ты можешь доверять этой колдунье, ведь она убийца и пришла тебя убить, а увидев меня, испугалась.

— Сынок, перед тем как ты появился, она перегубила полсотни воинов, и некоторые лучше тебя. Так что не стоит в очередной раз доказывать, что ты себя любишь. На самом деле, ты глуп, если подумал, что я

так просто смог оставить эту колдунью и буду надеяться на светлое будущее. У меня есть план, но ты уже начал все портить. Как ты мог проситься поехать с ней. Она убьет тебя как крысу, и поедет дальше. Нет! Никому не сойдет с рук убийство воинов Великого князя Владимира! И запомни мои слова, что мое имя будет самым великим в нашем роду.

Они сидели в одной из комнат терема, выпивая вино. Слава мало понимал, о чем говорит отец, но старался делать мужественный вид. Отец уже возгордился собой, и сыну ничего не оставалось, как уйти на задний план.

— Сынок, ты еще мал и глуп. Но я тебя многому научу, ведь тебе всего двадцать лет.

— Вот только не надо. Я уже вполне взрослый, и не такой глупый, как ты думаешь. Я забочусь о наших землях и народе.

— Твоя забота должна состоять в том, чтобы найти себе жену, и чтобы она родила тебе ребенка, наследника! А ты гуляешь непонятно где и с кем. Ведь так тоже нельзя! Пойми, наши земли прежде всего. И первая наша проблема сама пришла к нам в руки.

— И что ты придумал?

— У меня был план. Оставить ее в тереме на ночь и отравить еду или постель, не важно. На крайний случай, сжечь ее комнату, но ты помешал мне. Теперь у меня появился новый план, и ты в нем действующее лицо. Главное, ты должен понимать, что если выполнить хоть одну деталь не идеально, она нас убьет. Я, конечно, не хотел объяснять тебе, бестолковщине, но другого выбора нет. Ты не можешь завтра дать ей уехать. Она должна пробыть на наших землях до ночи. Я уже выслал гонца за войском Великим. С ним она точно не справится. Теперь ты должен задержать ее. Сейчас тебе нужно выехать и найти ее. Я не знаю, каким образом ты это сделаешь, но ты должен вернуть ее в терем.

— Как ты представляешь, где я ее найду? Я не знаю, где колдуньи по ночам обитают, может, она в болоте спит. А может, в ступе летает. Мне откуда знать? Я не могу проехать всю ночь в ее поисках, а на утро ехать, не помывшись и собравшись. Отец, я никуда не поеду.

— Нет, ты поедешь, и будешь искать ее хоть до утра. Думай своей головой, где она может быть! Например, к ней пришел на помощь какой-то юноша, а ты его узнал, вот с него и начни. Пройдись по его знакомым, только людей много с собой не бери, человека два, а то много внимания привлечешь. Тем более, что новый полк войска должен прийти. Собирайся и иди. И никаких но... — Князь встал и удалился из зала. Самовлюбленный сын вышел чуть позже и отправился в свою комнату.

Итак, вернемся к Симе и Ольге. Лошадь подбежала к Ольге, и девушка крепко обняла ее.

— Сник, я уже перепугалась за тебя! Познакомься, это Сима, ты видела ее в харчевне. — Лошадь заржала и начала махать головой на Симу, девушка слегка отошла в сторону.

— Оля, я не совсем понимаю, зачем ты с ней разговариваешь, — но тут же пожалела о своих словах, так как Сникерс начала гневно смотреть на нее, подходя все ближе. — Оля, что она делает? Останови ее.

— Извинись перед ней, я же говорила, это необычная лошадь, она все понимает. И если ты сейчас не извинишься, она тебя затопчет или

съест. — Ольга знала, что Сникерс не станет есть человеческое мясо, но откуда это было знать Симе. И колдунья начала смеяться над ней.

— А! А! А! Прости, меня Сникерс! Только не убивай! Ведь, мы с тобой как родня, я ведь тоже колдунья, пожалуйста, не надо! — Да, Сима не на шутку испугалась, вот только Ольга стояла и смеялась. Сникерс естественно перестала надвигаться и развернулась к Ольге.

— Так, Сима, развлеклись и хватит. Теперь иди, и не забудь о слухе. Да, и ее одно, принеси мне еды, я буду вон там! — Ольга, указала на дерево, под ним или на нем. Ты как подойдешь, начни кашлять. Я приду. Не смей никого вести с собой и смотри, чтобы за тобой не следили. Затем, когда принесешь, отправляйся в терем. Сегодня ты должна быть на высоте. От этого многое зависит.

— Хорошо Ольга. Я постараюсь тебя не подвести. Что тебе принести из еды?

— Не важно, что-нибудь мясное. Прости, я не могу дать тебе денег, у меня осталось всего три гривны.

— Не переживай! Мой отец ведь хозяин харчевни. Я, правда, так устало себя чувствую, когда приду, ты мне обязательно расскажешь, как можно скачивать энергию с людей.

— Иди уже, а там посмотрим! — Сима отправилась в город, в харчевню, а Ольга отправилась к водопаду набрать воды.

«О, боги! Как я могла так просчитаться, ведь у Симы не хватит запаса энергии, снять свой иммунитет и наложить приворот. Надеюсь, она не вздумает идти сначала к князю. Я тут могу с голоду помереть. Интересно, сколько калорий я сожгла за сегодняшний день. Чего только ночи с Николой стоили. — Только Ольга подумала и сразу пресекла свои мысли. — Нет. Я не должна думать о нем, иначе все пойдет впустую. Был парень, и его не стало. Надо смириться. Давай, Оля, скажи себе, что ты к нему ничего не чувствовала и что тебе все равно. Разве что он мирный житель, который погиб из-за тебя, а так — все», — Ольга тяжело вздохнула.

— Вот скажи, Сникерс, что мне делать? Ведь я не виновата, он сам пришел. Это был его выбор и его жизнь. Была... и почему же у меня такое сильное чувство вины? — Ольга медленно шла к водопаду, ведя лошадь за узду.

Лошадь строго махнула головой, и Ольге почудилось дикое сходство с солдатом.

— Подожди, Сник. Ты хочешь сказать, что чувство вины из-за тех солдат? Да ведь они и гроша ломаного не стоили.

«У них тоже были семьи и честь, — пронеслось в голове у Ольги, — а ты их просто пережгла».

— Боги, что со мной происходит? Нет. Это всего стресс, нервы. Не хватало еще с ума сойти. Хотя, может, умру и окажусь со своими друзьями. Да что за бред мне в голову лезет! — Сникерс только помахала головой. Они дошли до водопада, и Сникерс принялась пить воду, а Ольга вытащила фляжку, которую подарила ей старуха, и наполнила ее водой. Затем опустила руки в воду и отпила немного.

— Ох, как хорошо. Не правда ли? Я немного успокоилась и теперь готова идти к дереву.

ОТ ПРОШЛОГО НЕ УБЕЖИШЬ, ОНО ВСЕГДА
С ТОБОЙ

Сима только зашла в харчевню, как к ней подбежал ее отец и схватил за руку.

— Где ты, бездельница, ходила? Где ты была? Иди, быстрее переоденься, таких гостей нельзя заставлять ждать. — Он повысил на нее голос, почти кричал, но все также улыбался толпе. Сима поняла, что случилось что-то очень важное.

— Отец, объясни, что случилось?

— Сама все увидишь, иди, надень свое лучшее платье и поторопись. — Он крепко держал ее за руку и почти тащил по коридору, когда они вошли в комнату, он кинул дочь на кровать. Девушке стало дико интересно, что же такое случилось, но также она помнила о просьбе Ольги и что ей нужно как можно скорее к ней попасть. Она надела свое лучшее платье голубого цвета, до колен, с глубоким вырезом. Обнажились плечи, и приоткрылась грудь. Сима почувствовала, что не может раскидывать свои силы попусту, ее немного покачивало, в ногах была дикая усталость, глаза слипались сами собой, но она знала, что дел у нее по горло и сдаваться нельзя. Девушка распустила волосы и поправила платье.

— Давай, пошла! Надо быстрее захомутать этих важных гостей и отправляться в Ольге. Наверняка она очень голодна.

Как только Сима вышла из комнаты, ее снова встретил отец. Осмотрев ее гневным взглядом и снова схватив за руку, он потащил ее в комнату, где обычно проводились очень важные праздники, пиры, или ужины князя.

— Кто же там? Отец, скажи! — Но ответа ей уже не пришлось ждать. Они вошли в комнату, и девушка увидела трех стражей князя, и как ни странно, сам «великий» сын князя — Слава, пивший пятую кружку пива. Когда Сима вошла, он быстро повернулся к ней и улыбнулся.

— А, вот и моя дочь. Вы все ее прекрасно знаете, к сожалению, она не могла прийти раньше. Ей что-то нездоровилось, но теперь она чувствует себя гораздо лучше и очень желает составить вам компанию. Правда, дочка? — Хозяин харчевни поклонился своим фирменным поклоном и, подтолкнув Симу на князя младшего, быстро удалился. Ворожея вела себя по-прежнему очень сексуально, несмотря на то, что все тело ломило от усталости. Она присела рядом с князем и мило улыбнулась.

— Рада приветствовать, ваше княжество! Какая честь, что к нам зашли. Но по каким делам, неужели просто соскучились? — Флирт прошел удачно, но в душе у Симы был страх. Она почувствовала, что у нее не хватит энергии даже на простой приворот, не то что на сложные операции.

— Что ты несешь. Закрой рот! Тут же охрана! На этот раз Сима, твои темные делишки не прокатят! Я больше не влюблен в тебя как мальчишка, и здесь по делу! Скажи мне, где твой друг Никола, я бы хотел его увидеть!

— А... Никола? Да откуда ж я знаю, я за ним не слежу. — Сима вмиг поняла, зачем Слава пришел сюда. Она резко отодвинулась от него.

Девушка старалась держаться, но было поздно, юноша заметил страх в ее глазах.

— Твой отец всегда так вежлив, что он с радостью рассказал мне про недавнего жильца, и как с ним общались ты и Никола. И что утром вы ушли вместе. Вот только некоторое время назад на мой терем напала колдунья, и ей на помощь пришел Никола, который был убит. И ты была непонятно где. Только вы прокололись. Вспомнили охранники, которых колдунья не тронула, что ты к ним заходила. Вот теперь ты мне все расскажешь. Где колдунья!!! Схватить ее! — Тут же солдатики схватили Симу за руки. Девушка поняла, что, не смотря на природную красоту, без сил ей не справиться.

— Что Никола? Что вы делаете? Я ничего не сделала! С жильцом общалась, но это моя работа! Отпустите меня! — Сима находилась в очень тяжелом положении. Ей хотелось позвать Ольгу, но она понимала, что та все равно ее не услышит. Можно было надеяться только на свой актерский талант.

— Хватит! — Сказал будущий князь и ударил девушку ладонью по лицу. — Я хорошо тебя знаю Сима, и я знаю, что нельзя верить ни одному твоему слову. Вы с Николой скрывали колдунью, и мало того — помогли попасть в терем! Теперь я понял, как она пробралась незаметно. Ты показала ей лаз. Сейчас же говори, где она прячется! А может, ты опять скрываешь ее в харчевне?

— Нет! — Девушка поняла, что уже бесполезно оправдываться, — она не так глупа, чтобы прятаться здесь! Т-ф-ф-у! — Большая слюна полетела в лицо князю.

— Ах, ты, отродье нежити! — Юноша протер лицо и еще раз нанес удар, — может мне сжечь харчевню вместе с тобой, твоим отцом и всеми, кто здесь находится, чтобы убедиться, что ее здесь нет? Мне кажется, что ты смелая сейчас, потому, что она тут, — и сам поймал себя на мысли, что если это так, то он умрет первым.

— Ты ничтожество, если бьешь женщину. Это потому что ничего другого ты сделать не можешь, я ничего не скажу, можешь убить меня!

— Третий, а ну, позови мне хозяина, сейчас мы с ним разберемся! — Князь начал нахально улыбаться, — мне незачем убивать тебя пока... Но вот твой отец мне абсолютно не нужен.

В глазах Симы был ужас. Она осознала, что задумал Слава, но уже ничего не могла сделать.

— Ты не посмеешь, такая подлость даже для тебя слишком большая. Ты ведь не хочешь, чтобы твой отец на тебя сердился, а я думаю, он будет очень сердиться, если ты кого-нибудь убьешь.

— Это ты так думаешь. Князь готов найти колдунью любой ценой, а твой отец лишь пешка в этой игре. — Он начал злобно улыбаться и в этот момент влетел отец Симы, за ним спокойно зашел третий.

— О! Гости дорогие! Чем же я вам так насолил? Сима что-то сделала? Чем заслужил такое грубое отношение? Обслуга не понравилась? — Мужичок был дико испуган, но, увидев Симу, яро посмотрел.

— Нет. Все хорошо, но если твоя дочь не скажет, где прячется колдунья, тебя убьют. — Слава был так уверен в себе, будто точно уверен в победе над колдуньей.

Знаете, одно из самых страшных в мире — это люди, думающие о себе больше, чем есть на самом деле. Самовлюбленные личности, ничего не знающие о реальной жизни. Ну, это я так. Вот Симе даже ненависть к таким людям сейчас не поможет.

— Да что же я вам сделал? Сима, о чем он говорит, я требую объяснений. Скажи им немедленно, что они хотят! — Повысив голос на дочь, он уже ни о чем не думал, кроме того, как спасти свою жалкую жизнь.

Сима была растеряна, она надеялась, что вот-вот произойдет чудо и появится Ольга. Но чудес, к сожалению, не бывает.

— Ну что же, она молчит. Охрана! Заткните ему рот и отрежьте палец, лучше два, для убедительности! — Воины не могли не повиноваться своему повелителю. Один из них вытащил платок и затолкал в рот старику, другой схватил его за руки, а третий достал нож.

Слава смотрел на девушку в надежде, что она их остановит, но она покорно молчала.

«Вот дура, почему она молчит? Я не хочу издеваться над этим стариком, но отец сказал, найти колдунью любой ценой». Сима закрыла глаза, как только нож занесся над рукой отца, он качал головой, из глаз потекли слезы, но солдаты не собирались пощадить его.

— Стойте, пока не режьте, она должна видеть это, заставьте ее смотреть, — вскрикнул Слава. Он и сам не хотел смотреть на это, лишь стараясь заставить Симу заговорить, — не будьте такими остолопами.

Первый охранник развернулся к девушке и схватил ее за голову, она пыталась вырваться, но против грубой силы есть только магическая сила, которой у нее сейчас не было. Охранник держал ей веки большими пальцами, он не хотел причинять ей боль. Но власть — страшная сила! Люди идут на многие гадкие поступки, которые противоречат их внутреннему миру.

— Теперь режьте! Сима, ты еще не передумала, тебе его совсем не жалко? Точно? — Девушка молчала, глаза ее стали мокрыми.

«Ольга, ради богов, появись. Я не могу допустить этого!» — Девушка мысленно кричала о помощи.

— Отрезайте! — Князь сам отвернулся от зрелища.

Мужчина занес нож над рукой, которая лежала на скамье, ее крепко держал другой. Еще миг, и лезвие прошло насквозь, оставив царапину на дереве, на пол упало два пальца, средний и указательный. Брызги крови, старик выгнулся, издал вопль, из-за платка его было чуть слышно. Из его глаз брызнули слезы, он обмяк и опустился на пол, охранник не стал его держать.

— Сволочь, изверг! Как ты мог? — Сима хотела броситься к отцу, но охранник, который держал ее, не пустил. — Отпусти меня! — Она начала вырваться, бить ногами охранника, но ее попытки не принесли успехов.

— Так ничего не хочешь сказать? Может, еще несколько пальцев помогут развязать тебе язык, — Слава говорил жестко и четко, хотя при виде мук старика, у него на душе заскребли кошки. — Давайте еще два!

— Нет. — Сима не выдержала, из глаз струились слезы. «Прости Ольга, я не могу так. Я слабая».

— Я все скажу, только отпустите его.

— Ну вот, так лучше. Отпустите его, пусть идет, обрабатывает рану, и ее отпустите, она и так все скажет.

Будущий князь вздохнул с облегчением: «Наконец, а то я бы сам скоро не выдержал».

Как только охранник ослабил хватку, Сима бросилась к отцу. Он лежал на полу, держась за руку и корчась от боли. Девушка подбежала к нему, вытащила платок изо рта и обвязала ним руку.

— Отец, прости меня, но я обещала. Вставай, — она стала его поднимать, но как только он встал на ноги, то оттолкнул ее, — отец!

— Пошла прочь от меня! Предательница! А-а, что мне теперь с такой рукой делать? — Он развернулся и вышел из комнаты, предварительно замахнувшись на дочь, но она смогла увернуться.

— Теперь рассказывай, только без глупостей. Ведь его всегда можно пригласить к нам. А лучше перестраховаться, схватите ее, и пока все не расскажет, не отпускайте.

Стражи подчинялись ему беспрекословно.

— Где колдунья?

— На что ты надеешься, тебе ее все равно не победить. Смерти хочешь, так зачем тебе далеко ходить, я сама тебе ее подарю.

— Так, не дерзи, а говори. Для уверенности можешь посмотреть на пол и вспомнить, чья это кровь.

Сима, не задумавшись, посмотрела на кровь своего отца.

— Говори! Я слушаю.

— Колдунья на пастбище, там, где поляна. Посередине, неподалеку от водопада, есть дерево. Мне она сказала, что она будет либо под ним, либо на нем.

— Есть ли какой-нибудь знак, который ты можешь нам поведать.

— Нет, просто подойти. Она ведь колдунья и сама почувствует, когда к ней приблизятся.

— Ах, даже так. Но тем лучше. Может прихорошится, если узнает, что я приду. Хорошо, третий, приведи старика!

— Зачем, я же все сказала!

— Вот, сейчас и проверим.

— Нет! Боги помогите! Что я вам сделал, отпустите меня, я вам все отдам! — Третий, чуть ли не тащил его по земле.

— О, дорогой хозяин. Мы снова встретились, а знаете почему? Потому что ваша дочь, по-моему, не все хочет говорить.

— Я все сказала, Слава отпусти его. Ведь ты на самом деле не такой, ты добрый, а не изверг!

— Клянись перед богами, что все сказала, его головой клянись. И если солжешь, боги накажут.

— Она сказала, что когда я подойду, покашлять. И она придет. Больше ничего. Клянусь головой родного отца! Отпусти его!

— Ну, раз так... Охрана, схватите ее и бросьте в темницу. Ее казнят. Несколько полных лун посидит — и казнь. Давай, второй, ты с ним. Третий, ты со мной к колдунье. — Он кинул под ноги хозяина харчевни мешочек с золотом, — а это вам, за доставленные неудобства. Благодарите князя.

Темный коридор. Странное жужжание. Похоже на электролампу, но почему-то она не горит. Холодно ногам. Почему такая чувствительность? Где-то вдали слышен стук каблуков. Она идет, опираясь на стены. Ничего не видно, только темнота и странные звуки. Что происходит?

И вдруг — гром, удар молнии. Будто стоишь на улице и смотришь на это своими глазами. Все так реально. Опять гром.

— Дом. Дом. Дом, — манил сладкий и очень знакомый Ольге голос.

— Эй! Там есть кто-нибудь? Кто это? Помогите мне выбраться отсюда!

— Дом, дом, дом, дом! — голос продолжал без изменений.

Ольга попыталась бежать на голос, но ноги не слушали ее. Она посмотрела вниз и увидела, как ноги начали утопать в грязи. На миг грязь начала превращаться в лица людей и снова исчезать.

— Помогите!

— Убей, убей ее! Не дай ей пробудиться!

— А-а-а-й! — Ольга упала с дерева из-за того, что Сникерс начала тянуть ее за одежду. Девушка ударилась рукой, но ее это не сильно волновало, она не могла прийти в себя после сна.

«Что все это значит? Он был таким реальным. Но что значат эти слова: «Дом и убей. Не дай ей пробудиться». Кому? Неужели мне предстоит еще одно дело после чудища».

Но мысли прервала Сникерс, которая трясла ее за кафтан.

— Да что с тобой такое? Что ты хочешь мне сказать?

— Прф!

— Ну, да. Ты же не умеешь по-человечески. Хорошо, давай разгадывать твои шарады.

Сникерс указала на пастбище, точнее в ту сторону, которую ушла Сима.

— Ты хочешь сказать, что Сима идет? — Сникерс лишь отрицательно покачала головой.

— Но кто-то идет?

Положительный кивок.

— Кто?

— Прф!

— Это значит, откуда я знаю? Так получается?

Положительный кивок.

— А сколько?

— Прф, прф!

— Ясно, двое. Сейчас прогуляемся, посмотрим, кто к нам в гости среди ночи, если это не Сима.

Ольга встала с земли, отряхнулась и запрыгнула на лошадь.

— Только постарайся тихо подъехать к ним. Может, это просто крестьяне решили ночью прогуляться.

Сникерс побежала рысью, но так тихо и грациозно, что Ольга даже не слышала звука копыт.

Ольга увидела двух мужчин, они шли тихо и даже не разговаривали, что сильно удивило девушку. Можно было подумать, что это двое пья-

ных, но затем колдунья в одном из них узнала сына князя. В этот момент гости заметили Ольгу.

— Вы решили меня проведать? Или уже готовы отправиться в путь, дорогой наследник? Я могу чем-то помочь? Если нет, то мне интересно узнать цель визита молодого князя на пастбище ночью.

— О, так вы здесь? Я просто гулял, честно говоря, люблю ночные прогулки. Решил прогуляться, чтобы обдумать все путешествие, стоит ли ехать?

— Да, странно, не думала, что князь так глуп.

— Что? Я ослышался или на самом деле я услышал оскорбление.

— Нет. Я лишь говорю факты. Меня не так просто обмануть. Я же вижу, что вы искали именно это место. Значит, вы искали меня. Вам что-то надо. Или решили сразиться со мной один на один?

— Ну что же. Раз вы сами начали. Да, вы меня раскрыли, я искал вас. Но не для того, чтобы предложить бой, а для того, чтобы предложить вам все-таки переночевать в тереме и по возможности остаться в городе еще на день. Ведь вы точно не знаете, где искать чудище. А ровно через сутки приедет наш гонец из той деревни. Таким образом, вы сэкономите время, что такое одни сутки по сравнению с пятью?

— Даже так. Но, почему я должна верить вам?

— Мне незачем лгать. Ведь если вы убьете чудище, мои земли будут спокойны.

— Так говорите, гонец привезет точные данные о месте нахождения чудища. И еще так вовремя? Не слишком ли это странно?

— Да, вот, случилось такое совпадение. Так вы согласны?

— Хорошо, — Ольга глубоко вздохнула, — но ночевать я все равно не приду. Ждите меня на рассвете.

— Почему вы не хотите переночевать в тереме? Там тепло, уютно. Не то что спать посередине поля.

— Нет. Спасибо. Мне здесь больше нравится. Я предпочитаю роскошь природы человеческим удобствам. И даже не знаю, как вы будете чувствовать себя в пути. Никакой роскоши, мясо только в городах или то, что сами поймаете. Мыться редко, когда хорошее озеро попадется. Ноги стираются до крови. Лошади умирают у тебя на глазах, тело постоянно находится в тряске.

— Я так понимаю, что вы хотите меня напугать, чтобы я не ехал? Не волнуйтесь, не выйдет. Я твердо решил, и никто не сможет меня отговорить.

— Я не пугаю, а предупреждаю. Готовлю заранее, на что вы идете. Я не хочу слушать нытье по дороге. Ненавижу слезы, сопли, и прочую ерунду, особенно мужскую.

— Вы такое видели?

— Когда мужчина просит пощады, захлебываясь от собственных слез и соплей? При этом он довольно мускулистый и сильный? Да. Я всегда говорила, что женщины умнее и хитрее мужчин. Но, что уж теперь? Тот, кто мог меня в этом переубедить, погиб.

— Это про Николу?

— Нет! При чем тут он? Жалкий самонадеянный слабый юноша, верящий в любовь и сказки.

— Хорошего же вы о нем мнения. Зачем же было так стараться, забирать тело? Я видел, как вы нахмурились, когда уносили его тело.

— Жалко стало. — В груди вновь закололо, но Ольга не подала виду. — Вот и все.

— Ну что же, я, пожалуй, пойду, ведь скоро и рассвет наступит.

— Скажите, вы никого по дороге не видели?

— А вы кого-то ожидаете?

— Нет. Просто интересуюсь. Чтобы спокойней было. — «Где же Сима? Как-то это все подозрительно. Жаль, не могу прочесть мысли этого сопляка, уж слишком утомилась»

— Тогда ждем вас утром. Только идите через тот же лаз. Я уберегу охрану. Смотрите, чтобы вас никто не заметил, ведь мы поддерживаем историю о вашей смерти. — «Отец будет мной доволен».

— До свидания! — Ольга забралась на лошадь и усккала прочь от сына князя.

«Откуда он узнал, что я проникла в терем через лаз? Это все очень подозрительно», — обдумывала Ольга, вернувшись на дерево. Но из-за сильной усталости, даже с этими мыслями, уснула.

В это время Слава вернулся в терем. Отец, не смыкая глаз, ждал его возвращения. Князь хоть и был самолюбив и ни в чем себе не отказывал, даже когда на его землях царствовал голод, но сейчас он сидел лишь со стаканом воды.

— Ты нашел ее? Или вернулся домой ни с чем? Ну, что ты улыбаешься? Говори быстрее, или иди прочь! — Он был в сильном волнении, от страха перед Ольгой.

— Да, отец. Я нашел ее. Она приедет сюда на рассвете и, может, останется на сутки, но не более того. Я рассказал ей про Романа, гонца, которого ты послал на разведку в деревню с чудищем. Ведь он завтра должен вернуться? Я смог убедить ее остаться и дожждаться известий от него. — На его лице была широкая улыбка, он радовался своему успеху, что смог доказать отцу, что не так уж и глуп.

— Как ты ее нашел? — Князь все также оставался в волне, он не доверял сыну, — возможно, ты мне лжешь, — он заметил воинов, что были вместе со Славой, — скажи, как вы нашли колдунью, и не смей лгать своему князю.

— Я, ваше княжество? — мужчина заволновался больше чем сам князь. — Мы были в харчевне, там молодая дева, дочь хозяина, оказалась в сговоре с колдуньей. Нам пришлось покалечить хозяина, чтобы дочь сказала правду, я и мои соратники отрезали ему два пальца, но только по приказу вашего сына. Девушка созналась. Прощу не казнить, а помирить. Мы действовали строго по приказам.

— Пальцы, — улыбка появилась на лице князя, — что же, неплохо. Нет, казнить не велю. Ты молодец. Надеюсь, вы догадались взять под стражу эту девчонку?

— Конечно, отец! Я же говорил, что не так глуп, как ты думаешь. Двое других воинов должны были привезти ее в темницу и там заточить до казни.

Ну, ты молодец! Порадовал. Я был худшего о тебе мнения. Прости, сильно взволновался из-за колдуньи. Ведь, ты понимаешь, она большая угроза для нас и наших земель.

— Понимаю, отец! Я удалюсь в покои, до рассвета осталось немного времени, и я дико хочу спать. Ратник, ты свободен, можешь идти. Спокойной ночи, отец.

Ольга проснулась, как только солнце начало подниматься. Желудок сильно ныл, ей хотелось есть, и это натолкнуло ее на некоторые мысли.

«Неужели Сима про меня забыла или именно она рассказала все наследничку. Вот это я ее послала. Она ведь в таком упадке сил могла натворить все что угодно. Но забыть обо мне, это уже слишком!»

Девушка моментально спрыгнула с дерева и толкнула лежащую под ним лошадь. Сникерс сразу встала на ноги.

— Доброе утро! Нам нужно идти, или тебе лучше остаться здесь?
— Со стороны все же смотрелось смешно, когда девушка спрыгивает с дерева и начинает говорить с лошадью, а почему со стороны, потому что неподалеку был какой-то странник и, заметив Ольгу, решил за ней понаблюдать.

— Прф! — Сникерс начала паниковать, Ольга же не оставила без внимания этот жест.

Колдунья резко развернулась и заметила путника. Он смотрел на нее испуганными глазами и хотел бежать. Но чародейка, восстановившая за ночь на свежем воздухе свои силы, без проблем кинула в него энергетический шар. Ратник упал и Ольга сразу подбежала к нему.

— Лежать, не двигаться! Ты кто такой и почему следишь за мной? Тебя князь послал?

— Да, да, да!

— Что «да»? Отвечай быстро: ты кто такой и что тут делаешь?

— Только не убивай, молю. Я Роман, лучший разведчик князя этих земель, возвращаюсь из загадочной деревни, в которой обитает страшное чудище.

— Да! — Ольга подала ему руку, чтобы он встал. Роман удивился такому жесту, но от помощи не отказался.

— Расскажи-ка мне сначала. А потом к князю поедem. Ишь ты! Не обманул князь! Не солжешь, так жить останешься, если хоть каплю лжи учую, прощайся с головой.

— Я поехал на север четыре месяца назад, в деревню, где обитает чудище, чтобы лично убедиться, для князя конечно, есть ли оно там. Не злые слухи ли это.

— Покороче немного, мы так на прием к князю опоздаем.

— Когда я нашел ту деревню, а это было ночью, я услышал жуткий рев. Он явно был не человеческий. Нигде свет не горел, но я то слышал, что в деревне никто не спал. Там я еле-еле попал в харчевню и ее хозяин мне все рассказал: что каждое полнолуние этот жуткий рев. И никому не понятно, что это за чудище и чем оно питается. Ведь скот вроде не пропадает, только дети иногда. А рев жуткий! Как-то колдуны и волхвы приезжали помочь, мол, во имя князя Владимира! Вот только когда первый раз пошли они на поиски пещеры, где обитает чудище, то вер-

нулись они очень уж странные. Не ели почти, не пили. Все молча сидели за столом, очень редко о чем-то переговаривались. И по долгу о чем-то думали. Мы так и не узнали, нашли они пещеру с первого раза или нет. Вот только потом двое из них пропали, а один резко уехал домой. Да кто-то утверждал, что видел его, после нескольких месяцев от отъезда. Да, так никто ничего и не нашел. Многие убежали из деревни, молодые в основном. А куда старикам деваться-то. Всю жизнь там прожили, куда им идти. Но живет в деревне один мудрец. Говорят, что он колдун, но никому колдовство не показывает. Он предсказывает, что в деревню приедет великий воин, появившийся в грозу, время богов, но другие понимания и миры у него будут. И этим возьмет эту битву. И что не чудище это вовсе, а темные силы в наш мир входят. Вот только никто не верит старцу, ведь все рев слышат. Да там только глухой не услышит.

— А где именно эта деревня, какие-то особые приметы по пути есть?

— Идете строго на север, пока не дойдете до деревни, а она от вас большим озером отделяться будет. Не пройдя ее, никак не попасть в деревню. Если только в обход. Но это и день получится идти. Затем после этой деревни еще две. Так от нее на восток пойдете, но там спросить можно. — Это был настолько добродушный человек, что даже не задумывался, зачем Ольге такие данные. Все просто выложил, хотя... скорей всего из-за страха.

— Молодец, теперь ступай к князю. Но не смей говорить, что ты с кем-то встречался и кому-то рассказывал. А там мы встретимся. Ну, ступай.

И мужчина тут же убежал в сторону терема, даже ни разу не обернувшись.

— Вот и хорошо, теперь мы сами все знаем и мне не придется полагаться лишь на честное слово князя. Сникерс, беги к водопаду, попей воды, и мы отправимся в терем.

— Доброе утро, ваше княжество. Ваш отец велел поднять, уже рассвет. — Голос у девушки был молод и приятен на слух. Это была служанка.

— А! хорошо, уже встаю. Приготовь для меня воду, отцу передай, чтобы не завтракал, пока гости не пришли.

— У нас с утра гости?

— Не твое дело.

— Простите, ваше княжество. Я могу идти?

— Иди.

Слава встал с кровати, потянулся и начал рассматривать себя в зеркало.

— Ну не красавица ли я? Может, попробовать обаять эту колдунью и не заморачиваться с ней. Зачем ждать войско, если я могу просто убить ее в постели. Хотя тоже не очень хочется ее смерти. Что-то в ней есть такое, и я уверен, что не ворожба это. Сима назвала ее ведуньей, это значит что она мудрая. Но все-таки женщина, а это мой конек.

— Вот ваша вода! — Служанка снова вошла. Поставила воду на пол и собиралась удалиться, но Слава схватил ее и нежно обнял. Ни для кого не было секретом в стенах терема, что Слава периодически спал с ней

и платил ей за это. Она шла на это, чтобы у нее было больше денег прокормить своего маленького сына.

Ладно, что-то я ушла уже не в ту степь.

Ольга подъехала к терему, когда Слава закончил свои развлечения и помылся.

— Сникерс, давай так. Ты останешься здесь и ждешь меня, только не расслабляйся. Я постараюсь быстро.

— Прф!

— Да будет тебе! Я понимаю, что ты хочешь есть, но пока ничего не могу с этим сделать. Потерпи немного.

И Ольга прошла в лаз. Охраны не было, как Слава и обещал. Девушка прошла по тому же пути, но на этот раз она воспользовалась не энергетическим шаром, а простым факелом. Легко нашла люк, и вошла в комнату как раз в том момент, когда сын князя одевался.

Ольга на какой-то момент застыла и наблюдала за ним, оценивая его тело. Слава, услышав, что она вошла, вовсе не торопился одеться или развернуться. Он медленно одевался, позируя, словно модель, Ольге.

Может, он специально не одевался, ожидая прихода Ольги, а может и правда случайность.

Но, вы пока этого не узнаете.

Продолжение следует

ВАСИЛИЙ ДЕНИСЮК

Санкт-Петербург

Посвящается Спецназу России!

Любить Отчизну – значит смерть презреть!
Так я бы оценил Спецназа службу!
Где можно всё и даже умереть,
Но не предать, не опозорить Дружбу!

Эпоха не берётся здесь в расчёт,
Невидимый боец – присяге верен...
Ему даётся времени отсчёт
И виден ему только один берег!

Ошибся тот, кто думает о том,
Что все бойцы «невидимого фронта»
Становятся жестокими потом
От службы, что не видит горизонта!

Да – это тот боец, кому страна
Доверила охрану государства!
И ошибиться не должна она,
Нет трусов в их строю и разгильдяйства!

Наша честь

Недаром нас зовут – спецназ!
Мы бережём страну от бед...
И, часто в самый трудный час,
Идём мы в бой уж много лет!

Здесь дружба – всех побед залог,
И Бог один для всех – приказ!
Всё, что другой бы и не смог, –
Бесспорно выполнит спецназ!

И знают люди, – всё как есть,
Доверить можно только нам...
Для нас же это – наша честь!
За веру в нас – спасибо Вам!

Все грешат

Дни прокуренные тонут
И выходят из химер...
Чёрт – засасывает в омут,
Бог – одаривает верой!

Все грешат и тут же знают,
Их никто в том не заметил...
Кто же беден, тех карают,
А богат... и грех твой светел!

Смерти нет, её не бойся!
И живи до ста под Богом...
Хочешь – за границу смойся,
Но достать и там нас смогут!

Невезенье, как везенье,
Длится долго, но не часто...
Не считай чужие деньги
Время лишь пройдёт напрасно!

Не ругай других и будешь
У святых – святым считаться...
А невинного осудишь –
Будет адом рай казаться!

Самой страшной будет мукой
До последнего мгновенья...
Кто однажды предал друга
Просто так без сожаленья!

Не завидуй. По плохому,
Лучше водки с горя выпей...
Если же везёт другому,
Значит он тебя счастливей!

Помни «фарт» идёт к тому лишь
Кого выбрал Бог из многих...
Если глупо ты рискуешь,
То сойдёшь с его дороги!

Народ перемен лучших ждёт!

Народ наш растерян и мечется,
Что дальше – кого бы спросить?
Где Вера, где царь и отечество?
Как раньше велось на Руси!

Теперь по-другому, – надолго ли?
Даст свет ли нам наш Президент?
Пусть выборов страсти все смолкли,
А всё же спокойствия нет!

Не Бог Президент, – всем понятно нам,
Но верит в него все ж страна.
Да сколько России «плыть по волнам»!
Когда ж она будет сильна?!

Быть власти с народом в гармонии
Такой только виден исход...
И здесь нет нисколько иронии,
Народ перемен лучших ждёт!

Ген

Тоска напала вновь такая,
Что впору выпить, да не пью!
И подводя итог, вздыхая,
Я лучше другу позвоню!

Друзьям звонят, когда невольно
Душе становится невмочь...
За всё сегодня очень больно!
За жизнь, за сына и за дочь!

А им плевать, они свободны,
Им тема лишь одна близка:
Что в шоу нового, что модно?
Не то, что нам, кому полста!

Я не брюзга, их не ругаю.
Земля мне рай и тут же – ад!
И многого – не понимаю –
Кто очень беден, кто – богат!

А я живу, как жил – на совесть...
Видать с пелёнок ген во мне...
Пишу стихи, а надо б повесть
О нашей жизни, как во сне!

*Наверно, нужно
здесь родиться*

Дорожка вьётся вдоль реки, дурманят травы
И птицы счастливо мне голос подают...
Приехал я сюда, мой край, не для забавы,
А посмотреть, как люди здесь сейчас живут!

Гудящий шмель меня узнал, хоть долго не был,
И я ему опять так бесконечно рад,
Что кажется – я здесь под этим синим небом,
Любой травиночке, любой пичужке брат!

Наверно, нужно здесь родиться, чтобы видеть,
Как поостыли наши души без тепла...
Кого-то грустным видом можно и обидеть,
Но мне всегда даль эта Родиной была.

И в дар Высокого и вечного, как небо
Пред Украиной, где народ века живёт...
Просил прощенья я за то, что долго не был,
Молитвой к Богу, обращённой в небосвод!

И нет душе прекраснее покоя!

Пленительною песней Украины
Заслушался я снова неспроста...
И виделись мне тонкие рябины
И вишен колдовская красота!

Далёкие года, где в белых хатах,
Спевали песни сверстники отца...
Где мама и сестра, с родимым братом,
Под вечер собирались у крыльца!

И нет душе прекраснее покоя,
Чем те воспоминания подчас...
Пусть кто-нибудь, мне скажет – что ж такое?!
Чем песня часто трогает так нас?!

Я слушал эти песни, замирая,
И радовался жизни в свете дней...
И думал, думал, – душу ублажая,
И вспоминал без усталости друзей!

В чужом краю

Вдали от отчего порога
Мне грусть понятней, чем другим...
В такой момент прошу у Бога:
«Не дай слезам сойти моим».

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Не дай придти воспоминаньям,
Где дым Отечества вдыхал...

Где всё я понял с опозданием,
Когда край милый покидал!

Не измениться мне вовеки,
Душой не стыть, не очерстветь...
И пусть сулят богатства реки,
Я буду лишь опять жалеть...

Что сердце пламенем сжигая,
В чужом давно живу краю...
Живу, дышу и твёрдо знаю,
Что только Родину люблю!

Обрыв

Я – нигде, а мне твердят – в России!
Что-то я её не узнаю!
Всё-то было ей
Всегда по силам,
Но теперь она, как на краю!

Надо мною небо лишь и птицы
Подо мной – обрыв, не видно дна...
Что это со мною – явь иль снится?
Где досель могучая страна???

Где её теперь неповторимость?
Слава, прозвеневшая в веках?
Кажется, теперь в ней отразилось,
Как в воде, лишь небо в облаках!

Двадцать лет – ни солнца, ни просвета
На надежду, и надежды нет...
Кто-то ездит в «золотых каретах»,
У кого-то и покушать нет!

Зря беду не видите, земляне,
Есть, увы, такое на Руси...
Мы на том же всё меридиане,
Не сошла ж земля ещё с оси?!

Что ж тогда случилось, люди, с нами?
Хватит бичевать самих себя!..
Вот уже обрыв не за горами,
И совсем не сон увидел я!

И нельзя надеяться на «диво»!
Жизнь одна, и лучше б – посветлей!
Надо отойти нам от «обрыва»!
И как можно, думаю, скорей!

Прозрение

Прозрение с годами у нас наступает,
Казалось, всё славно, и всё хорошо...
И только теперь человек понимает,
Что часто дорогой неправильной шёл!

А кто-то тобою порой восторгался,
В иных ты кумиром в душе побывал...
Куда же теперь их восторг подевался?
Неужто, так сразу, вот взял и пропал?!

Да просто жизнь часто меняет истоки,
Сегодня ты значишь, как есть – «на коне»!
А завтра – ты самый в судьбе одинокий,
И гаснет твой путь, что остался в вине...

Но сердце грубеет от боли не сразу
Молчит телефон уже несколько дней...
Спиваться не выход, а полный маразм,
Осталась лишь горсточка добрых друзей!

Банально всё это, но знайте, кому-то
Ещё предстоит согласиться со мной...
Когда жизнь у Вас поменяется круто
Вы вспомните сразу вот этот стих мой!

Отец – Войны

Стирается в мгновеньях циферблат,
Уходят годы, с нами не прощаясь...
А ты ещё в рядах войны – солдат,
И я тобой горжусь и восхищаюсь!

Размылось всё житейскою судьбой,
Светло опять в дому у ветерана...
Лишь иногда политики «игрой»
Напомнят нам, что жить спокойно рано!

И я опять вдруг вспомню о тебе
Отец – войны, принёсший в мир Победу!
Ты им поведай о своей судьбе
Пусть «не балуют» в мире чистым небом!

Живи, солдат, на счастье всех людей!
Я пью бокал вина за твоё имя!
И за живых, ушедших в бой друзей,
Которым жить не выпало доньне!

НАТАЛИЯ РЯБУХИНА

г. Липецк

Ботаника

– Не сразу....
– Бро-о-осьте, позвоню!..
И оборвётся цепь раскаяний
За перебитую броню,
За недоделки пальцев спянных...
...Но, разум
«Косит на корню»,
Считая «вызревшее» – паникой..
Перечитаю вслух Ботанику, и
Позвоню...

– И.. что, совсем не страшно?..

– Идиллию прервали фонари,
Вот так определили данность света...
Но долго в том дворе жила примета –
Свет отключают к... людям!..

– Повтори!..

* * *

История

– Свет отключили... Бах! Во всем районе...
Народ сначала запаниковал –
Звонил, кричал, качал свои права...

– А в чём причина, что, никто не понял?..

– Авария серьёзной оказалась,
Сник телевизор, слёг магнитофон,
Компьютер был настолько удручён...

– Да... Жалость-то какая!.. Жалость,
жалость...

– Так, чертыхаясь, полз народ во двор...
Нет лишних мест на лавках
приподъездных!..
На траву сел, повис на ветках – тесно,
Но, хорошо-то как, светло-о-оо!..

– Чи-воо?!.

– Кто анекдоты травит, кто-то пляшет,
Кто книги вытащил, читает по слогам,
Кто приглашает в среду «к пирогам»,
Живёт народ!..

...На последней остановке
Неожиданно свежо...
Крутит память
Ловко-ловко
Сальто с бывшим багажом...

...Через брошенные избы,
Через чахлые поля,
Через паспорта и визы,
То ли... вместо,
То ли... для...
Заходились визгом рельсы,
Лязгал сорванный стоп-кран,
То ли.. память,
То ли.. сердце
Прятались в немой карман...
Ночью станции пустыньны –
Выбегала подышать,
Проходящие пустые
Отдавали ветром – жар...

...На последней остановке
Неожиданно свежо –
Вянут спелые оковки.
Новенькие, послековки,
Ждут другой состав...
...Пришёл!..

Колыбельная для родителей

«...Могу-у-учая чёрная рыбина
с подружкой улищицей-глыбиной
по тё-о-ёмным оврагам и рытвинам
бежали!!! Шипели и рыкали...»
– Не-е-ет!.. Больше я вам ничего не скажу.
Я под одеялом чуть-чуть посижу?...

«...Везучая белая рыбина
с подружкой улиточкой- глыбиной
по всяким оврагам и рытвинам
скакали!!! О чём- то лалыкали...»
– Да нет... Это добрые были зверятки,
их не доставали –
умылась?..
в кроватку!..

* * *

...Натренируюсь вспоминать
С теплом и нежностью,
Когда запахнет благодать
Забывшей здешностью...
Когда проклянется ладонь
И та-а-к распустится,
Что свежесобранный огонь
Накормит улицу!..
Незамерещатся в чужих
Черты и трещины
Того, чья маленькая жизнь
Других уменьшила....

Книжный дом

...Вечер,
Знаю, время дОрого,
Полчаса и... всё, дом умрёт,
Звуки, всполохи...
Книги – ворохом
Набрала на час жизнь вперёд...
Полка
Долго мне пристАнищем,
Запах книг – ваниль, манкий вкус...
Я не старшая,
Нет товарищей,

Вообщем, я собой не горжусь...
Школа...
С краю парта – папертью,
В три погибели за столом...
...Вечер в памяти,
Дома, в заводи,
Книжной девочке – книжный дом...

Вирус

...Скрипя и всхлипывая, тонно
Перетирают жернова
Слюды крупичицы... А слова
Басами бУхают бездонно...
Не замануть и не привлечь
Ни чем, что холоднее чая.
Нетронутый торт, источая
Ваниль, не ра-ду-ет!..
Всё... Лечь...

По ма-а-аленьким шажкам на волю,
Забывтый благом организм
Припоминает – жизнь... жизнь...
Жизнь!! – я с вялым с чем- то спорю,
спорю...
И вот... в колечках, в кружевах,
В оборочках забытых платиц,
Мои трясущиеся пальцы
Лепечут тонко –
Жизнь права...

* * *

...Я не надолго различусь,
Я различусь на пол... с десятой...
На сколько вытянусь распятой
Рукой до всяких тонких чувств...
И будет в этом пол... – любовь
Обсыпана песком и солью,
И ничего от бледной моли,
И ничего от чистых лбов...
И ма-а-аленькие крылья свьют
Нетронутость гнездобно, подобно,
И будет вольность рта удобна,
И руки примут власть свою...
Потом обратно, лёгок час
До ворохов тетрадных перьев...
Я различусь на сколько верю
Что завтра будет новый шанс...

НИКОЛАЙ МРЫХИН

пос. Первомайский, Завьяловский р-н, Удмуртская Республика

Косари

По туманам, до зари
(Ох, и любо, братцы!)
На луга шли косари,
Российские красавцы.

И, конечно же, сперва
Помолились Богу,
А затем трава легла
Ровною дорогой.

За прокосом шёл прокос,
Чуть не в три аршина.
Вот коснулся луч берёз,
Золотит вершины.

Косарям не до красот –
Жаркая работа!
И бежит по спинам пот,
Взмокли лбы от пота.

Отдохнув чуток в обед,
Косами вновь машут.
Тяжелей работы нет,
Тяжелей и краше.

Вот и выкошен лужок,
День закончен жаркий.
Сели косари в кружок,
Выпили по чарке

За удачу, за почин.
Сосенки качались.
За российских всех мужчин,
Что ещё остались.

Звёзд холодные огни.
Шли домой без песен.
Без таких вот, как они,
Мир не интересен.

Видел сам: седой дедок,
Не потехи ради,
Взяв тисы и молоток
Внуку косу ладил.

06.03.2012

Ода радости

Радуйся! – каждому дню,
Грому, упавшему с неба.
С радугой – чудо-дождю,
Запаху тёплого хлеба.

Радуйся! – пенью синицы,
Радуйся! – солнце встаёт.
Огненно- рыжей лисицей
Птиц отправляя в полёт.

Радость, как жизни награда,
Мир весь построен на ней.
Мамы радуйся! – взгляду,
Светлой улыбке детей.

Радуйся! – зорька алеет,
Ветер поёт в камышах,
Радуйся! – что по аллеям
Жёлтые листья шуршат.

Дождь мои щёки остудит,
Тополь продрог и промок.
Радуйся! – что он наступит
Тёплый весенний денёк.

29.08.2012

Последний солдат

Старшее поколение
Не вернуть нам назад.
В нашем родном поселении
Умер последний солдат.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Худенький, светловолосый,
Помнил войну, не забыл.
Жил незатейливо, просто.
С нами он рядышком жил.

Жизнь – это миг лишь, мгновенье.
Стало мне больно вдвойне:
Только вчера дядя Женья
Мне говорил о войне.
Почести скромно воздали,
Выпили в память вина,
Отдали детям медали,
Ваши, отец, ордена.

А жизнь продолжает движенье.
Не остановишь её.
Пухом земля, дядя Женья.
Русский солдат Журавлёв

29.08.012

Графиня

*Молодым генералам
Отечественной войны 1812 года
И их жёнам.*

Когда вечер спустился синий
На берёзок зелёный шёлк,
К вам, сиятельная графиня,
Генерал молодой подошёл.

Боевой генерал, не паркетный,
Тридцать лет, а такой уже чин,
Одарил вас улыбкой приветной,
Самый лучший из лучших мужчин.

Было в зале светло и не душно.
Были чопорны львицы и львы.
Прошептал вам такое на ушко,
Что, как роза, зарделись вы.

«Генерал, вы безумно дерзки –
Улыбнулись ему в ответ –
Здесь не бой. Так стремительно, резко.
Вот назло и отвечу вам «Нет!»

Ночью – пологом землю укрыло,
Лишь сиянье влюблённых глаз.
Нежной вьюгою лёгkokрылой
Вас по залу кружил венский вальс.

И недели ещё не минет,
(Генерал не оставил одну).
Уезжали Вы с ним, графиня,
На Отечественную войну.

01. 09.2012

Другу

Тебя я вновь увидеть рад,
Мой незабвенный друг,
Поэт и бард, и мой собрат
По звонкому перу.

Пусть нас с тобой прессует жизнь,
Да так – хоть волком вой.
Хоть за соломинку держись,
Друг славный, дорогой!

Пусть и судьба у нас горька –
Ещё с тобой споём.
Вот, друг, тебе моя рука
И сердце вот моё.

И пусть не быть с тобой в раю –
Там нужные, свои –
На самом краешке-краю
Сколь даст Бог постоим.

Баллада о сгоревшей звезде

*Если звёзды зажигают, то это кому-то нужно.
В. В. Маяковский*

То не раз, не два в веках бывало,
Что являло небо свыше знак –
Ярко вспыхнув, звёздочка упала
Чья-то путеводная звезда.

Как средь многих ту, одну, заметить?
Грешный люд, мы смотрим чаще вниз.
Мало сердцем видящих на свете,
Мудрецы почти перевелись.

Замерла Земля в оцепенении.
Воды подтопили города.
То продлилось несколько мгновений,
А затем всё стало как всегда.

Юный месяц выстелил дорожку,
Льётся сверху несказанный свет.
И в предсмертии попросил морошки
Наш великий, русский наш поэт.

Но горит уже звезда другая,
Собрались волхвы вновь на поклон.

Если есть, кто звёзды зажигает,
То и гасит их, конечно, он.

07.01.2012

Ночное

Расцвели кусты ночной фиалки,
Дремлет лес и сад, и чёрный плёс.
И с небес струится белый, яркий
Несказанный свет далёких звёзд.

Табуны отправлены в ночное.
Стелются туманы по траве.
Столько в мире тишины, покоя,
Словно нет несчастий на Земле.

Крикнет филин, ветка востепенётся,
Зверь ли пробежится по логам.
И табун коней как ветер понесётся,
По недавно скошенным лугам.

Спины их натянуты как струны.
Шепчутся в речушке камыши,
Месяц в небе несказанно юный
За конями стригунком спешит.

16.06.2012

Сероглазка

Жене Софии – Тонечке

Ты пришла ко мне из сказки –
По-другому не понять.
Моё солнце, сероглазка,
Разреши тебя обнять.

Что ходить вокруг да около,
Отвечай скорее «да».
Взмёт сердце в небо соколом,
Не вернётся никогда.

Плечи пиджаком укурю,
И не прячь ты серых глаз.
Всё случается порою,
Всё бывает в первый раз.

А под горкой течёт речка.
В небе облачка парят.
Как стучит твоё сердечко,
Щёчки нежные горят.

Как пылают страстью губки,
Не напьюсь, всё пью и пью,
Моя ладушка, голубка,
Как же я тебя люблю.

25.08.2011

Добрый человек

Александру К.

В душе ни облачка, ни тени,
Да их и не было и нет.
Живёт на свете добрый гений.
Нет, просто добрый человек.

На берегу великой речки
Высок и статен, и красив,
Готовит борщ и ладит печи,
Всё сделает, что попроси.

А по весне готовит лодку
И тихо про себя поёт.
Под вечер жёнушку-молодку
В медвяные луга ведёт.

На небе звёзды, нет их краше.
Темны заречные леса.
Сидим на бережку мы с Сашей,
Смолим ядрёный самосад.

Сидим мы, тишине внимаем.
Мелькнул огнями самолёт.
Без слов друг друга понимаем,
И каждый думает своё.

И ни к чему нам с Сашей речи,
А ночь прозрачна и тиха.
На бережку у самой речки
Тройная варится уха.

Подумалось: «Вот так счастливо
Хотелось жизнь свою прожить».
А времечко неторопливо,
Как речка, реченька бежит.

30.08.2011

МАЙЯ ЗЛОТИСТАЯ

г. Москва

Я часть жизни... твоей!...

Честно я отвечаю...«Мне не по сердцу...
печаль!»...

Но я сижу и скрываю...мне по душе...
февраль!..

Зимней скользящей ладонью тронет
меня...судьба...

И я улечу за собою...Не в даль...но в
чужие места!..

Тихо в воде, кругами...тешится злобный
страх...

И ностальгирует с нами...синий, изыбший
монах..

Снегом и звонкой дорогой...нас одаряет...
любовь...

Знаешь?...Еще мне осталось...благословение
вновь...

Утром зеленым...редко.
Сон приходил непростой...
В тайном письме поименно...
Список звучал...густой!..
Не было...имени! Просто...
Светлою, странной рукой...
Было написано вечно...
С БОГОМ ВСЕГДА ТЫ ЖИВОЙ!

*...Я часть жизни...
и твой кумир!...*

Поменяю я, разменяю...свой остаток
земного сна!...

Я то знаю, давно гадаю...и мне жаль...
твоего огня!...

Обещаю я лунной россыпью...одарить
напоследок...твой сад!..

Пусть поспеет моя малина...И согреет
в твой зимний...ад!...

Светлым облаком я осяду..
Для тебя...озаряя МИР!...

Мне не верится....но я рада...
Я часть жизни...и твой кумир!..

...Это где-то...рай в шалаше!...

Это где-то...рай в шалаше!..
Мне же нужен комфорт...и в душе...
Не найдется ленивых слов...
Для неумных и скучных...снов!...

Разрешу я гнездится...врагу..
На распутье прощая ему..
Тихий отдых на ветках моих...
Лишь бы был он навечно...вне их!...

Я найду этот рай...в шалаше!...
И рожу я себе и тебе...
Сына...дочку...и все вечера..
БУДУ АНГЕЛОМ ДОБРЫМ...любя!...

ТО любовь!...И какая же блажь!...
Остывает на нас...тихо раж!...
Мы не боремся с миром...УЖЕ!...
Просто счастливы...мы...ДЮЖЕ!...

...На земле непросто...жить...

Это грустно...Такое слышать...
Но по разному на Земле....
Жили-были другие люди...
И теперешние вдвойне...
Отстрадают, молясь на рассвете...
Понимая лишь чуткий вздох...
Мы за всех...и за все на свете...
Продолжаем свой нежный ох!....

Не потом, а всегда...сначала!...
Распускается, как туман...
То, что прахом конечным стало...
Но хранится в архивах...там!...

На сердечной струне...сыграет..
Нам Шопен свой последний вальс...
И кто знает...но там....где вера...
Расцветает волшебный шанс!...

Ведь сойдя на пустынный берег...
В душный, пряный ночной мираж...
Мы поверим в себя...И БОГА...
Святой чуж...благой кураж!..

...На земле непросто...жить...

Сочетается пьяный вечер...
С напросившейся в дом...бедой!..
И корявый, усталый странник...
На пороге сидит...смурной!...
На нездешней, чужой дороге....
Пролегла моя колея...
И я чувствую...все те ноги...
Пробежавшие здесь до меня!...

Мне неясно...и я неспокойна!...
Мне все слышится...плач до зари.
Обещала я всем понемногу...
Божьей, чистой, земной любви!...
На окраине стыд собрался!...
Веселится околдованный люд!...
Я пришла на поминки...с бедою...
Все хотела себя обмануть!...

...Мы напишем с тобою...сказку!...

Попутру я немного сонно...чую этот
счастливый мир!..
Попутру я всегда неспешно...рассуждаю
про чей-то...сыр!...
Но улыбчивый, хитрый ветер...мило
тронет мои волоса....
И услышит душа непременно....чьи-то
нежные голоса!...

Мы напишем с тобою сказку!...
Станных, лунных, любовных грез!...
И нанижет рука беспечно...
Нитку сладких наивных слез!...
Повторится блескучей каплей...
На траве мой последних миф!...
И останется...только правда!...
Правда светлых и честных рифм!..

*...Пусть немного...
земного счастья!...*

И в чудесное мало веря...
Предстоит под волшебный звон...
Разукрасить свои события...
Миражами великих!...Сон...
Параллельной судьбы...озарений...
Предстоящее видеть в себе..
И немного земного счастья...
Летним вечером...ЖИТЬ НА ЗЕМЛЕ!..

...Все вопросы мои...случайны!...

Все вопросы мои...случайны!...
Я не думаю так...Сгоряча...
Ночь развеяла наши тайны...
И теперь у земного ...плеча..

Тихо...БОГ...и уютные мели...розовые
облака!...
И теперь у моей свирели....ноты сладкой,
непрожитой «фа»...
Серебрится мой северный замок...
у подножия древних гор..
Проживает моя планета...удивительно
странный спор!...

...Алый век...над пропастью...

Под утренний шепот неба...
Я выпью до дна...любовь!..
И пусть мне всегда за это....
Прохладною будет кровь!...

Рифмую я нежно вечность!...
Божественный век...пишу!...
И не заметила....даже...
Что больше я не грешу!...

Что тихо в душе...нездешней..
Волнуется море у ног!..
Я знаю, что незаметно...
Меня понимает народ!...

На жизненный срок нам хватит...
Песчаных...счастливых снов!..
Ведь так....нам никто не скажет...
Про наш....неулыбчивый кров!..

*Распустится
алый век!...*

Опять мне не хочется...страсти...
И верная сердцу рука...
Напишет чужие напасти...
И ветром утрется слеза!...

Найду я слова...святые!..
И в здешний, любовный зной..
Себя обретет наверно...
Мой сладкий и терпкий рой!...

Над пропастью...бездной рая...
Распустится алый век!..
И там, на приступочке веры...
Найду я сто спрятанных вех!...

Как подать...как детский мячик...
Лежит на ладони...МИР!...
А слушает мое сердце...
Читаемый БОГОМ...псалтырь..

...Я встречу божественный мир...

Напишет...напишет рука..
Не много...не мало...а столько..
Сколь вдруг хохотала она...
И станет светлее...Не только!...

На небе проснется звезда...
Макушкой кудрявого леса...
Коснется меня тишина...
И редкая память поэта!...

На мостике...шатком и чистом..
Я встречу божественный мир...
Я знаю...написано много..
Но все ли придут на мой...пир?...

...Мне здесь не хватает...дождя!...

Мне здесь не хватает дождя!...
Ленивого, светлого бога!...
Мне здесь не хватает тебя!..
Счастливого вечного рода!...

И я бы пришла навсегда...
В тот дом...где тенистой аллеей..

Звенела и пела душа...
Слепой...и наивной жалеей!...

Пусть трепетный вечер молчит..
Свет божеского ученья!..
Мне здесь не хватает дождя...
Дождя и немного мученья!...

...Над головой моей...звезда!...

Над головой моей... звезда!..
Невидимым лукавым светом...
Окрасила все... берега...
Реки моей...божественным приветом!...

И стало мне...так непонятно жить!..
Дневную суету считать за благодать!..
И тихим словом в сердце ворожить...
Безудержное, но людям на радость!...

И по неписанным законам бытия...
Я ускоряю на Земле пространство...
Пусть всем живущим в этом веке нам...
Достанется волшебное тиранство!..

Плен солнечных и дивных песен сна!...
Закат и детские качели-карусели!..
И обязательно написанный трактат..
О КАЖДОМ МИГЕ...ЛУННОЙ КАНИТЕЛИ!..

...Где-то в бегах...мое счастье!...

Где эта роза!...Любовный дурман?..
Я сладким соком налью...как шаман...
Честной, бродяжьей...людской суеты!...
И на продажу...сотку, как ковры...
Солнечной тяжести...спелый гранат..
Пусть всем так просто будет наряд..
Чистых, льняных...тканей розовый цвет!...
И на побывку...нам выпишут след...
Собственной глупости!.. Станных утех!...
И всем заблудшим простят этот грех!...
В памяти...крутится лунный волчок!..
Скажет наивно...безумный торчок...
Где эта правда?...Истинный свет?...
Я тут летаю...уже столько лет...
И не похожий на все времена...
Ветер сторожит ЕГО ТЕРЕМА!...
Гостем случайным...по вере и сном...
Здесь ты проходишь...по жизни...с отцом!..

ИРИНА БЖИСКАЯ

г. Ростов-на-Дону

Вечная лирика

Предвечерние первые тени...
Вечер гладит меня по плечу.
Я тону в аромате сирени
и спастись совсем не хочу.
Смежив веки, всё слушаю звуки,
что идут от невидимых струн...
Будто радость держу я за руки,
представляя, как молод и юн,
ты принёс мне охапку сирени
и увёл за собой навсегда...

Потихоньку вечерние тени
в ночь ушли, не оставив следа.

* * *

Ты душу мою растревожил намердн –
весь день донимали печальные мысли...
По кромке заката скользит луч последний,
А над горизонтом уж тучи нависли.

А над горизонтом уж тучи нависли
тяжёлым шатром фиолетово-серым...
Пытаюсь прогнать ненавистные мысли,
что душу бессовестно гложут, без меры.

Что душу бессовестно гложут, без меры...
Неужто, поверила в скользкие бредни?
В любовь и добро потеряла я веру?
Ты душу мою растревожил намердн.

* * *

Метельным канительным днем
тянулась «вечная» разлука...

Когда войдешь ко мне без стука,
друг к другу тесно мы прильнем.
И так минуты постоим,
сверяя частое дыханье.
Огня во взгляде полыханье
и стук сердец не усмирим.
Озноб объятий, трепет век,
и поцелуя бесконечность...
Я буду ждать любую вечность,
мой самый главный человек.

* * *

Может быть, это точка безумия...
О. Мандельштам

Я сейчас у подножья Везувия –
так ты яростен в чувствах своих.
Может быть, это точка безумия,
Разделенная здесь на двоих.
Будто сила какая-то тайная
до небес нас смогла вознести.
Может быть, это радость бескрайняя,
все сметающая на пути.
Может быть, это точка кипения,
у сосуда взаимной любви...
К черту самые разные мнения!
Счастье, вновь за собой позови!

Подруге

До боли, до мглы, до удушья
пронзили однажды слова –
мол, веришь ему простодушно,
а ходит дурная молва –
завёл молодую зазнобу
и втайне он бежит к ней...

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Застыла душа до озноба,
не греет тепло летних дней,
наполнившихся вдруг печалью.
И, словно круги по воде,
от точки бегут изначальной
слова твои: «Милый, в беде
отчаяньем я захлебнулась.
Всё стало постылым вокруг.
Любовь от меня отвернулась.
А ложь – не спасательный круг...»

* * *

Развесил вечер полутени,
и безразличья терпкий яд
губил порывы всех мгновений.
Твой равнодушный полувзгляд
блуждал по комнате.
В пространстве
её томились – тишина,
и трепет от непостоянства,
и чувств твоих полутона,
обрывки грустных полумыслей...
В камине – тление углей...
И осязаемо повисла
тоска. Тебе она милей?
Полунакал полуответов
не греет душу, не горит...
...На пол легли полоски света –
зажглись ночные фонари.
Подбросила б в камин поленья,
услышала б слова мои...
.....
Лишь кот-мурлыка на коленях
беспечно смотрит сны свои.

* * *

Отголоском холодного марта
апрельские ливни,
ветер стылый и град,
тёмных туч угрожающий фронт,
что закрыл серой шторой –
надолго ли? – весь горизонт,

будто царствовать будет всегда,
полагая наивно.
Вот и ты, дорогая подруга,
в холодной застыла печали,
от неверия в новую встречу
не в силах уйти,
как погода апреля,
себя ты не можешь найти.
Настроение это –
помощник хороший едва ли.
Нынче холодно... дождь...
Но тепло обязательно будет!
Солнце высушит слёзы погоды,
согреет ветра.
Все отбросить обиды, сомненья
настала пора,
как бы ни был путь
к полному счастью и радости
труден.

* * *

Все ошибки твои перезрели
и упали гнилыми плодами.
Сел корабль ожиданий на мели,
Растянувшиеся годами.
Все тревоги твои сложились,
будто листьев увядших горка...
...Неожиданно дни озарились,
покатили к тебе с пригорка,
полетели с небес, как птицы,
окружили негаданной новью...
Как терпенья река искрится,
награждая тебя любовью.

Чувства

Светло-серым – меланхолия.
Чёрным цветом – боль моя...
Проявлю-ка своеволие –
ткань раскрашу бытия.
Красным – только чувства яркие.
Голубым – мои мечты.
А зелёным – лето жаркое,

и мазки, где я и ты,
бирюзовые, лиловые,
охра, золото и беж...
Краски сочные и новые,
и рисунок – нов и свеж.
Да, хватило бы терпения –
разрисую полотно
нашей жизни, где мгновения,
будто целое одно.

в незримой тишине...
Минорных звуков кружево
с узором непростым
напомнило услужливо,
что чистые листы
бумаги в ожидании
простых и ясных строк...
Душа моя в метаниях –
нахлынувший поток
чувств явно в строки просится,
кричит – момент лови!
А с улицы доносится
мелодия любви...

* * *

Жёлтым всплеском – кроны старых клёнов...
Бронзовым отливом – тополя...
Липы, правда, всё ещё в зелёном
в небо смотрят, о тепле моля.
Дикий виноград бордово-алым
оттеняет серое окно...
Как же я отчаянно устала
пить тоски прокисшее вино.
Вроде всё вокруг не так уж плохо.
Отчего же душу гложет грусть?
Потому ль, что каждый день по крохам
ускользает радость? Наизусть
знаю, что меняются сезоны,
повороты невозможны вспять.
Скоро в серо-бело-однотонном
надо будет всё вокруг принять...
Лист бордовый аккуратно срежу,
засушу. Возможно, неспроста,
лишь взгляну зимой, и вновь забрезжит
осени ушедшей красота...

* * *

Кружева снов моих –
сеть иллюзий –
у них я в плену.
Закружили легко
и сюжетами заворожили,
что сплели воедино
картины случившейся были
и того, что в мечтах,
что пока не сбылось.
Ну и ну!
Все погони за счастьем
во снах
завершил happy end.
Мысль, что так не бывает,
не может быть так,
разбудила...
За метаньем души моей
ночь неустанно следила.
Не давая уснуть,
всё светила луна –
ночи бренд...
Над домами напротив
светлеет небес полотно –
там художник-рассвет
акварель синева развлекает.
Звёзды яркие,
ночь напролёт промерцав,
засыпают,
их уводит она на покой.
День стучится в окно...

* * *

Не спится... Слышу с улицы
струн тихий перебор...
Фонарь устало щурится,
как-будто прячет взор,
и мягко отражается
теплом в моём окне...
Мелодия качается

АНДРЕЙ-ВИКТОРИА-АНДРЕЕВ

г. Санкт-Петербург

Ещё есть шанс

Ещё есть шанс впитаться в поры
В любовной сутолоке губ.
Ещё есть шанс ворваться в горы
И на века поставить сруб,
В котором дружеские руки
Построят печь или камин,
В который выросшие внуки
Пристроят бюстик на помин...

Ещё есть шанс... влюблюсь в блондинку,
В брюнетку, в рыжую, в весь свет!
И пусть не будет половинкой,
Фотомodelькой в двадцать лет!
Пусть будет страстно и взаимно
Нетрезвая горланить кровь
В шале, где тихо и интимно,
Лежит калачиком любовь...

20.08.2012

Окончание семестра

Загадай желание, маэстро!
Солнце закажи на выходной.
И пройди по Невскому с оркестром,
Радуя весёлой и родной
Музыкой Чайковского и Брамса,
Вальсами Шопена и Дюка...
Публика, устав от постоянства,
Побредёт с пакетами в руках
До Дворцовой, дальше, по Английской,
Ставя наблюдателей в тупик:
Как-то не похоже на российский
Бунт, что собирается за миг.
И на демонстрацию не схоже,
Люди слышат музыку сквозь шум
И танцуют трезвыми, похоже,
Отвлекаясь от глобальных дум...

Загадай желание, маэстро!
Закажи коньяк на выходной.

И за окончание семестра,
Примем для здоровья по одной...

19.08.2012

Симфония без звуков

Второй этаж, раскрытое окно...
Букет цветов заброшу на рассвете.
Там спит девчонка и во сне со мной
Качается в оранжевой ракете,
Небес касаясь голубым бантом
И с визгом опадая до помоста...
Одни качели на большущий дом,
А мы всех старше и повыше ростом,
И чаще задеваем облака,
И счастливы от близости и лета.
Под зеленью травы лежат века,
А мы нашли года на грани света,
В которых будут счастье и любовь,
И детский смех, и радость нежить внуков...
Летит в окно букетик голубой,
И в комнате симфония без звуков...

18.08.2012

Разносит по свободе

Обдал счастливою волной
Внезапно налетевший ветер.
За неокрашенной стеной
Целуются почти что дети –
Ему шестнадцать, ей на год,
Я знаю их обоих, меньше...
И никакого права свод
Не отражает возраст женщин,
Когда без памяти в любовь
Шагнёт, и вспыхнет в небосводе...
А ветер, озорник рябой,
Разносит счастье по свободе...

18.08.2012

Готовлю сладости... спасибо!

Спасибо всем, кто отрывая,
 Дарил надежду просто жить.
 Спасибо всем, кто узнавая,
 Живьём старался хоронить,
 Слюною брызжа ядовитой,
 Жалея гнутый пятачок.
 И рассуждая деловито
 Про то, что врач не дурачок –
 Не мог, фактически, ошибку
 В трёх кровотоках допустить:
 Не в мутной речке ловит рыбку,
 Зашить и сердце запустить
 Как раз-два-три... его годами
 Учили трупики кромсать...
 И ведь у каждого – рядами,
 Закопанных не сосчитать.
 Лежат за сотни, миллионы,
 По бухгалтерии ажур.
 Расстрелянные квот патроны
 Под блеском губ и кремом дур,
 Под чёрным лаком кадиллака
 И в дыме дорогих сигар...
 Я – неудачник, хуже – шляпа!
 Попал подопытным в разгар
 Очередного бум-аврала,
 И что сказать – не повезло.
 Вот если б скальпель генерала
 От медицины... как назло,
 Лишь подающие надежды
 Попасть в «светилы» в пятьдесят...
 Готовлю чёрные одежды
 И сладости, развлечь бесят...

16.08.2012

Из доброго былого

Ч. Т.

Улыбкой полон голос и добром...
 За год так и не виделись ни разу.
 Представился мне деревянный дом,
 Сад-огород под неусыпным глазом
 Хозяюшки в косынке голубой
 И старого, но крепенького деда.
 Себя представил рядышком с тобой:
 Малину обрывали у соседа.
 Забор был невысокий, ягод тьма,

Одну в корзину, а другую в зубы.
 Поцеловать хотелось, и сама
 Тянула ты малиновые губы...
 Не целовал, представилось, а пил
 Живой воды из озера живого.
 Я лебедем на нём когда-то жил,
 Да улетел от доброго былого...

13.08.12 г.,

Реабилитационный центр им. Алмазова

* * *

Т. Б.

Четверг... и кадры старого кино
 Вернули чувства, голоса и взгляды...
 Казалось, что забыто всё давно –
 Но души не тела, всё время рядом...

Всё время ждут невысказанных слов,
 Неуловимых жестов пантомимы
 Игры жестокой с именем «Любовь»,
 В событиях, порой неповторимых...

09.08.2012 г.,

Реабилитационный центр им. Алмазова

Фонаричик

Вечер с закатом скрестил свою шпагу,
 И победит, как всегда брадобрей...
 Бритый до блеска прогулочным шагом,
 Я зажигаю огни фонарей.

Сверху, к Дворцовой спешат экипажи:
 Младшей Княгиней сзывается бал.
 Блеск эполетов, раскраски плюмажей,
 Цвет Петербурга слетается в зал.

Слыла молва о банальных смотринах,
 Значит, не многих узнают в лицо.
 Чуть седоват я, и плечи аршином,
 Да и повыше безусых юнцов.

Фрак мой пошит знаменитым евреем,
 Смело сойду за высоких кровей.
 И со знакомым гвардейцем Киреем,
 Тем, что встречает гостей у дверей,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

Договорились о шутке намеренно,
Ручку Настасье целую – и вон...
Бегал, гасил фонари до обедни
В порванном фраке, счастливый, пижон...

11.08.12 г.,

Реабилитационный центр им. Алмазова

Разглядел

Формы амфоры античной
Разглядел на брачном ложе.
Старика-соседа лично
Беспокоить мне не гоже,

Уважаю возраст... утром,
На работу в кадиллаке,
Весь сия перламутром
Он отправился... собаке

Бросив сахарные кости,
Я стоял как бог у ложа!
Демонстрируя, с чем в гости
Я пожаловал... и что же?

Под накидкой кисейной
Возлежала надувная...!!!
Неудача одиссеи
Не смутила самурая –

Обыском прошёл по вилле,
Гувернантка, аль кухарка,
Тоже сгодятся, пока в силе
Орган, от желанья жаркий!

11.08.12 г.,

Реабилитационный центр им. Алмазова

Пробегусь ли?

Мысли завиваются в спираль,
И в пружину их сжимает время.
Заржавел утраченный грааль,
Возложив на человека бремя

Опыта общения с судьбой,
С ликами растянутого мига.
Друг за другом мечемся гурьбой
От доктрины, ожидая сдвига

Фразою Поэта или «Отца» –
Признанных планетой и народом...

У судьбы, известно, нет лица,
И не всё завязано с Природой,

С Богом, с Чертом, с Космосом вконец!
Время лишь для нас материально.
Выставлены таймеры сердец
В переходах, скрытых визуально,

В те миры, где рождены мы все,
В звёздной пыли ядерным коллапсом...
Пробегусь босым ли по росе
В наслажденье тонусом релакса?..

06.08.12 г.,

Реабилитационный центр им. Алмазова

С лихвой

Связали руки бечевой
И бьют с насмешкою в лицо:
«Ты, может, час ещё живой,
А дальше червякам сырцом».

Гниющий труп без прав, безглас,
Из гипса маска на столе.
Для любопытствующих масс
С печатью Бога на челе.

Оставим... пусть отходит сам...
«Рванул в сознании фугас
И стон, взлетевший к небесам,
Вернулся громом, сбив экстаз»

Могильщиков, червей и крыс:
«Смотрите, суки, я живой!
Не раз напьюсь стихами вдрызг
И расплачусь за всё с лихвой!»

05.08.12 г.,

Реабилитационный центр им. Алмазова

В глазах полцарства

В глазах полцарства... не подарок,
Шум долгой битвы, звон мечей.
И поцелуй как солнце жарок,
И усыпляющий ручей
Изящно-тонких разговоров
Трепещущих над телом рук...
Мы в поезде столкнулись скором,
Бежавшие с Великих Лук...

03.08.12 г.,

Реабилитационный центр им. Алмазова

Анатолий Тупицин
(г. Николаевск, Волгоградская область)

С Л О Б О Д А

1. ЕЛИЗАВЕТА-ПРИМА И ПОДПОЛКОВНИК ЧЕМОДУРОВ

Так величали дочь Петра Великого с тех пор, как в 1741 году гвардейцы внесли ее в Тронный зал Московского Кремля, где и состоялась затем коронация новой русской императрицы Елизаветы.

Обилие именных указов правительницы Российской империи свидетельствует об усилении ее личного участия в управлении государством, а более — подражании отцу.

Один из указов от 16 февраля 1747 года:

"Указ ея Императорского Величества самодержицы всероссийской и Правительствующего Сената объявляется во всенародное известие.

Понеже по указу ея Императорского Величества, и по определению Правительствующего Сената велено с Елтонского соляного озера, которое близ города Дмитриевска, что на Камышинке, ставить в казну соли бузуну, в города Саратов и Дмитриевск, сумму немалую; того ради, ежели кто пожелает с того озера ту соль брав возить и ставить в вышеписанные города, те б для того немедленно явились в Саратове, у определенного к тому приуготовлению соли, подполковника Николая Чемодурова, которому велено с теми охочими людьми чинить договоры, и с кем о поставке той соли договоры учинены будут, у оных соль в магазейны принимать, а за поставку деньги выдавать без всякого удержания".

Значительно раньше, в 1705 году, правительство объявило продажу соли государственной монополией. Лишь местным калмыкам милостиво разрешил Петр I торговать солью между собой, но вывозить ее в великорусские города и уезды не было велено. Однако соль озера Эльтон влекла к себе большое количество "охочих людей". Здесь и правобережные казаки, ходя за 140 верст ватагами в 200—300 человек, здесь и московский купец Перфилий Солодовников, еще до запрещения построивший земляной городок на Эльтоне да "пристань с пушками для предосторожности на левом берегу Волги против Караваинского урочища, а для соляной клади амбары немалые содержал".

Предыстория указа.

С благословения императрицы отправляется на Эльтон экспедиция "для осмотра и достоверного свидетельства соляного Елтонского озера". Во главе оной был поставлен вятский воевода подполковник

Николай Чемодуров. С ним на исследование запасов соляного озера выехали Саратовский воевода Степан Дурасов, подпоручик Дмитрий Романов, геодезист Иван Лебедев. 16 сентября 1746 года экспедиция, в сопровождении снаряженного конвоя, отправилась на луговую сторону Волги, выехала в степь. Наезженные дороги и обжитые места ночевки говорили о том, что соляные "контрабандисты" возят соль по двум направлениям: на Саратов и Дмитриевск, переименованный в Камышин — небольшой городок на правом берегу Волги.

Заночевав в степи, на следующий день надо было поспешать, чтобы, преодолев 70 верст, достичь озера Эльтон.

2. ВОРОТА В ЕВРОПУ

Пока по выжженной солнцем степи Чемодуров сотоварищи лошаадьми двигаются к Эльтону, посмотрим на Заволжье. Оно пестрело (да и пестрит!) белыми пятнами на карте России, до сих пор храня тайны событий как местного, так и планетарного масштаба.

Земли за Волгой заселялись периодически с древнейших времен. Об этом красноречиво свидетельствуют раскопки курганов, проведенные в 1954–1955 годах Заволжским отрядом Сталинградской археологической экспедиции Академии наук СССР. Руководил ими известный археолог Иван Васильевич Синицын. В результате было открыто крупнейшее во всем Нижнем Поволжье поселение сарматов в районе бывших сел Молчановка и Бережновка. Царствование этих племен длилось здесь тысячу лет: с 4 в. до н.э. по 6 в.н.э. до нашествия гуннов (хуннов), которые под предводительством Атиллы увлекли часть сарматских племен и рассеяли их по Европе. Артефакты свидетельствуют, что Заволжье было своеобразными воротами древних племен и народов из Средней Азии и Ближнего Востока в Европу. Здесь проходила и "обочина" Великого китайского Шелкового пути... А если углубиться в совсем уж седую древность, то найдем следы присутствия (раскопки так называемого шляповидного кургана, где вскрыто огромное кострище огнепоклонников) ариев, последователей учения Спитамы Заратуштры, более известного под именем Зороастра (греческий вариант). Арии пасли свои мириадные стада на огромных территориях от Иранского предгорья до Уральских (Рифейских) гор, путь их проходил и через Заволжье. Встречается версия, что сам Заратуштра родился в низовьях Волги.

...Левобережная степь после ухода сарматов жила кочевой жизнью: хазары, затем пришедшие из Средней Азии печенеги, с междуречья Дона и Дуная — половцы и т.д. Особого внимания заслуживает период Золотой Орды со столицей Сарай-Берке, развалины которой до сих пор сохранились в Ленинском районе. Отсюда Мамай, Тохтамыш, другие ханы вели свои тумены на Русь в период междоусобиц князей... Орда владычествовала в Заволжье с 1255 по 1481 год. Вплоть до рокового похода в 1480 году Ахмед-хана на Москву. Распри между ханами, кочевой образ жизни растлили некогда могущественное го-

сударство в Заволжье, заросли полынью в степи и полупустыне ханские ставки и улусы.

В конце 17 — начале 18 вв. здесь преобладали калмыки. Так калмыцкому хану Аюке по договору цареву от 20 июля 1697 года предоставлялось право свободно кочевать по Заволжским степям от астраханского села Черный Яр до самого Саратова. Затем из глубокой Азии пришли киргиз-кайсаки, более известные нам ныне, как казахи.

...Но уже вечерет. Подполковник Чемодуров подъезжает к озеру Эльтон.

Что это за зарево открылось пред глазами путешественников? Слово от жара пожара весь окаям пылает.

3. АЛТНЬ-НОР

Зарево сие исходило от озера. Дивно! Но как установили в дальнейшем, всему находится объяснение. Есть такая водоросль, называется она Дюналевая солевая, которая выделяет при разложении так называемый "морковный" каротин, что и придает озеру розовый цвет. Названа водоросль в честь первооткрывателя оной французского ученого Дюналя. Он в 1838 году доказал причину красноты соляных водоемов. Хотя в некоторых научных статьях приписывают "пальму первенства" русскому ученому Борису Исаченко. Отнюдь не так: он лишь доказал присутствие этой водоросли в Эльтоне.

...Достигнув озера, исследователи поражены были его обширностью: двадцать верст в длину и в ширину — шестнадцать. Геодезист Иван Лебедев пошел впереди от берега по илу и черной грязи, пахнущей тухлыми яйцами. Сажень через пятьдесят — по соляному, словно ледяному, панцирю. Останавливались для того, чтобы пешнями рыть в тверди соли ямы, дабы вывести глубину пласта. Но вскоре "более пешнями уже отвердosti соли рыть было невозможно". В своем отчете в Сенат о достоверном осмотре и освидетельствовании соляного Эльтонского озера Николай Чемодуров напишет: "Точно по всему Елтонскому озеру соль, что далее от берега в озеро, то соли толще, по которой длину озера меряли..."

Оставим исследователей для дальнейшего обследования озера. Копнем мы с вами "соль времени".

Что такое Эльтон? Что это за природный феномен в полупустыне — крупнейший соляной водоем Европы?

Эльтон — капля Пермского моря. Пермский период в истории Земли длился 38 миллионов лет. Нынешние материки планеты 286 миллионов лет назад были единым континентом, который называется Пангея. В школе мы на уроке географии совмещали все материки, они по изгибам образовывали одно целое... Столкновение литосферных плит, повышение температуры ядра планеты, ее вращение по оси начали раскол Пангеи на отдельные участки суши, их разброс в Мировом океане.

Русская платформа с Пермским морем попадает в условия тропического климата. Море испаряется, оставляя соляные осадки. Дальней-

шее движение материка приводит к образованию новых морей. А затем и новое — Хвалынское море (Каспийское ныне) высохло, образовав Прикаспийскую низменность, в недрах которой насчитывается 2 тысячи соляных куполов, толщина залежи солей здесь достигает 4-х километров.

Вот Эльтон и есть вершина крупнейшего купола с воронкой в 187 квадратных километров. Купол этот растет за счет соленесущих речек, как-то: Хара, Ланцуг, Чернавка, Большая и Малая Сморогда, Солянка, Карантинка.

Соль с озера начали брать... Чуть не сказал: еще при царе Горохе. А может, оно так и есть? Точного времени, конечно же, не установить.

А Адам Олеарий нам не подскажет? Он, секретарь Голштинского посольства, в сентябре 1638 года следовал по Волге из Московии в Персию, ведя путевые заметки. Писал о Левобережье: "Эта пустыня доставляет великолепнейшую соль, встречающуюся в различных ямах, лужах и стоячих озерах... У нее приятный запах фиалки..." Стоп! Только у эльтонской соли отмечали все исследователи этот запах. Ни баскунчакская, никакая другая такой чести не удостоились.

Читаем далее: "Каждый желающий может собирать эту соль, платя великому князю за 2 пуда 1 копейку пошлины. Русские ведут обширную торговлю солью, свозя ее на берег Волги, насыпают большими кучами и развозят по всей России." Возникает вопрос: много ли можно собрать соли в ямах и лужах, да в каких-то озерцах, чтобы развозить по России? Тут же "солонка", способная обеспечить не только Россию, но и всю Европу солью — озеро Эльтон! Жаль, что Адам Олеарий не называет прямо его (да и было ли тогда его название?), но, как видим, речь может идти именно о нем — одном из крупнейших соляных озер мира.

Думается, по логике, еще до "царя Гороха" брали соль на Эльтоне, фиалкой пахнущую, розовую, которую назовут затем "царской", так как будут поставлять ее к царскому столу, в Петербург.

Наверняка и сарматы не обошли стороной соляное озеро, брали соль не только для своей царицы Амаги, но и на собственные нужды.

Местные кочевники-скотоводы везли соль на продажу "по сказке калмыцкой от того озера камлыцкого их кочевого пути до Дмитриевска города два дни, до Саратова четыре дни".

Вы заметили, как написано (так в архивных документах) название озера? С тюркского "Алтнь-Нор" — "Золотое озеро". Трансформированное произношение в русском в 17—19 вв. звучит как Елтон, в современном — Эльтон. И при чем, скажите, здесь какой-то английский офицер, якобы посланный самим Петром Великим, носящий фамилию Эльтон (ударение на — Э!). В статьях, даже в научных книгах встречаю версию, что якобы от его имени и пошло название озера... Смешно!

Вернемся к Николаю Федоровичу Чемодурову и его спутникам. Обследовав дотошно Эльтон, обратный путь они держали по другой наезженной дороге — по направлению к Дмитриевску (Камышину). Здесь встречались копани — колодцы, места недавних ночевок. За неделю до прибытия Чемодурова на Эльтон, как сообщили ему калмыки, с озе-

ра ушло не менее ста телег, груженных воровскою солью, в этом направлении.

Заночевали на берегу просторного лимана (Пришиб). К вечеру следующего дня достигли берега Волги, остановившись на ночевку у Воложки — рукаве реки, опоясывающей остров. Приглянулось место сие Чеснодарову. В Сенат он напишет, что способнее возить соль к Дмитриевску, "надобно выбрать места для приемки оной и построить анбары для хранения и соляные магазейны..." Укажет приглянувшееся ему место.

4. ВОЛОЖКА

Звалась та Воложка — Резницкой.

Короткое расстояние между речками Камышинкой и Иловлей называлось переволокой, так как суда перевозили по суше. По свидетельствам летописей, этой переволокой пользовался еще князь Игорь, пришедши бить половцев, донимавших границы Руси. Не единожды Степан Разин, чтобы выйти на Волгу и Левобережье, проделывал со своей ватагой со стругами сухопутный путь по переволоке. Переправлялись на левый берег его "все молодчики заволжские" (взято из "Песни разинцев". — Ант.). У Воложки берега скрытные: ерик, затон. Оттуда они на легких, быстрых стругах неожиданно нападали на купеческие караваны. А их шло много по Волге-матушке: во времена разинские — до пятисот судов и более. Воложка и прозвалась Резницкой, а начало Воложки — Разгуляй. Самое разбойное место.

...В 1707 году по просьбе "служилых людей" города Дмитриевска (в Камышин он переименован был еще в 1668 году, но по старинке его даже в официальных документах будут называть еще многие годы Дмитриевском). Да... "Служилые люди" просили Сенат о наделе их землями. Приезжает в ответ на челобитную "из приказа Казанского дворца дьяк Макар Полянский", решает этот вопрос, отведя "вокруг Дмитриевска на выпуск и сенные покосы, а также на лесные места, для рыбных ловель" по нагорной и по луговой стороне 440 десятин. По луговой, то бишь недалеко от Резницкой Воложки место, где богатое кормовым травостоем займище.

Служилые люди, косу в руки беря только по охотке, нанимали работников. Из кого? Конечно, самая дешевая рабсила — беглые. Они-то по одиночке и деревнями бежали от крепостного гнета за Волгу, здесь обретали "свободы", так как один из указов Правительствующего Сената запрещал дворянам и помещикам ловить своих крепостных, достигших левого берега Волги. В этом была заинтересованность государства: заселить необжитую "порожную" и разбойную степь. Проживали беглые в займище, в непроходимых зарослях, где множество озер, как-то: Круглое, Штаны, Корыто, Чистое, Песчаное, Золотое и т.д.

Нанимались они ломщиками соли к Солодовникову, а когда тот после введения государственной монополии на продажу соли в 1705 году

свернул промысел, жили подножным кормом, ловлей рыбы, охотой, а также разбоем на почтовом тракте Астрахань — Саратов, проходящем в семи верстах от Волги. Но большинство с весны по осень ходило на Эльтон с воровскими ватагами в качестве ломщиков соли. Самая жуткая работа, когда по грудь в рапе под палящим солнцем, они день-деньской долбили и выворачивали глыбы соли, тащили в кучи на берег озера. Рапа разъедала кожу, образовывались язвы, которые не лечили ни заячий жир, ни деготь с тележных колес...

Беглые, нанявшись косцами к служилым людям, вылезли из своих землянок, и в укромном месте, невидимом со стороны Волги, на берегу Резницкой Воложки, переименовав ее в Резницкое озеро, совместно с вольными переселенцами из Дмитриевска, выстроили хуторок, и дали ему название (так значится в канцелярских книгах) — Дмитриевский.

Читаем в "Описании населенных местностей... находящихся в ведении общей полиции", что слобода Николаевская находится при озере Резницком, основана она из хутора Дмитриевского".

Но почему тогда Николай Чемодуров, прибыв на сие место со своей экспедицией с Эльтона в сентябре 1746 года не обнаружил никакого "жила"?

Объяснение этому есть.

В 1717 году крупный набег совершили на Заволжье крымские и кубанские татары. Они увели в плен 12 тысяч человек и угнали с собою 163 тысячи голов скота. Вот почему Александр Николаевич Минх, автор "Историко-географического словаря Саратовской губернии" (1990 г.) пишет, что слобода Николаевская прозывалась еще "Зауморскою, Зауморье тож". То есть построенная на вымороченном, разрушенном, сожженном месте. Очевидно, в этом левобережном хуторке, они "учинили разорение и побили многое число людей", сожгли "жила" и постройки.

Поэтому нашел тут Чемодуров лишь останки бывшего хутора.

Но место как нельзя самое подходящее для постройки пристани, "анбаров и магазейнов", чтобы принимать соль с озера Эльтон.

О чем он и пишет (каллиграфически писал же с его слов подпоручик Дмитрий Романов, лишь подпись Чемодурова на документе) в отчете об обследовании озера Эльтон в Правительствующий Сенат в сентябре 1746 года.

24 февраля 1747 года Сенат издает указ о наборе "работных людей" для постройки городка у озера Эльтон и соляных амбаров против Дмитриевска на луговой стороне Волги. Разрешалось брать работных людей из Пензенского и Симбирского уездов, но "не свыше 500"...

5. ЧУМАКИ

Меж тем указ самодержицы Российского государства Елизаветы от 16 февраля 1747 года зачитывался на всех площадях и торжищах необъятной империи, призывая "охочих людей" на добычу эльтонской соли.

Но возить соль "охочих людей" из близлежащих уездов было не густо. Лишь из Дмитриевска Василий Калашников, Андрей Подпасков, Василий Костарев вызвались уже в 1747 году поставить по 50 тысяч пудов соли "своим коштом".

Они сколачивали артели из крестьянской бедноты, не гнушались брать беглых, особенно на самую тяжелую работу — ломщиками соли. Последующий указ Сената легализовал беглых, они семьями начали селиться у озера Эльтон в вырытых на берегу землянках (остатки сих жилищ сохранились по сию пору). Доставляли соль к Волге на телегах (фурах), тягловая сила — волы и верблюды. Путь от озера Эльтон к Резницкой Воложке протяженностью в 128 верст занимал почти неделю.

...А указ все зачитывался на площадях и торжищах. В Волжском казначьем войске, что охраняла оборонную линию — Царицын — Саратов — от набегов степных народов, было немало украинцев. Они-то и стали "агитаторами", призывая земляков на "справное" дело — извоз эльтонской соли, где не только по тем временам устанавливалась хорошая плата (4 копейки за пуд доставленной соли), но давались и "свободы" — льготы по отбыванию повинностей, освобождение от податей на пять лет.

Среди населения Харьковщины, Полтавщины были опытные солевозчики — чумаки, — доставлявшие соль с Крымских копий. Прельщенные обещанными "свободами", они первыми, целыми артелями, семьями на мажарах (большой воз. — Ант.), впряженных волами, со скарбом, двинулись в дальний путь — к Волге.

В первый же год (1947 г.), как свидетельствуют документы, несколько сот чумаков поселились на месте будущей слободы Покровской (ныне г. Энгельс, Саратовской области), а тысяча — на луговой стороне в двух верстах от Резницкой Воложки, на месте бывшего хутора Дмитриевского.

Николай Федорович Чемодуров монаршей милостью назначается главой Саратовского соляного комитета, получает чин полковника, вскоре становится также и Саратовским воеводой. Пробудет он на этих должностях до 1752 года. Николай Чемодуров приложит все силы, чтобы за это время не только увеличились поставки соли с озера Эльтон, но и обустраивались слободы солевозчиков, в том числе самое крупное поселение их в Заволжье — у Резницкой Воложки, поначалу названное Слободкой малороссов, затем слободой Никольской.

К сожалению, не сохранилось документов о Николае Федоровиче Чемодурове, даже его образ, хоть бы на рисунке, не дошел до наших дней. Его поистине можно считать основателем слободы Николаевской, ныне города Николаевска (на Волге). И мы, неблагодарные, даже не удосужились в память о нем назвать улицу, поставить стеллу, знак, как-то передать имя человека, подвижника, который радел за освоение нашего отчего края.

Как, наверное, во всяком населенном пункте России, название одного связано с преданием. Якобы первые переселенцы нашли в камышах у Воложки икону Николая Чудотворца, и потому назвали свою слободу Никольской. Эта икона заняла центральное место в иконостасе отстроенной в 50-х годах 17-го века деревянной церкви имени этого святого. Церковь Николая Чудотворца просуществовала до 1794 года, когда на ее месте была возведена каменная, а Никольская слобода переименована в слободу Николаевскую.

Переселенцы-чумаки, работные люди стали месить саман, рубить деревья в займище, споро ставить украинские хаты, срубы новых домов. А по Волге с верховий денно и ночью сплавлялись плоты, доставлялся лес для строительства "анбаров и магазейнов". Елизавета Петровна торопила призванного к той соледобыче подполковника Николая Чемодурова увеличивать поставки эльтонской соли.

И вот почему?

6. АВТОНОМИИ ЗАХОТЕЛИ...

От чрезмерной активности Елизаветы Петровны, вскоре после ее прихода к власти, пострадала государственная казна. Самодержжица сделала, как сейчас бы сказали, популистский жест: издала указ о прощении податному населению недоимок. Сенат искал способы пополнить казну, наперед зная, что увеличивать ставки подати было бесперспективно. (Не правда ли, схоже с нашим временем: повышай ставку налогов, уровень жизни не улучшить, бюджет не пополнить, только повышение цен — выход.)

Изобретательный Петр Шувалов, ближайший советник императрицы... (Это тот самый, который в 1754 году предложит фантастический проект: проложить от озера Эльтон к Волге трубопровод, чтобы по нему перегонять рапу, а в бассейнах тут, на берегу реки, она оседала бы в соль.) А пока сенатор сей советует Елизавете постепенно поднимать цену на продаваемую государством соль по мере расширения ее добычи. Надеждой к этому "расширению" и стали эльтонские солеразработки. Шувалов так объяснял свои соображения: "Продажа соли, какой возвышенной ценой определена не будет, остановить не может, так как в употребление человеческое, к содержанию жизни необходима и потому доход от соли будет..."

Он оказался, конечно, прав. Цены на соль поднялись до 120 процентов, поступления в казну от ее продажи выросли с 801 тысячи рублей в 1749 году до 2,2 миллиона рублей в 1761 году. Так что Эльтон для государства Российского был поистине "золотым озером", вполне оправдывая свое название. Сэкономили и на николаевских чумаках: по указу Сената от 25 января 1753 года им стали платить за пуд доставляемой соли к Дмитриевским амбарам с Эльтона 3,5 копейки вместо 4 копеек, как это было с 1747 года.

Один солевозный обоз перевозил соли на сумму 320 тысяч рублей. По тем временам это были огромные деньги. Если же учесть, что, к примеру, за 1747–1749 годы было перевезено в Дмитриевские амбары свыше 2,5 миллиона пудов соли, а в одном лишь 1751 году свыше 3 миллионов пудов, то понятно, почему такое значение придавали и Елизавета Петровна, и Правительствующий Сенат солеразработкам на озере Эльтон. А также почему все дела, касающиеся малороссиян, рассматривались непосредственно самим Сенатом.

В интересном документе "Дела по доношению от всех находящихся для возки с Елтонского озера в Дмитриевские и Саратовские магазины соли малороссиян" читаем, что в 1754 году чумаки пытались добыть

себе автономные права. Они писали в Сенат, что суд и расправу между чумаками делали назначенные офицеры Саратовского соляного комиссариатства, которые не знали украинского языка, обычаев, нравов, малороссийских обрядов.

Потому предлагали, чтобы над двумя малороссийскими "громадами" на Волге, что супротив Саратова и Дмитриевска — слободами Покровской и Никольской, был назначен один "голова" с правами администратора и судьбы. Причем, из малороссиян. Таким человеком, способным управлять автономией, они считали Тимофея Михайловича Санбургского, одного из трех, кто от имени чумаков подал данное прошение в Сенат. Но Правительствующий Сенат счел благоразумным "замолчать" решение данного вопроса, помня, что большая часть Украины (Малороссии) желает получить автономные права. И прежде чем выдать какой-либо державный акт, имеющий отношение к украинцам, смотрели сенаторы: идет ли он на благо государства Российского.

Рассматривал не единожды Сенат и прошения чумаков — о выделении им земли для пастбы рабочего скота, то есть волов, лошадей. 17 марта 1758 года, согласно указа, им была выделена земля от устья реки Еруслан вниз по луговой стороне, в документе подчеркивалось, что "земельные угодья даются чумакам для достойного обеспечения кормами волов, а также к приласканию и совершенному удовольствию их...", конечно же, не волов, а чумаков, чтобы не разбежались, не бросили прибыльный для государства соляной промысел.

"Предки наши, пренебрегши, свободностью и правом, званию малороссиян, принадлежащие и самих родственников, вышедши из Малороссии, с 1747 года поселились на диких и не обитаемых казенных степях, с большой трудностью, в устройстве домов и прочих домашних заведений, ибо не имели с которой стороны к тому пособия; и по сему случаю некоторые из них в то же время возвращались обратно в Малороссию... другие опять приходили и селились". Вот что мы узнаем из челобитной более позднего периода — императору Николаю I, которую направили чумаки в 1828 году.

...К 1762 году, то есть к году прихода к власти Екатерины II, в слободе было всего 120 домов, как чумаков, так и работных людей. Основная часть солевозчиков числилась "сезонниками": приезжали из Малороссии в апреле и до октября занимались извозом соли с Эльтона, возвращались по осени на родину с хорошими деньгами. Но часть их, рассмотревшись к жизни в слободе осевших земляков, оставалась, потому как гнет польких панов и гетмановское попустительство — не давало добротного житья. А здесь, кроме доставки соли, можно было найти и другую работу.

Екатерина заселяла Заволжье немецкими колонистами, выделяя им на обустройство немалые деньги. К ним чумаки нанимались в работники: строили, пахали землю, потому как целину мог поднять только тяжелый малороссийский плуг, в который впрягалось несколько пар волов; этот плуг назывался "хохлачем". Также, прибыльно было возить на продажу соль в губернии Центральной России и на Украину (Малороссию), обратным ходом загрузившись дегтем, одежей, посудой и т.п.

К тому же была надежда, что тут можно получить надел земли и "свободы" вновь прибывшим: на пять лет освобождение от подушной подати, от рекрутчины (призыва на государственную службу). В 1763 году оседлые чумаки, у которых пятилетняя льгота на освобождение от подушной подати закончилась, просят новую императрицу продлить оную, "так как они приходят в крайнее разорение..." Екатерина распорядилась: "Землю дать по усмотрению Сената из свободных; семигривенный подушный сбор взыскивать впредь, так как за провоз соли получают они деньги по договорным ценам".

С выделением земель расширился Чумацкий шлях. Стал шириной до 40 верст. Это был не только Соляной тракт, но и великое пастбище для чумацких волов и лошадей. Калмыкам велением государевым запрещалось свои стада запускать в границы этого шляха.

Слобода Никольская тоже расширялась, ставились новые дома.

Переселялись сюда не только малороссы, но и жители Российских губерний, польстившись на обещанные "свободы" и на земельный надел. К 1769 году здесь уже насчитывается более 300 домов.

7. ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Еще Михаил Васильевич Ломоносов разработал анкету, по которой должны были исследовать малоизученные провинции Российской империи "естествоиспытатели и географы". Она включала в себя 30 вопросов по разным направлениям: флоры, фауны, геологии и т.д. Например, 10-й вопрос: "Где есть устья, сколько солеварок и много ли черенов, где есть озерная и морская осадка, либо горная соль; где есть старые оставленные устья?" Или 30-й: "В каком уезде, какой народ живет, один или с другими смешанный?"

При Российской Академии в 1768 году были созданы комплексные экспедиции для исследования малоизученных провинций Российской империи.

Одной из таких экспедиций руководил двадцативосьмилетний "доктор из Академии наук адъюнкт" Иван Иванович Лепехин. Он стал первым исследователем Заволжских степей. 29 июня 1769 года его отряд натуралистов переправился с правого берега Волги на левый.

"Слобода Никольская, построенная против самого Дмитриевска на луговой стороне, уже показывала нам преддверие к соляным степным местам. Несмотря на соседство Волги и песчаные места, окружающие сию слободу, в неглубоком земных недр разделении везде оказывалась солодовья вода, что доказывали выкопанные в слободе колодцы. Слобода сия нарочито пространна, и поселены в ней малороссы, приписанные к Елтонскому озеру, которые наиболее участие имеют в поставке соли", — напишет он в своем отчете "Дневные путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году", вышедшем отдельной книжкой в 1771 году.

Из слободы отряд натуралистов Лепехина после обеда, когда в степи самое пекло, двинулся по Чумацкому шляху к озеру Эльтон.

Степь, пишет он, "...вся покрыта была глубокими песками, где никакой травы не видно было, кроме дурмана или малого дурнушника".

Пока отряд следует к Эльтону, перенесемся на четыре года в будущее, в 1773 год, когда другая экспедиция под руководством приглашенного из Берлина доктора многих наук Петра Симона Палласа 8 августа прибыла в слободу Никольскую. С немецкой дотошностью Паллас записал в дневнике: "Сия слобода лежит вкось к Камышинке несколько выше, на песчаной пологости одного рукава, составленного Волгою. Ее населяют по большей части малороссияне, кои тут ради соляного привозу поселились. Сие местечко имеет более трехсот домов, одну деревянную, хорошо построенную церковь и множество мелочных лавок, кои по большей части живущим тут россиянам принадлежат. Для привозу из Елтонского озера учреждена здесь экспедиция, где низовой конторы член находится с потребной для оной писцами и командою. Как при самом местечке, так и на ближайшей двумя островами отделенной Воложке Солянке, отделенной от слободы на три версты простирающимися песками, построены большие соляные магазины и амбары, из коих нагружают суда, отправляемые вверх по Волге. Около слободы на песчаных возвышенностях построены многие ветряные мельницы по малороссийскому образцу, а на рукаве реки Волги, по которому вода стремительное течение имеет, содержатся некоторые мельницы на судах".

Такое ценнейшее свидетельство о слободе оставил нам немецкий ученый.

Более трехсот домов, амбары, магазины, лавки, по численности населения к тому времени — крупнейшее поселение в Заволжье: 4,5 тысячи человек, превосходящее Царицын и Дмитриевск (Камышин), уступающее лишь губернским городам Саратову и Астрахани.

8. ПРИПИСАННЫЕ К ОЗЕРУ

Поначалу чумаки мало сеяли зерновых, занимаясь перевозкой соли, разведением скота, ломовым промыслом: везли соль в разные уголки страны; обратным путем доставляли лес, железо, деготь, другой ходовой товар в степное Заволжье.

При Екатерине II, когда был дан "зеленый" свет немецким колонистам, чумаки уходили наниматься к ним, пахать землю плугом — "хотлачем" (лишь он мог поднять целину), строить дома и т.п. Самоустранение чумаков от солепромысла сказалось на доходах в казну, резко упал показатель добычи соли на Эльтоне. Тогда правительство решило приписать чумаков к Эльтонскому озеру для обязательной возки соли. 30 апреля 1797 года вышел указ "О приписке малороссиян к Эльтонскому озеру...", подписанный императором Павлом I. У чумаков перевозка

соли с Эльтона стала единственной повинностью, их освободили от податей, от рекрутчины. Для "приласкания" в следующем, 1798 году, выходит еще один указ, закрепляющий за чумаками земельные наделы: "намерить узаконенную пропорцию по последней ревизии на душу по 15 десятин". С закреплением земельных наделов появляются хутора и села, как-то: Левчунов, Гоголин, Быково, Очкуров, Бережнов, Молчанов, Краснощеков, Кислово, Калинов, Гранкин, Слободка, Никуйков, Косарев, Глодов, Могастырка, Ткачев, Ерусланский. Часть переселенцев, особенно вновь прибывших, основательно оседает на земле, занимаясь хлебопашеством и скотоводством.

Но росла и добыча соли. Так, накануне Отечественной войны 1812 года ее добывалось на Эльтоне до 10 миллионов пудов в год.

В слободе, к тому времени переименованной в Николаевскую (1794 г.), было две пристани. Население слободы увеличилось до 10 тысяч человек.

Побывавший, как местные жители называли ее, в Миколаевке, редактор самого популярного в России журнала "Отечественные записки" Павел Свиньин увидел тут более шестидесяти амбаров. Он пишет о них: "Быв выстроены отдельно от селения, на крутом берегу Волги, они представляются издали порядочным городком".

А редактор "Отечественных записок" интересен еще вот почему. Он первым в русской литературе описывает встречу с обозом солевозчиков на Чумацком шляхе.

"Вдали нечто закурилось: привычный глаз нашего вожатого открыл, что это был караван солевозов, тянувшийся по дороге к озеру длиною струею... Скоро мы поравнялись с ними... Обоз шел в большом порядке, вожак кучами следовали за ним по сторонам одного или, закутавшись кошмами, лежали в повозках. Значки билетчиков, выставленные на длинных шестах впереди повозок и испещренные разными эмблемами и флагами, колебались в воздухе и отражались яркими цветами. Вскоре мы наехали на другой подобный караван, расположившийся для отдыха вокруг колодца. Он издали казался деревнею или крепостью. В квадратах, огороженных фурами, разведены были светлые огни, огромные котлы висели над ними на вилках, а вокруг их сидели живописные группы с трубками во рту и в разных положениях..."

Такая пространная картинка из жизни чумаков 1825 года.

Ездки за солью были не такими уж безопасными, как и жизнь слобожан. Калмыки, киргиз-кайсаки (казахи) беспокоили чумацкие обозы и население, в особенности хуторское, — воровали скот, лошадей, а то и... Из жалобы чумаков Сенату в 1753 году: "Наезжала летом калмыцкая орда и чинила немалые обиды оттоном воровски скота, волов, лошадей, а баб и девок уводили в свои улусы". И даже более полувека спустя, чумаки пишут Николаю 1 в 1828 году: "Слобода наша Николаевская с восточной стороны прилегает к землям, занимаемых киргиз-кайсацким народом, который по роду жизни кочевал через наши земли большими табунами. Они вытравили у нас хлеба и сена на сумму более

56000 рублей, заразили скотину и принесли степные пожары. От заразы пало гулевого скота 4000 штук".

Иностранная коллегия по поводу степных народов писала так: "Калмыцкое воровство происходит от застарелого их в том обыкновения, которого по обширности степей пересечь невозможно, а соляные поставщики сами виноваты, а зачем ездят безо всякой предосторожности и в малолюдстве".

На Эльтоне, в слободе была, конечно, охрана. Она состояла из казаков Волжского казачьего войска. Но... Вновь жалоба: "Казачи Волжского войска, посылаемые для караулов соляных магазинов и бережения от калмыцкой орды, нам, соляным поставщикам, чинят обиды, скот наш, и лошадей, и прочее крадут..."

9. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

К этому времени преображается и великий Чумацкий шлях. К слову, "Чумацким шляхом" солевозчики называли и Млечный Путь. Россыпи соли да пота соленого, что те звездочки, мерцающие густо дорогою через все небо, усыпали этот земной шлях.

Если в 1797 году на Соляном тракте было вырыто 9 колодцев, то к середине 19 века их уже насчитывалось 62, у самого озера Эльтон — 19.

У сохранившегося форпоста на берегу озера Эльтон еще лет десять назад, исследуя в экспедиции Эльтон, я пил... пресную воду из вырытого на берегу озера старого колодца. Да и недалеко от него, в селе Красная Деревня, качают из скважин поныне студеную пресную воду. Объяснение этому простое: Эльтон — вершина соляного купола; колодцы не доходят до него, вырыты в земляном покрытии одного.

А до рытья колодцев воду с собою чумаки везли из озера Солодкого, что по пути от слободы Николаевской, везли все 129 верст, такая протяженность Чумацкого шляха. Нахожу в архиве выписку из челобитной николаевских солевозчиков в Сенат: "Ибо, она возка, происходит с великим трудом: три пары волов бывают в ходке с солью, а четвертая для оных с водою". Мы узнаем из такой короткой фразы, что каждый фурщик имел 3-4 пары волов, впряженных в мажары (фуры), груженные солью и водою. По устройству же колодцев, он, чумаки, мог уже освободившуюся пару волов использовать для возки соли; а 100 пудов, что грузили на мажару, или, как стали ее здесь называть "фуру" — это немалые деньги, как для солевозчика, так и для государства. Покупая у солевозчиков товар за 3,5-4 копейки за пуд, в розницу государство пускало его по госцене — 25 копеек. Посчитайте на досуге, сколь прибыльна была эльтонская соль для казны.

Еще один признак обустройства Чумацкого шляха — уметы, то бишь, постоялые дворы, как звались они в Центральной России. Их построено было 23. Здесь можно было отдохнуть, купить еду, даже вино и пиво предлагалось, а также деготь, тележные колеса, другая необходимая мелочь для путника. Вот известные по архивным выпискам уметы: братьев Крохмалей, Трегубова, Чумакова, Некуйкова, Заикиных, Про-

копия Грека, Сидора Чеботаря, Алексея Стрельца, Михайлы Вакуленко, Александра Осадчего, Ивана Коцаря.

Село Александровка, что ныне в Быковском районе, в конце 19 века было создано из уметов, потому как стоит оно на лимане Могута, посреди пути на Эльтон. На умете тут ночевали и Лепехин, и Паллас, и многие другие исследователи и путешественники, которых манило неизведанностью Заволжья.

Преображалась и слобода Николаевская. Наблюдается быстрый рост населения. Все новые и новые переселенцы ехали сюда, на левый берег Волги, на постоянное место жительства, прослышав о "свободах", наделах земли, зажиточности заволжан. К примеру, в 1834 году жители слободы Верхнее Салтово Волчанского уезда просят Департамент государственных имуществ разрешения переселиться в слободу Николаевскую, так как там уже "водворилось 300 душ поселенцев из их слободы".

К 1835 году в слободе уже насчитывалось 14 тысяч жителей, где чумаки имели 6,5 тысяч паровозных фур.

Но не Николаевская слобода становится уездным центром, хотя, как подтверждают многочисленные документы, по населенности она превосходила Царицын, Камышин, все населенные пункты Заволжья, уступая лишь губернским городам Астрахани и Саратову. К тому же расположена она в самом центре края, через который пролегают все пути, в том числе в степь, на озеро Эльтон.

Становится в 1835 году уездным городком Царев, возникший недалеко от развалин бывшей столицы Золотой Орды — Сарай-Берке. С населением... в 4 тысячи человек. И вот почему.

Царев-то населен в подавляющем большинстве русскими, а Николаевская — малороссиянами. Вспомним их стремление к автономии. Царское правительство поступило, вероятно, мудро, чтобы уйти от возможных межнациональных вопросов.

Кстати, отголоски такого отношения "замалчивания" малороссиян, или как позднее стали называть "хохлов", будет еще долгое время (а может быть и поныне) преградой в освещении даже истории освоения чумаками Заволжья. Возьмите "Хрестоматию по истории родного края", вышедшую в 1970 году в Волгограде. Много ли ученик нашей школы узнает о слободе Николаевской? Увы, упрямый выискать сумеет лишь две строчки, мало о чем говорящие несведущему, к примеру "О приписке малороссиян к Эльтонскому озеру..." Даже на страницах, отведенных, в сей книге Пугачевскому восстанию, его пребывание в слободе Николаевской обойдено стороной, сказано лишь: "Пошел за Волгу в степь".

А меж тем 14 августа 1774 года Пугачев, заняв Дмитриевск, шлет атаману слободы Никольской Михайле Молчанову охранную грамоту, дабы "камышцкая орда не смела слободе и живущим в ней обывателям обид и налог чинить, понеже имеют быть награждены от его Величества жалованьем..." С чего такая доброта и внимание слобожанам со стороны лже-Петра III? Да потому что из трех тысяч николаевских и эльтонских ломщиков соли, что были в это лето на Эльтоне, осталось лишь 100 человек, остальные пополнили армию Пугачева.

И когда он потерпел сокрушительное поражение под Царицыном от корпуса Михельсона, куда он бежал с яицкими казаками, с женою и малолетним сыном? В степь? Да. В слободу Никольскую, чтобы, "набрав провиант, 20 подвод парами", пуститься в дальнейший, только ему ведомый путь...

10. НЕГЛАСНАЯ СТОЛИЦА ЗАВОЛЖЬЯ

...А вслед за Пугачевым прискакал в слободу Никольскую только что ставший Александровским кавалером генерал-поручик Суворов. Ему предписано "высочайшее повеление состоять в команде генерал-аншефера П.И. Панина, на которого возложено общее руководство подавлением пугачевского бунта". Об этом упомянутая "Хрестоматия..." также умалчивает. Подробности о двух великих полководцах, пути которых пересеклись в Заволжье, надеюсь, прочтете в моем рассказе "ПОГОНЯ (Как Суворов за Пугачевым гонялся)", который планирую вскоре поставить в блог. А пока...

Что собой представляла слобода Николаевская в 19 веке? Об этом мы узнаем из "Статистического описания Николаевской волости Царевского уезда Саратовской губернии, 1749 год".

Из сего документа узнаем, что "селения Николаевской волости расположены по возвышенному левому берегу реки Волги, на равнинных местах, другие же — на покатосях возле берега. Дома выстроены по крестьянским обычаям из соснового леса, покрыты тесом, а больше — соломою. Материалы для постройки домов и обзаведения по домашности покупаются на камышинской пристани. Доставка гужевая. Дома деревянные для семи человек, с перегородками, с сенями, кладовкой, чуланом. У дома: амбар, погреб, конюшня, навес для складирования земледельческих орудий и других домашних потребностей.

Помещичьих лесов поблизости не находится; как строевой, а больше дровяной, находится по займищу слободы Николаевской волости, хуторов Бережнов, Слободка и Краснощеков. Главная порода деревьев — дуб, между которыми местами растут вяз, осокорь, ива и мелкий тальник.

Почтовый тракт и торговая дорога из Саратова в Астрахань находятся от селения в 7 и 35 верстах.

В слободе Николаевской — волостное управление. Лечебница одна, для пятнадцати больных. Они содержатся продовольствием из добровольных приношений, медикаменты для лечения больных отпускаются за счет казны безвозвратно, медицинские пособия делаются через фельдшера.

Магазинов запасных три, амбаров — два, в них налицо хлеба озимого и ярового 5672 четверти 6 четвериков и 4 гранца.

В слободе Николаевской учреждено училище, которое помещается в наемном доме, с платою в год 28 рублей 57 копеек серебром, учеников бывает от 50 до 70 человек. Преподавание ведется из приходских священников и помощников из окончивших курс науки в семинарии.

Первому полагается жалование 83 рубля, второму — по 75 рублей серебром в год из доходов за мирские оброчные статьи.

Землю пахут один раз в год. Весною под озимый и яровой хлеб, также под просо, горох, лен. Сеют озимую и яровую пшеницу, овес, ячмень, льняное и конопляное семя. Сеют на полях огурцы, арбузы, дыни, тыквы, свеклу и немного картофеля. Урожай хлеба бывает таков: из посева значится пшеница Белотурка, высев на одну десятину — 2 пуда, средний урожай — 20 пудов. Рожь: посев на одну десятину — 2 пуда, средний урожай — 15 пудов.

Особое внимание уделяют развитию коневодства, крупного рогатого скота и овец. Имея обширные земли, не приспособленные к хлебопашеству, население успешно занимается скотоводством. Скот и овцы разводятся русских и киргизских пород, часть из них употребляется для своих семей в пищу (шерсть идет на одежду), другая поступает в продажу: овца стоит от 1,5 до 2 рублей серебром, шерсть за пуд от 1,5 до 3 рублей серебром.

Некоторые крестьяне Николаевской волости занимаются торговлей хлебом и скотом. Другие же перевозкой соли с озера Эльтон, больше в пустопорожнее время: с 1 мая по 1 октября. Многие занимаются выделкою колес разного рода, которые поступают в продажу. Также развит промысел бондарей, сапожников, портных.

Одежда обыкновенная, как для мужского пола, так и для женского, шьется самими жителями из своих материалов, а праздничная покупается: на сей предмет издерживается от 10 до 50 рублей серебром, только не ежегодно..."

Вот такая "картина маслом" о слободе середины 19-го века. А через год после данного "Описания", в 1850 году Николаевская в составе уезда была передана в управление Астраханской губернии. Все эти передачи, территориальное деление до того перепутали дороги краеведам, что очень сложно выискать в архивах, что центральных, что областных, тот или иной документ по истории, как слободы Николаевской, так и Заволжья в целом.

...В 1863 году открыли Баскунчакский соляной промысел. "Конкурирующая фирма" выигрывала в дешевизне соли. Но добыча розовой "царской" соли на озере Эльтон не прекращалась, резко лишь упал ее объем. Добычей занимались уже не государственные, а частные компании, практически до 1882 года. За время с начала солеразработок (1747 г.) до 1882 года было вывезено с Эльтона 540 миллионов пудов соли.

Но и на этом не прекратилась выкачка соли с "Золотого озера". Соль в малых объемах добывали вплоть до 1927 года. Соль — ведь товар ходовой, как говорил Петр Иванович Шувалов: "...в употребление человеческое, к содержанию жизни необходима..."

С сокращением добычи соли интенсивное развитие наблюдается не только в сельском хозяйстве Николаевской волости, но и в промышленности. Строится предприимчивым Шелекетом крупнейший в Заволжье горчичный завод "Слон". Произведенное на нем горчичное масло завоевывает достойное место не только на российском рынке, поставки напрямую идут в Лондон.

Появляется купеческая прослойка. Альтухов, к примеру, начал свой бизнес с бочки дегтя: привез одну, распродал, поехал и поставил уже две. К началу 20-го века он имел уже несколько магазинов: оружейный, тканей, по продаже сельхозпродукции, продуктовые лавки и т.д.

Подобным образом выбиваются в купцы Башкиров, Смирнов, Рыжков, другие николаевцы.

Столь бурному развитию предпринимательства способствовала не бюрократическая, как ныне, а упрощенная разрешительная система.

Примеры. Приезжает некая французенка, чтобы в крупнейшем поселении Заволжья, слободе Николаевской, открыть публичный дом. Собирается волостное управление, Совет старейшин, выслушивают предложение гостьи из далекого Парижа. Слово говорит старейшина, бородатый хохол: "Шо ж цэ будэ? Мий хлопцы украдэ дома мишок сурипки, шоб побалуваться ничь с развратнэмы бабамамы... Ни, на цэ нэ согласни..." Вопрос решается быстро: не открывать.

Заслушивается другой вопрос: саратовский купец Пфляумер предлагает в слободе выстроить мельницу. Доказывает, что тут сходятся все дороги, как вдоль Волги, так из степных хуторов. В пять минут утверждается его, как ныне говорят, бизнес-план, дается разрешение на строительство. В 1904 году заработала крупнейшая в Заволжье мельница Пфляумера. И сейчас этот памятник архитектуры производит высококачественную муку. Что интересно? Оборудование, конечно, там заменили, но вот деревянные норы (закрытые желобки), по которым "течет" мука, остаются те же, что более ста лет назад — рабочими.

С официальным, будем считать, закрытием соледобычи на озере Эльтон (1882 г.) основная масса чумаков уходит на землю, поднимая плугом — "хохлачем" целинную степь, выращивает зерновые культуры, масличные, широкое распространение получают бахчи. Заволжский арбуз баржами отправляется по Волге. Занимаются скотоводством, имея огромные пастбища. В конце 19-го — начале 20-го века с Николаевской пристани отгружалось до 5 миллионов пудов зерна, 10 тысяч голов крупного рогатого скота, 25 тысяч овец и коз, сырье кож, шерсть. С таким оборотом не сравним ни один из пяти уездов Астраханской губернии.

В 1897 году вышел "Энциклопедический словарь" Брокгауза и Эфрона, в нем документальное свидетельство о слободе: "Николаевская — слобода Царевского уезда, Астраханской губернии, в 207 верстах от уездного города, на левом берегу Волги, у озера Резницкого; наиболее населенное место во всей губернии, после губернского (города). 3394 двора, 21426 жителей, 5 церквей, лечебница, аптека, 8 училищ с 435 учащимися, 137 лавок, 68 мельниц, 9 кузниц, 29 питейных заведений, 21 завод с производством на 5227 рабочих, 3 ярмарки. Жители занимаются скотоводством, разведением арбузов и хлебной торговлею..." Такие вот изменения произошли со времени "Описания..." (1849 г.) в слободе. Но неполное перечисление дают авторы словаря. Дополню, опираясь на другие архивные документы, что в слободе был еще со-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

бор, мечеть, кирха, часовня с монашескими кельями, 2 острога: один "желтый", другой — "белый". Очевидно, за обилием питейных заведений составители справки для столь солидного издания этих "объектов" не заприметили... Да что и говорить, если "Хрестоматия по истории родного края" ее, слободу, не заметила даже в советское время. А порою и нынешние издания замалчивают. Надо относиться к этому с тем терпением степняков, с которым относились наши предки — выходцы из Малороссии, сумевшие положить "прочное основание на необитаемых казенных землях". И хочет этого кто-то, иль не хочет, Николаевск оставался и остается столицей Заволжья со своей богатой и трудной историей.

...Наступал новый, 20-й век — век бурных революций, век созидания и разрушения, век войн и горьких разочарований.

Но это уже другая история.

Продолжение следует

Евгений Мюллер
(г. Москва)

КЕРОСИНОВАЯ ЛАМПА АЛАДДИНА

ПЕРСТ СУДЬБЫ

Обеденный стол в нашей комнате, хоть и был по форме овальным, стоял впрытык к стене, потому что иначе между ним и буфетом, стоящим напротив, было бы не пройти. Но ведь трех мест за столом нам как раз и хватало. Отец сидел за его широкой стороной, лицом к стене. Мое место было — спиной к окошку, мама же сидела напротив меня, спиной к двери. И это было для нее самое удобное. Потому что, во-первых, так было ближе и проще выходить на кухню, чтобы принести кастрюлю с супом, или тарелку с котлетами, или подсолнечное масло, которым отец любил поливать вареную картошку. А во-вторых, если мама садилась шить, то свет падал ей прямо из окошка. Мне же она часто кричала: «Не порть глаза!» — когда я начинал рисовать или рассматривать книжку, усевшись на свое место.

В тот день на обед у нас были щи из щавеля, которые я очень не любил. Его разваренные листья противно свисали с ложки, а цветом напоминали лягушачью кожу. И еще после этих щей у меня всегда была отрыжка. Запомнил же я так хорошо, что мы ели в тот день, вот почему. Посыпав щи в своей тарелке мелко нарезанным зеленым луком, и два раза взболтув их ложкой, отец вдруг сказал маме:

— По-моему, Лешу лучше отдать все же в испанскую школу.

Мама ничего сначала не ответила, а я спросил:

— А испанский язык — трудный?

— Да не будешь ты в ней учить испанский язык, — успокоил меня отец. — Эту школу называют испанской потому, что до войны в ней жили и учились испанские дети. У них в Испании война началась раньше, и их привезли к нам. Но потом война началась и у нас. Испанских детей снова увезли, в школе устроили госпиталь, а когда война кончилась, и школу снова открыли, то по привычке ее так и стали называть — испанской.

— А почему бы не отдать Лешу в ту школу, которая от нас ближе? — сказала мама. — Тем более что, идя к ней, не надо переходить через проспект, а во дворе ее — пусть хоть небольшой, но садик. Ты что же, хочешь, чтобы в один прекрасный день на нашего ребенка наехал автобус или какой-нибудь сумасшедший на мотоцикле?

— Но испанская школа лучше, — говорил отец.

— А наша — ближе, и не торчит, как шиш, на проспекте, — возражала мама.

И пока они спорили, мама так часто говорила про эту школу — «наша», и еще про этот «шип», что незаметно эта школа и стала нашей. Вообще-то совсем близко от нашего дома строили еще одну школу. Но в ту весну еще только сломали старый дом, и на его месте вырыли котлован. Он, кстати, сразу наполнился водой. Однажды мы с мальчишками из того двора сделали плот, связав веревками две старые двери и, отталкиваясь доской, поплыли по котловану. Веревка, которой мы скрепили двери, почти сразу развязалась. Я стоял как раз посреди плота, одной ногой на одной двери, а другой — на другой, и вдруг вижу — ноги мои разъезжаются. Еще немного, и я сделал бы «шпагат», как однажды дома, когда поскользнулся на намазанном мастикой полу. Но края дверей сразу ушли под воду. Хорошо, что все это увидел водитель самосвала. Он быстро сбежал по откосу, вошел в воду и протянул нам доску. Когда я прибежал домой, мама мыла пол в коридоре. Открыв дверь, и взглянув на меня, она почему-то замерла на месте, словно чего-то не понимая. С тряпки в ее руке на пол стекала вода, и точно так же она стекала с меня, словно это и меня она перед тем обмакнула в ведро. Ну а потом...

Самое интересное, что через два года, когда я перешел в третий класс, я все же мог попасть в испанскую школу. «Нашу» школу вдруг взяли и расформировали, а родителям предложили переводить детей или в испанскую, или в ту, новую школу, в котловане которой я чуть не утонул.

— Далась тебе эта испанская школа! — опять говорила мама отцу.

— А тебе — лишь бы поближе к дому! — подсмеивался отец. — Давай, я устроюсь работать в школу дворником, нам дадут служебную площадку — комнатенку под лестницей с выходом в школьный двор, и тогда Леше, чтобы попасть в школу, вообще не надо будет выходить на улицу.

— Не судьба, — добавил отец, вздохнув последний раз об испанской школе.

— Это — перст Божий, — сказала мама. — Иначе рядом эту новую школу не построили бы.

Что такое судьба, я примерно знал. При словах же «перст Божий» я вдруг вспомнил наперсток, который надевала на палец мама, когда шила или штопала носки. Однажды мама слишком уж сильно нажала пальцем в наперстке на кончик иглки, и та проткнула наперсток. Мама сбросила его, подцепив ногтем большого пальца, и он зазвенел, упав на пол. Потом она взяла палец в рот и стала отсасывать кровь. Все решивший Божий перст и представлялся мне длинным-длинным пальцем с точечками на конце. И я прямо чувствовал, как сильно он болит, вытягиваясь откуда-то с неба и указывая на новенький фасад только что построенной школы.

РАВНЕНИЕ НА БУРЕНКУ

В конце июля мама повезла меня с дачи в город покупать школьную форму. Когда мы вышли из троллейбуса на Невском проспекте, мама спросила:

— Куда пойдем сначала — в Гостиный Двор или в «Пассаж»?

— В «Пассаж», — ответил я.

Гостинный двор мне не нравился. Идешь по одной нескончаемой галерее, потом по другой, а мама вдруг говорит: «Постой, мы же здесь уже были. Вон этот манекен стоит в кепке набекрень». А в «Пассаже» однажды продавщица подарила мне длинную узкую коробочку — футляр от авторучки. Мама разговорилась с ней о чем-то, и продавщица, посмотрев на меня, сказала:

— На, возьми. Покупатель один ручку купил и сразу в карман ее сунул, а футляр оставил на прилавке.

Ручку я, конечно, не видел, но и саму эту коробочку можно было бы легко продать за деньги. Она была обтянута синим бархатом, а внутри выложена белой блестящей тканью, наверно, настоящим шелком.

— Спасибо, — сказал я. — Мне эта коробочка очень пригодится.

На самом деле я не знал, что буду делать с этой коробочкой, но коробочка была замечательная.

В «Пассаже» вообще-то продавалась только женская одежда. А такого отдела, как игрушки, там вообще не было. Когда мама останавливалась у прилавка и начинала долго перебирать расстеленные на нем чулки, я начинал зевать так, что во рту у меня, по бокам, казалось, вот-вот что-то треснет. Зато в «Пассаже» при входе висел на стене автомат, прыскающий одеколоном. Просунешь в щелку монетку, и из клювика сверху автомата со звуком «пш-ш-ш» вылетает облачко капель. Одеколон в автомате был двух сортов — «Тройной» и «Цветочный». Выбрать один из двух можно было, нажав кнопку. Мама как-то подняла меня на руках, чтобы я опустил в автомат монетку, и сказала: «Тебе какой?». «Тройной», — ответил я, потому что решил, что «Тройного» будет в три раза больше.

Перед первым сентябрем школьный базар открыли и в «Пассаже». Там мы форму и купили. Она состояла из широких шерстяных брюк и гимнастерки с отложным воротником. Что воротник — отложной, то есть, не стоящий у шеи торчком, а лежащий вокруг нее, мама сказала вечером отцу, когда показывала покупки. Мне это слово «отложной» почему-то очень понравилось. К форме полагалась и была куплена настоящая фуражка с черным глянцевым козырьком и желтой металлической кокардой (вот еще замечательное слово!). Над козырьком тянулся черный блестящий ремешок, который можно было раздвинуть, опустить и зацепить за подбородок. Это было сделано для того, чтобы фуражку не сдуло ветром.

Я примерил, наверно, штук шесть фуражек, но все они были или слишком большими и елозили от уха к уху, или, наоборот, слишком маленькими. Примеришь такую, и на лбу остается след-ободок цветом, как синяк.

— Голова у мальчика не стандартная, — сказала продавщица маме.

Услышав это, мама грустно и смущенно посмотрела на меня и быстро стрельнула глазами по другим мальчикам, которые примеряли фуражки у соседних зеркал. У всех у них были стандартные головы, которые очень хорошо подходили к примеряемым фуражкам. Купила мама фуражку ту, что больше.

— Правильно, — сказала продавщица. — На вырост.

И конечно, мы купили еще и ремень. Тот, что затягивался поверх гимнастерки. Он был черный, широкий, с блестящей латунной пряжкой, и его можно было регулировать по длине. Только с внутренней

стороны он был почему-то не черным, а розовым, как пяточек у поросенка на всех картинках в книжках.

Вечером, когда на даче я примерял и показывал отцу форму, отец дольше всего рассматривал фуражку. «Это ничего, что она чуть больше по размеру, — сказал он. — Надо будет подложить под ободок полоску из газеты — и все дела». И он отогнул наружу коленкорový ободок внутри фуражки и показал, куда надо подкладывать газету.

— За чем дело стало? — сказал отец, встал, достал с угла шкафа одну из газет, которые туда складывал, и загнул, а потом оторвал длинную полосу сразу из нескольких слоев бумаги.

«Победа хлеборобов» — было крупно напечатано на полоске, и даже угадывался кусок тракторной гусеницы.

Отец несколько раз за вечер брал фуражку и вертел в руках, погложивая коленкорový ободок. Наверно, она ему тоже очень нравилась. Так с газетой под ободком я первое время и ходил. До тех пор, пока голова моя не подросла и не стала стандартной.

Стоя перед шербатым зеркалом в дверице шкафа на даче, я впервые и надел все, из чего состояла форма, и вдруг почувствовал, что я на самом деле — первоклассник.

Форму родители сложили и убрали на шкаф. Но на следующий день к вечеру я не вытерпел. Когда мама устроилась на скамейке перед домом чистить картошку, я взобрался на стул и достал со шкафа пакет со школьной формой. Путаясь с непривычки ногами в широких и немного колющих штанинах, а руками в накинута на голову гимнастерке, в которой на миг стало совершенно темно и душно, я надел форму, водрузил на голову фуражку и туго затянулся ремнем. Так туго, что складки гимнастерки торчали за спиной, как хвост у курицы. Стараясь не скрипнуть дверью и ступеньками на крыльце, я через заднюю калитку вышел на дорогу за дачей.

Сначала дорога была совершенно пуста, и я прошел по ней, только один зная, что на мне настоящая школьная форма. Правда, еще березы шевелились по краям канав вдоль дороги. Я тогда впервые подумал, что деревья тоже, может быть, что-то понимают и видят, и потом судачат между собой. А потом в конце дороги показались коровы. Они каждый день проходили по ней — утром в одну сторону, а вечером в другую, мыча и размахивая головами по сторонам. Утром вместе с ними шел пастух — дядька с длинным хлыстом, закинутым на плечо и волокущимся за ним по земле. По вечерам же пастух бросал коров у начала дороги, и дальше они шли сами. Подойдя к воротам своего дома, коровы останавливались и начинали громко мычать, пока хозяева не запускали их во двор.

Поначалу коровы меня словно и не заметили, и, чтобы они не давили меня, я встал на большой камень на краю канавы. Коровы шли мимо, махали передо мной грязными хвостами и слюнявыми мордами, и шумно выдыхали воздух, пахнувший травой и теплым молоком. Натыкаясь на остановившихся у своих ворот коров, они временами сбивались в кучу. Мне же казалось, что они останавливаются потому, что видят меня и мою новую форму. Я четко видел, как, глазают они на мою фуражку с кокардой и на блестящую пряжку на ремне. Тогда

я поднял согнутую в локте руку и приложил ладонь к козырьку. Коровы радостно замычали.

Вечером, приехав с работы, отец привез последнее, что мы еще не купили к школе — портфель. Такой, какой, я приглядел себе еще в городе, в канцелярском магазине: с тремя отделениями внутри, большим карманом снаружи и с блестящим замком на откидной крышке. Этот замок, когда открывался или закрывался, щелкал точно так, как черный железный пистолетик с пружинкой в дуле, который мне подарили на Новый год.

— Портфель-то с собой не бери, когда пойдешь снова парад коров принимать, — сказала мама.

Я обиделся.

САМЫЙ ШКОЛЬНЫЙ ЦВЕТОК

Накануне первого сентября мы поехали покупать букет на Кузнечный рынок. Можно было купить его где-нибудь и поближе, но родители решили, что лучше на Кузнечном. Просто там цветов всегда продавалось больше, и они там были дешевле. Когда я слышал — Кузнечный рынок, то мне представлялись почему-то не кузнецы, а кузнечики, и я вспоминал, как летом мы ловили их на даче. Больше всего их было на поляне за железной дорогой. Было их там столько, что когда они принимались трещать все вместе, треск этот было слышно даже при пролетающей мимо сквозной электричке. Но вот поймать кузнечика — было совсем не просто. Стоит ему заметить, как ты подкрадываешься, кузнечик сразу замолкает и через некоторое время куда-нибудь обязательно отпрыгнет. Надо просто сесть на корточки и терпеливо ждать, когда от его прыжка дрогнет какая-нибудь травинка. Почему-то, поймав кузнечика, все в первую очередь рассматривают его задние ноги. И никто не замечает, какие у него красивые и умные глаза. Я уверен, что с кузнечиком, если бы знать их язык, можно было бы очень интересно поговорить.

Когда мы вышли из трамвая и пошли по Кузнечному переулку к рынку, мимо нас проходило много-много мальчиков и девочек с родителями. И многие уже несли букеты. Мне даже начало казаться, что первое сентября уже наступило, и мы на него опоздали. Цветы продавали с лотков по всей длине рынка. И даже на подходах к рынку у домов стояли продавцы и, когда кто-нибудь мимо них проходил, они помахивали букетами.

— Прямо сцена из Святого писания, — сказал отец. — Въезд Иисуса Христа в Иерусалим. Только перед ним махали не букетами, а пальмовыми ветками.

— Нашел кого сравнить с этими обалдуями! — сказала мама.

Я шел, всматривался в каждый букет, и скоро от цветов у меня начало рябить в глазах. Я даже перестал понимать, какой букет лучше. Мы прошли уже почти весь рынок, когда я вдруг протянул руку и сказал: «Вот этот». Букет, который я выбрал, был, в общем-то, такой, как все. Сверху покачивались разноцветные, не до конца распустившиеся гладиолусы. Под ними белели флоксы, торчали розовые и фиолетовые астры, колыхались травинки с листиками-иголочками. И только у моего букета,

кроме всего этого, сбоку прямо-таки горел пунцовыми лепестками огромный георгин. Именно с таким букетом мне и хотелось идти первого сентября в школу. Именно с таким огромным, с большую тарелку, георгином. Когда потом мы возвращались по переулку, бежали к трамваю, шли по нашей улице к дому, я крепко-крепко прижимал букет к груди. Я даже чувствовал сквозь рубашку сырой холодок, шедший изнутри букета. И все, кто попадался нам навстречу, смотрели на мой букет.

— А где георгин? — вдруг, остановившись, спросила мама.

Я посмотрел на букет. Ноготь моего указательного пальца все так же утопал в размокшей газете, в которую был обернут низ букета. Но георгина, стебель которого я так старательно прижимал указательным пальцем, не было.

— Ворона! — сказала мама. — Всю красоту потерял. Такие деньги на букет угрохали!

Мои плечи так вжались в шею, что я почувствовал себя в несколько раз меньше, чем букет, который держал.

— А ты что, не мог за ним понаблюдать? — сказала мама отцу.

— За кем, за георгином? — спросил отец.

Он повернулся и посмотрел назад на тротуар, по которому мы только что прошли. Его взгляд медленно скользил по асфальту, словно видел наши следы. Мне даже показалось, что его взгляд, дойдя до конца улицы, завернул за угол. И что потом он догнал трамвай, в котором мы ехали, и прошелся по всему вагону. Потом соскочил на остановке на Лиговском проспекте и, как собачка, прошмыгнул по всему Кузнечному переулку, заглядывая прохожим под ноги. Георгина нигде не было.

Мама дернула меня за руку, и мы пошли.

— Плохое предзнаменование! — сказала она. Через несколько шагов она остановилась и, еще сильнее дернув мою руку, сказала: — Смотри у меня! Попробуй только плохо учиться!

Единственно, что меня утешало в тот вечер, так это мой школьный ремень. Вернее, его пряжка, которую я до яркого блеска начистил зубным порошком.

СОСЕДКА ПО ПАРТЕ

Утром первого сентября светило солнце. Его лучи выбивались из-за высокого дома в конце Конной улицы и косо уходили вверх, так что сама Конная улица была еще в тени. Ни гимнастерка, ни брюки не казались мне теперь такими жаркими и шершавыми, как в тот день, когда я надел их на даче. Мягче же всего был белый воротничок, который вечером моя мама впервые подшила на воротник гимнастерки.

В школьном саду на площадке вокруг клумбы собирались классы. Мама уже знала нашу учительницу и подвела меня к ней. Возле нее парами, друг за другом, стояли мои будущие одноклассники. У всех в одной руке был портфель, а в другой — букет.

— Вот твоя пара, — сказала учительница и подвела меня к девочке с двумя белыми бантами на голове. — Ее зовут Ира, и ты будешь сидеть с ней за одной партой.

Каждый бант на голове Иры был размером почти с ее голову. Когда она поворачивала ее, из-под них еле-еле выглядывали две косички. Ира еле заметно двинула головой, как бы здороваясь, и банты закачались над ее головой, как воздушные шарик. Я встал рядом и почти перестал ее видеть из-за огромного букета, который она держала. Она все время пыталась приподнять его повыше, потому что, наверно, уже устала. Скоро за нами встали еще мальчик и девочка, потом еще. «Эге, — подумал я, — да тут всех и не упомнишь. Вон, даже учительница и то все время в тетрадку заглядывает и что-то чирикает в ней карандашом».

Стоя в паре, я больше всего, конечно, разглядывал, нашу учительницу. Я уже знал, что зовут ее Галина Николаевна. Она была невысокой, в белой блузке и мягком бежевом костюме с недлинными широкими рукавами. Наверно поэтому она не показалась мне очень строгой.

— Славная она, — сказал вечером отец, когда мама рассказывала ему, как отводила меня в школу. Он тоже видел Галину Николаевну на родительском собрании перед первым сентября.

Мама же сказала:

— Когда Галина Николаевна разговаривала в саду с родителями, то сказала, что с удовольствием познакомилась бы со всеми поближе. И даже побывала бы у всех дома. Зачем это? Чтоб посмотреть, кто как живет?

Я же был очень доволен, когда услышал, что Галина Николаевна, может быть, придет к нам в гости. Чтобы я хорошо учился, мне оборудовали уголок — поставили недалеко от окна столик, который до этого стоял в коридоре под зеркалом. На него обычно клали кто шапку, кто варежки, кто зонтик. Мама накрыла его куском новой клеенки в зеленую клеточку. Под столиком я сразу определил место для портфеля. Это был очень хороший уголок для учебы, и он не мог не понравиться Галине Николаевне.

Потихоньку я стал разглядывать и Иру, мою соседку по парте. Она не смотрела ни на меня, ни на кого, только чему-то улыбалась. Потом она все же взглянула на меня, и я понял, что ей тоже очень нравится ее форма. А я уже заметил: если на всех мальчиках были совершенно одинаковые серые брюки, гимнастерка и фуражка, то на девочках форма была двух видов, хоть тоже одного, темно-коричневого цвета. На одних это было широкое платье с большим округлым воротником, лежащим на плечах, и пуговицами на груди. А на других — очень узкое и с воротничком, который узкой полоской обхватывал горло и застегивался сзади на пуговку. Вот такое платье и обтягивало фигурку Иры, а шею туго обжимал кружевной воротничок. Такими же были и манжеты на запястьях. Белый передник Иры был накрахмален так, что хрустел при каждом ее движении. Я тоже выдвинул из-за широкой штанины край своего портфеля с поблескивающими железными уголками и выставил вперед одну ногу, чтобы мой до блеска начищенный ботинок выглядывал из-под штанины.

Скоро колонны учеников, стоявшие ближе к школе, задвигались и начали медленно исчезать меж двух тополей, растущих перед входом в школу. Двинулись и мы. Сразу за входными дверями школы вверх шло штук десять ступенек. От неожиданности и чтобы сохранить равнове-

сие все, поднимаясь по ним, широко расставляли в стороны руки с портфелями и букетами.

— Осторожно, — сказала мне Ира, колыхая прямо перед моим носом своим букетом. Длинная, вся в мелких ресничках травинка, торчавшая из него, щекотала мне нос. А из-за цветов и трескучего целлофана, которым был обернут Ирин букет, я почти ничего не видел. Мне ужасно хотелось чихнуть, но я понял, что если я сейчас чихну да еще споткнусь на глазах у всего класса, то лучше уж просто умереть на месте.

Сразу за лестницей начинался гардероб. Войдя в него и оказавшись на ровном и свободном месте, многие убыстряли шаг. Те, кто поднимался следом, бегом кидались за ними, словно боясь отстать и потеряться. За барьером гардероба, облокотившись на него, стояли гардеробщицы. Они с интересом смотрели, как мы, кто шагом, кто бегом, продвигаемся перед ними. Гардеробщицы были в одинаковых синих халатах и все как одна — очень толстые. Казалось, что под халатами у них надеты теплые кофты. Почему-то гардеробщиц было очень много. А ведь было еще тепло, и все ходили по улице раздетыми. «Да, мимо этих бабуй не проскочишь», — подумал я.

— Никогда не думала, что на нашей улице и на соседних живет столько мальчиков и девочек, — шепнула мне Ира.

— Я тоже тебя раньше что-то не замечал, — ответил я.

Ира фыркнула и потом в классе почти не смотрела на меня, а только внимательно слушала учительницу.

ТОРЖЕСТВО ДЕМОКРАТИИ

Когда мы вошли в класс, он показался мне сначала очень большим. Когда же все расселись по партам, оказалось, что в нем не так уж много свободного места. Да еще почти весь стол Галины Николаевны завалили букетами. Приняв от меня букет, Галина Николаевна положила его на свой стол, с краю. Мне это очень понравилось, потому что до этого она некоторые букеты складывала уже на подоконник.

Каждой паре, вошедшей в класс, Галина Николаевна рукой указывала парту, за которую надо было сесть. Наша с Ирой парта оказалась на средней колонке, недалеко от стола Галины Николаевны.

Началось знакомство с классом. Галина Николаевна называла по журналу имя и фамилию ученика, а тот должен был встать. Почему-то почти все мальчики, когда вставали, произносили «это я», а девочки просто говорили «я» или едва заметно кивали головой. Из этого я заключил, что девочки более скромные. Правда, одна девочка, Марина Стасько, сказав «я», тут же спросила:

— А можно, я прочитаю стихотворение, посвященное первому сентябрю?

— Может, лучше потом? — спросила Галина Николаевна, но тут же сказала — Хорошо, читай.

Марина Стасько вышла в проход между партами, заложила обе руки за спину и начала читать стихотворение. Щеки ее сразу стали пунцовыми, а лоб вспотел.

Идет с букетом первоклассник,
Горит огнем ребячий взгляд!
День знания нынче — чудный праздник,
Он общий — взрослых и ребят.

Все, что рабочий и ученый,
Шахтер, писатель, металлург
В труде создали напряженном —
Прими в свои из взрослых рук!

Чтоб выше взвились самолеты,
Чтоб расцвели сады в глуши,
Исполни часть своей работы —
Учи, как пишут «жи» и «ши».

— Очень хорошо, — сказала Галина Николаевна, когда Марина закончила читать и села на место. — Может, кто-то еще хочет что-нибудь прочитать?

Услышав это, я даже перестал дышать. А ну как Галина Николаевна взглянет на меня и предложит прочитать что-нибудь мне? В моей голове словно шарил лучик фонарика, но ни одного стихотворения, которое я знал бы наизусть, он не обнаружил. А уж о том, что такое "жи" и "ши", я и понятия не имел. А Марина Стасько, похоже, уже хорошо во всем этом разбиралась.

Я потихоньку обвел взглядом тех, кто сидел на соседних партах. Да, вон та светловолосая девочка, что так строго смотрит куда-то перед собой, тоже, наверно, все уже знает. А этот круглоголовый крепыш с жестким ежиком на голове и в круглых очках — вообще готовый отличник. «Плохи мои дела», — подумал я.

— Ну, хорошо, — сказала Галина Николаевна и снова открыла перед собой журнал. И тут я услышал свою фамилию. Стукнув откидной крышкой парты, я встал и оглядел всех вокруг. Я даже «я», кажется, не сказал. Какое там «я»! Мое я мне казалось в этот момент таким же маленьким, как стирательная резинка, которая выпала из моего портфеля и куда-то укатилась, когда я сел за парту и случайно уронил портфель на пол.

— Ага... — вдруг сказала Галина Николаевна, взглянув на меня. Наверно, она просто решила что-нибудь сказать перед тем, как назвать следующую фамилию. Но получилось, будто она что-то уже слышала обо мне. Такое же впечатление, похоже, сложилось и у некоторых из моих одноклассников. Во всяком случае, когда я сел, так же стукнув при этом крышкой парты, несколько мальчиков и девочек повернули головы и внимательно на меня посмотрели. Даже Ира, с самого начала урока не обращавшая на меня никакого внимания, повернула голову и, хоть и мельком, взглянула на меня.

А потом случилось вот что: дверь класса вдруг открылась, и в класс заглянула, а затем медленно вошла женщина в синем халате и со шваброй в руке. Приложив ко рту свободную от швабры руку, словно что-бы было не очень слышно, она сказала:

— Галина Николаевна, вы извините, ради Бога, но я забыла — положила я вам тряпку влажную на доску или нет?

Галина Николаевна обернулась и, увидев тряпку, торчавшую из фанерной коробки на краю доски, сказала:

— Да, все в порядке.

— Ну и ладненько, извините, пожалуйста, — сказала женщина, торопясь прикрыть за собой дверь.

— Подождите, — воскликнула Галина Николаевна. Она схватила со стола один из букетов и бросилась к двери. — Вот, возьмите, пожалуйста, ведь сегодня у нас у всех праздник.

Дверь закрылась, и мне показалось, что все лампочки под потолком разом погасли. Букет, который Галина Николаевна отдала уборщице, был мой. Я словно опять увидел длинный Кузнечный переулок и целый лес цветов вдоль него. И тот мой, показавшийся мне самым красивым букет с самым большим огненным георгином. Букет, который мне так хотелось подарить своей учительнице.

Вечером я рассказал родителям, как Галина Николаевна отдала мой букет уборщице.

— Что ж, — сказал отец. — В принципе, в этом нет ничего особенного... Да и представь, какой была бы школа, если бы в ней не было уборщиц.

— Ребенка тоже можно понять, — сказала мама. — Он учительнице букет принес, а она взяла и на глазах подарила его другой.

Отец почесал щеку около рта. Он всегда так делал, когда о чем-то раздумывал.

— Все же этот ее поступок — глубоко демократичный, — сказал он.

Мать вздохнула — как тогда, когда была обнаружена пропажа георгина. «Плохое предзнаменование!» — вспомнил я ее слова.

Через несколько дней наступило воскресенье. После завтрака мы стали одеваться, чтобы идти гулять.

— Можно, я надену школьную форму? — спросил я.

Но мама сказала, что они с папой сделали мне подарок, и вынула из шкафа вельветовую куртку. Я обрадовался — похожие куртки я уже видел на некоторых ребятах, да и на взрослых тоже. Называлась эти куртки — «демократками». Они были короче, чем пиджак, застегивалась от горла и до середины живота на молнию, а по бокам на поясе и на запястьях — на пуговицы, и поэтому чуть пузырилась. Зато у этой куртки было четыре кармана — два по бокам и два на груди. Правда, школьную фуражку я все равно на прогулку надел.

— Фотоаппарат забыл! — воскликнул папа и побежал в другую комнату, где начал рыться в шкафу.

— Пойду, пока почту в ящике посмотрю, — сказала мама.

Оказавшись вдруг один, я подошел к своему столику и выдвинул ящик. Первой я отправил в нагрудный карман своей «демократки» записную книжку. Ее мне подарили еще зимой, на день рождения, но она была такой красивой — из мягкой зеленой кожи и золотистая по краям, — что я до сих пор не зачирикал в ней ни одной страницы. За книжкой последовала раздвижная ручка-карандаш и стирательная резинка — на всякий случай. В другой карман я засунул увеличительное

стекло и три колесика из конструктора, которые обещал дать на время одному мальчику во дворе. Потом я вытащил из портфеля, стоящего под столом, кулек с семечками и пересыпал их в левый боковой карман «демократки». В правом же кармане легко поместился еще наполовину полный тубус с леденцами. Тут меня подозвал отец. Он протянул мне коробочку с фотопленкой и сказал:

— На, поноси ее, а то у меня карман будет оттопыриваться.

Фотопленку я засунул в тот карман, где лежал тубус с леденцами.

Выйдя в коридор, я посмотрел на себя в зеркало. Хотя все мои карманы были набиты, но оттого, что «демократка» немного пузырилась, ни один карман на ней не оттопыривался.

— Ну как тебе «демократка»? — спросил отец, когда мы спустились по лестнице.

— Класс!

— То-то!

ГРУША ДЮШЕС

Первого сентября у нас было всего три урока. В середине третьего Галина Николаевна вывела нас в школьный двор, как она сказала — на маленькую экскурсию. Она рассказала, что в школе работают разные кружки, и каждый может в них записаться. Есть кружок рисования, есть хор, есть спортивные секции — волейбол, баскетбол, но это для старших. А еще есть кружок «Юный натуралист». Те, кто в нем занимаются, работают на ботаническом участке и в живом уголке. И она повела нас на ботанический участок. Он располагался в углу школьного сада, за оградой из сетки. На участке росли несколько яблонь и вишен, кусты смородины и крыжовника.

— А вот здесь у нас даже кукуруза растет, — сказала Галина Николаевна. — И на одном стебле уже есть початки. Видите, из них сверху торчат пучки желтых нитей.

— На мочалку похоже, — сказал я. — А есть их когда можно будет?

Все засмеялись, а Галина Николаевна сказала:

— Это потому он так говорит, что вы сегодня в школе не ели. Ничего, сейчас вы пойдете домой, а первый школьный обед у вас будет завтра.

На следующий день после второго урока Галина Николаевна сказала:

— Сейчас будет длинная перемена, и кто проголодался, может перекусить. Те, кто хочет поесть в столовой, должны построиться перед дверью, и я вас в нее отведу. Не волнуйтесь, все поест успеют. Старшеклассники ходят в столовую на следующей перемене.

Я вспомнил, что родители дали мне на обед грушу. Отец специально купил ее вечером, когда шел с работы. Большую-большую и очень спелую.

— Это груша самого лучшего сорта, — сказал отец. — Она называется дюшес.

Я такую грушу ел до этого только один раз, когда ходил с родителями в гости к их знакомым. Чтобы детям там не было скучно, взрослые устроили игру. Они натянули поперек комнаты веревку и подвесили к

ней на длинных нитках конфеты, яблоко, пачку печенья и такую вот грушу. Потом они поочередно завязывали детям глаза, давали в руки ножницы и толкали их к веревке. А чтобы никто не срезал то, что уже для себя приметил, каждого несколько раз поворачивали на одном месте. Поэтому каждый шел наугад и только чикал перед собой ножницами. Один мальчик срезал яблоко, одна девочка — конфету «Мишка на севере». Двое вообще ничего не срезали, и их толкали к веревке несколько раз. А сын хозяев даже чуть не разбил лбом зеркало в шкафу. Мне же повезло. Когда мне завязывали глаза, то случайно в повязке осталась маленькая незаметная щелочка. Когда меня повернули три раза вокруг себя, я со старанием сделал вид, что почти не держусь на ногах — так, мол, закружилась моя голова.

— Да он сейчас упадет! — сказала одна гостья.

Шатаясь, я неуверенными шагами пошел к веревке. При этом я медленно, но верно приближался к груше. Уж очень мне хотелось ее попробовать.

— Главный приз, главный приз! — закричали гости, когда раздвинутые ножницы в моей руке уткнулись в нитку, на которой висела груша. Правда, когда я уже с развязанными глазами отрезал нитку, груша выскользнула у меня из рук и упала на пол. С нее даже срезали бок, потому что он расплющился и лопнул от удара.

— Бог наказал! — почему-то шепнула отцу моя мама.

Утром второго сентября отец завернул грушу в газету, и я положил ее в угол портфеля. Она была такой спелой и ароматной, что на уроке я ощущал ее запах и думал не о том, что рассказывала Галина Николаевна, а об этой груше. Когда зазвенел звонок, и Галина Николаевна объявила, что в эту перемену можно поесть, я вынул из портфеля завернутую в газету грушу и встал в строй к тем, кто хотел идти в столовую. Я решил, что лучше съесть грушу в столовой, чем в классе. Ведь, наверняка, как только ее укусишь, начнет капать сок, да еще зальет всю парту. К тому же учительница сама сказала, что поведет в столовую тех, кто хочет поесть в столовой.

В столовой я выбрал стол возле окна, никем не занятый. Я развернул газету и увидел, что с груши в нескольких местах уже начала сползать кожица. Совсем как с коленок, если вдруг споткнешься и проедешь на них по полу. Едва я откусил первый кусочек, как капли сока закапали на газету. Хорошо, что я принял решение идти в столовую! Соседний со мной столик в это время вытирала тряпкой толстая тетя. Она была очень похожа на тех, что стояли внизу в гардеробе, только на ней был белый передник, а на голове — белая косынка. Я заметил, что уже некоторое время она смотрит на меня.

— Ты что это тут ешь? — спросила она меня.

— Это груша, дюшес называется. Очень вкусная.

— Я вижу, что не огурец соленый. Тут нельзя есть, что из дома принес.

— Так ведь сейчас перемена, обед, — удивился я. — Вот я и пришел сюда поесть.

— Ну и вставай вон в очередь к буфету, и покупай. Есть пюре с сарделькой, оладьи с подливкой.

— Не хочу я сардельку и оладьи не хочу.

— А зачем тогда пришел? Сюда нельзя свое приносить. Съешь какую-нибудь гадость, живот заболит, а потом родители на школу валить будут.

Я вдруг вспомнил вот что. В нашем доме недавно проводили газовые трубы. Сначала рабочие сказали, что закончат все к вечеру, но на самом деле они проработали до ночи. Это потом папа сказал, что надо запастись электрочайником. А в тот день, когда он пришел с работы, расстроенная мама сказала ему, что обеда сегодня нет. И даже — чая.

— Ничего, — сказал папа. — А на что существуют столовые?

И мы пошли в столовую. Я уж не помню, что мы ели там на обед. Только помню, что под конец отец купил тарелочку винограда, и мама очень волновалась, хорошо ли он вымыт. И еще я запомнил табличку, которая висела как раз над нашим столом. «Приносить с собой и распивать спиртные напитки запрещается» было написано на табличке. И вот я и говорю этой тетеньке, которая вытирала стол:

— Я же грушу сюда пришел есть, а не спиртные напитки распивать.

Эта тетя как раз вытирала дальний от себя край стола. Услышав мои слова, она замерла на вытянутых руках, так что живот ее повис над столом. Потом, не отрывая рук от стола, она подтянула их к себе и стала смотреть по сторонам. Увидев через несколько столов от себя еще одну уборщицу, она крикнула:

— Маша, ты послушай, что он говорит. Я ему сказала, ты чего здесь сидишь и ешь, что из дома взял, а он мне отвечает: «Я же не водку пью». Во, первоклассничек-то, а! Это что ж из него дальше-то будет?

Вечером отец спросил меня:

— Ну как, грушу съел? Понравилась?

— Да, вкусная была, сочная.

— А что завтра с собой хочешь взять? Может, снова грушу купить?

— Нет. Лучше бутерброд с сыром.

— А говоришь, понравилась. Ты же сыр не любишь.

— Ничего, зато он не капает.

О СЕБЕ, И НЕ ТОЛЬКО

У нас в классе был мальчик по фамилии Кузнецов. Как-то Галина Николаевна на уроке сказала: «А вот пускай нам про это расскажет Кузнецов». Но Кузнецов, наверно, в это время задумался и не отвечал. «Тебя, тебя спрашивают», — зашептали ему девочки. И тогда Галина Николаевна сказала:

— Вообще-то у нас в классе Кузнецовых целых два.

— Как это? Нет, один, — раздались голоса.

— А вот — и два, — возразила Галина Николаевна. — Второй Кузнецов — это Леша Коваль, — и она указала рукой на меня. — Потому что Коваль в украинском, а еще и в польском языке означает «кузнец».

Ну вот, теперь, когда вы знаете, что меня зовут Лешка Коваль, можно рассказать и где я живу. А живу я на самой главной улице города. Она такая длинная и прямая, что называется не улицей, а проспектом. Правда, в той его части, где я живу, он немного изгибается и скоро заканчивается.

Если выйти из нашего дома и повернуть налево, то сразу, даже если ты еще не дошел до испанской школы, видны купола и башни. Это — Лавра. Лавра — мое самое любимое место в городе. Верней, даже не сама Лавра, а ее сад. Он очень большой, и в нем есть и поляны, на которых многие загорают, и целые заросли, в которых можно прятаться. Через Лавру протекает речка — Монастырка. Зимой с ее берега можно скатываться вниз на санках и лыжах. А еще в Лавре есть пруд. По размеру он — как маленькое озеро. Летом в этом пруду даже купаются, хоть это и запрещают таблички, воткнутые на берегу. Но на них никто не обращает внимания, и даже развешивают на них одежду и полотенца. Весной вода по краям пруда, там, где мелко, кажется, что кипит. Это — от головастика. Их там столько, что просто — уйма. Мне в этом всегда не везет, но есть такие счастливицы, которым удастся поймать сачком, а то и рукой настоящего тритона. Это такая водяная ящерица. У нее на спине торчит гребень, как у дракона. А еще в этом пруду уйма пиявок. В воде они длинные и извиваются как змейки, а стоит поймать — сжимаются и становятся на ощупь — как улитка.

Если же, выйдя из нашего дома, пойти по проспекту направо, то скоро вы увидите огромную площадь со сквером посередине. Однажды в воскресенье отец и мать повезли меня в Русский музей. Когда мы поднимались в нем по лестнице, отец подхватил меня под коленки и поднял к высокому подоконнику.

— Видишь? — спросил он меня. — Вон там, в углу двора? Это памятник Александру Третьему. Раньше он стоял там, где сейчас на площади круглый сквер.

В углу двора на самом деле стоял памятник: лошадь, а на ней человек. Только он, этот памятник, не стоял, а почему-то лежал на боку. А может, мне так показалось, потому что, чтобы его увидеть, мне пришлось сильно вывернуть шею и прижаться к стеклу лбом.

— В народе его звали — пугало, — сказал отец.

А мне этот памятник стало жалко. Потому что шел дождь, и памятник, как и все вокруг, был весь мокрый. И так как он стоял не на постаменте, а в углу двора, рядом с кучей досок, то казалось, что под дождем лежит, а может, стоит, но главное, что мокнет живая лошадь. С тех пор, проходя по площади, я часто представлял, как посреди нее, на высоком постаменте лежит на боку лошадь с торчащими вбок четырьмя копытами. Я только старался понять, куда лучше повернуть копыта — к вокзалу или к гостинице.

Если же, перейдя проспект, идти прямо, через дворы, то скоро окажешься на улице под названием Тележная. Телег на этой улице, правда, я никогда не видел. Зато на ней был пустырь, на который свозили разбитые в авариях машины. Тут стояли и «Победы», и маленькие смешные «Москвичи», а однажды даже длинный черный «ЗИМ» с разбитой фарой и помятым боком. А еще с этой улицы, ближе к Лавре, было видно то, что все называли Боткинскими бараками. Стоило мне не вымыть перед едой руки, как мама говорила: «Ты что, хочешь поехать в Боткинские бараки?» На самом деле это была больница, в которую отвозили, если уж очень сильно заболит живот. Когда в нашем доме проводили газовые трубы, и в один день мы не могли даже согреть чайник и поэто-

му пошли вечером все вместе в столовую, то мама, рассматривая гроздь винограда, взятого на десерт, сказала: «Не попасть бы нам после этого винограда в Боткинские бараки».

Кроме как на проспект, из нашего дома был еще один выход — на Конную улицу. В нашу школу удобней всего было идти как раз по ней. На Конной улице стояло длинное деревянное здание с аркой посреди — рынок. Он так и назывался — Конный. Каждое утро я шел мимо него в школу, а днем — из школы домой. Иногда, выйдя утром из дома, я начинал повторять про себя выученное вечером стихотворение или столбик таблицы умножения. Ну, чтобы проверить, как выучил. Но стоило мне подойти к рынку, как я сразу забывал и третью строчку в стихотворении «Уж небо осенью дышало...», и сколько будет шестью семь. Ведь чего только не лежало на лотках возле рынка! Вот краснела припорошенная снегом, почерневшая от мороза клюква. А рядом — более мелкая, более красная брусника. Вот продавец показывал покупателю связки длинного, как веревки, мха; его покупали, чтобы затыкать на зиму щели в окнах. Ну, как сейчас полосками пороллона. Серыми горками лежали маленькие рыбки — снетки. Они были очень вкусные, хоть и соленые. А со стоек лотков свисали связки сухих грибов. Их плоские шляпки и скривившиеся ножки и на самом деле были такими сухими, что на ветру постукивали друг о друга.

Когда приходила весна, лотки заполнялись рассадой и букетиками подснежников. Потом появлялись желтые шарики купальницы, ландыши, и целыми ведрами стояла сирень. Ее цветочками, похожими на маленькие гвоздики, был засыпан иногда весь тротуар.

Осенью все лотки на рынке были завалены яблоками. И грибами. Казалось, что их не привезли откуда-то, а вот только-только нашли тут же, под прилавками. Потому что на их ножках все еще были кусочки земли и мха, а из дырки в ножке или шляпке мог выглядывать слизняк. И по всей Конной улице ветер гонял клочья соломы, которой яблоки перекладывали в ящиках.

Были и лотки, на которых продавали моточки проволоки для чистки кастрюль и пемзу — пористые камешки, которыми, если потрешь хорошенько палец, можно стереть любую грязь, даже чернила. Перед праздниками у входа на рынок продавали свистульки из глины, сахарные пестушки на палочках и разноцветные раскидаи на длинных резинках. И всегда — и осенью, и зимой, и весной — был огромный выбор семечек. Жареных и сырых, совсем мелких и очень больших — тыквенных.

Вот каким замечательным местом был рынок. А что делалось на нем летом, я не знал, потому что в начале июня мы всегда уезжали на дачу.

ПЕРВЫЙ ТОВАРИЩ

В четверг физкультура у нас была последним уроком. А в пятницу вторым уроком — труд. Домой по труду нам задали сделать композицию на тему «Осень». После физры (так почти сразу мы стали называть физкультуру) я быстро переоделся в раздевалке, схватил со скамейки свой портфель, запихнул в него «тренировки» — то есть тренировочный

костюм — и поспешил домой. У меня в голове уже крутилось, как я сделаю эту композицию, и я все уже для нее приготовил. Это была крышка от коробки из-под обуви, пластилин, несколько сосновых шишек и кустиков разноцветного мха, привезенного еще с дачи. Сосновые шишки, когда они высохнут и растопырятся, очень похожи на маленькие елочки. А что засохшие кустики мха — совсем как деревья, я заметил в музее Суворова. Там из них устроены целые леса вокруг полей сражений, на которых воюют оловянные солдатики. Дно крышки я намеревался обмазать пластилином и обсыпать мелко нарезанными листьями — красными и желтыми. В общем, домой я прямо-таки летел.

Когда я вошел в квартиру, мама сразу сказала:

— Вынь первым делом форму из портфеля и повесь, пусть проветрится.

Я открыл портфель, вынул форму и тут увидел, что учебники в портфеле стоят не корешками вниз, как я их обычно всовывал, а корешками вбок. Пенал вообще был не мой. Мой был плоский и светлый, с выдвижной крышкой, а этот был круглый с разноцветным узором. Я вытащил одну тетрадь и прочел: «Тетрадь по арифметике ученика 1-б класса Сергея Рунышкова».

Я осмотрел портфель — он был точно такой же, как у меня. Поэтому я и схватил его со скамейки.

Сережка Рунышков жил совсем рядом со школой — стена его дома выходила в школьный сад. Я знал, что он жил на первом этаже, но в какой квартире, не знал. Вся надежда была, что он будет стоять около школы со своим, то есть моим портфелем в руках и ждать того, кто унес его портфель. Я сказал маме про портфель и побежал обратно к школе.

— Голову свою не перепутай, — прокричала мне мама из кухни, когда я выходил за дверь.

Еще только сворачивая к школе, я увидел Рунышкова. Он стоял у ворот в школьный садик и помахивал портфелем.

— Привет, — сказал я. — Хорошо, что мы сразу заметили, что портфели перепутали. Гляжу, пенал какой-то странный — разноцветный и круглый.

— А у тебя какой?

— Да у меня простой, из фанеры. По краям только узоры темные.

— Покажи.

Я раскрыл было портфель, и тут мы засмеялись и обменялись портфелями. Потом мы пошли погулять в школьный сад.

Когда мы присели на скамейку, я вытащил свой пенал и показал Сережке.

— А знаешь, как эти узоры делают? — спросил Рунышков, рассматривая узоры на крышке. — Их выжигают. В Гостином дворе, в отделе игрушек, набор продается — для выжигания. Это такая штуковина, вроде паяльника, с иглой на конце. Втыкаешь в розетку и через минуту можешь на дереве любой узор выжечь. Я у родителей просил купить, но мама говорит, что вся квартира дымом провоняет.

— Увеличительным стеклом на солнце тоже можно выжигать, — сказал я.

— Знаю. У меня оно есть. Мой дед свою лупу уронил, оправка кокнулась, а линза только чуть-чуть с краю отбилась. Он мне ее и отдал.

Хочешь, завтра принесу, покажу? Она — вот такая, — и Сережка соединил указательные и большие пальцы.

Вот так я подружился с Сережкой Рунышковым.

На следующий день Рунышков принес свою лупу. Он показал мне ее на перемене, перед самым звонком, и я взял ее на урок. Сначала я осторожно, чтоб не заметила Галина Николаевна, рассмотрел через нее свой палец. На предыдущем уроке я пытался откусить на нем заусенец возле ногтя, но только еще больше расковырял. Глянув сейчас на это место сквозь увеличительное стекло, я ужаснулся: огромная рана зияла около ногтя. Мне чуть плохо не сделалось. Потом я стал рассматривать сквозь лупу кончик пера. Я только что выводил им в тетрадке тонкие, как они называются — волосяные линии. А оказывается, его кончик был прямо лохматый — так много ворсинок он выцарапал из бумаги. Ира неодобрительно поглядывала на мои опыты. А когда я заглянул к ней в тетрадку, так как отвлекся и прослушал, что велела выводить в ней учительница, прикрыла страницу рукой.

— Классная лупа! — сказал я на перемене Рунышкову. — Давай, после уроков испробуем ее на солнце.

После уроков мы пошли с Сережкой в тот угол школьного сада, где в маленькой пристройке располагался живой уголок. В это место в саду в середине дня всегда светило солнце. Но сначала мы прижали лбы к окошку, заслонив с боков свет ладонями, чтобы рассмотреть, кто там живет в живом уголке. Увидеть нам удалось лишь одну клетку, в которой неподвижно сидела морская свинка.

— Бедная, — сказал Рунышков. — Мы-то после уроков домой идем, а она тут так и сидит.

— Жаль, спичек нет, — сказал я. — Они, если их под лупой в самый ее фокус поместить, мигом загораются.

— Знаю. Еще старую фотопленку хорошо поджигать. А если ее плотно-плотно скрутить и завернуть в бумажку, как конфету, а когда загорится — ногой прихлопнуть, чтоб огонь загас, то знаешь, как дым повалит!

— Да, дымовушка — это здорово. Во! — вспомнил я. — У меня же есть пластигласа кусок. Во дворе нашел. Кто-то старую рамку выбросил, он в ней вместо стекла был вставлен, я и взял. Пластиглаз горит, как пленка почти. Дай-ка лупу, может, подожжем.

Мы устроились на ступеньках живого уголка. Солнце как раз вылезло из-за очередной тучи и светило прямо на нас. Я взял кусок пластиглаза — он был размером с открытку — в левую руку и приложил его к животу, чтобы он не дрожал. Лупу же взял в правую руку. Сначала я покручивал лупу, стараясь установить ее так, чтобы пятнышко фокуса на куске пластиглаза превратилось в маленькую яркую точку. И когда это у меня получилось, я замер.

— Теперь гляди, — сказал я Рунышкову. — Сейчас он должен задымиться. Представляешь, какая там температура, в этом фокусе? Наверно, как на солнце.

— Ну, может, и не как на солнце, но уж будь здоров. Ты руку-то держи ровно, не двигай взад-вперед. А то фокус сбивается.

— Стараюсь. Уж рука устала. Ничего, сейчас задымится.

Скоро, действительно, легкая змейка еле заметного дымка скользнула над пластиглазом.

— Ох, и вонючий же дым от него, — заметил Сережка.

— Ужас, — согласился я.

Дымок то исчезал, то появлялся снова. Иногда он становился совсем темным, с желтизной и начинал здорово есть глаза. Я даже жмурился. Дым лез и в горло, а Сережка чуть что, все кричал:

— Руку ровно держи, не видишь, что ли, фокус сдвигается!

Вдруг, к запаху плавящегося пластиглаза, стал примешиваться еще какой-то запах, менее едкий.

— Что-то еще, вроде, горит, — сказал я.

— Точно, согласился Сережа. — Да это ж гимнастерка твоя.

Я глянул на живот и тут же почувствовал, как горячий буравчик вворачивается мне в кожу над самой пряжкой. Я вскочил, отбросив от себя и кусок пластиглаза, и лупу, и уставился на свой живот. Аккуратненькая, черная по краям, еще дымящаяся дырочка размером с горошинку перца зияла на гимнастерке.

— Меня мать за это убила бы, — сказал с сочувствием Сережка. — Это от того, что он прозрачный, пластиглаз этот. Поди, уследи, где там фокус на нем. Да... Хоть домой не иди.

Мой взгляд почему-то упал на окошко, за которым сидела свинка, которой не надо было идти домой. Как я ей позавидовал!

ИБРАГИМ

Сережка как-то спросил меня:

— Ты рано встаешь?

— Рано. Даже по воскресеньям.

— А по воскресеньям-то чего? В школу ведь не надо.

— Сам не знаю. Проснусь — и лежу, чтоб другим не мешать. Иногда даже первый слышу, как по черному ходу стучат.

— Кто стучит-то?

— Женщина одна. С ней отец на рынке договорился, чтобы она нам молоко по утрам приносила, деревенское.

— А чего она не звонит?

— Так на черном ходе звонка нет.

— Почему?

— Потому что никто там и не ходит. На то он — и черный. А ей — ближе, парадная-то в следующем дворе. Вот она и колошматит, пока кто-нибудь не проснется.

— А мне так все равно — деревенское молоко или из магазина, — сказал Сережка. — Главное, чтобы в манной каше комков не было.

В это воскресенье я тоже встал рано. Правда, мама уже что-то делала на кухне. Одевшись, я сказал, что хочу погулять, и вышел на улицу. Когда мама закрывала за мной дверь, она пристально посмотрела на меня и сказала:

— У тебя неприятности какие-то? Я вчера уже заметила.

Я мотнул головой и еще быстрее заскакал по ступенькам.

Неприятности! Да в том-то и дело!

Ближайшим местом, где можно было гулять, был сквер под названием «ватрушка» и еще сто пятидесятый садик. В ватрушке гулять я не любил. Посреди нее высилась клумба, а вокруг стояли скамейки, и больше — ничего. Стоило показаться возле клумбы, как те, кто сидел на скамейках, поднимали от газет головы и со всех сторон смотрели на тебя. А вот сто пятидесятый садик — это другое дело. Только не подумайте, что рядом был еще сто пятьдесят первый, а дальше сто пятьдесят второй садики. Просто садик этот находился во дворе дома номер сто пятьдесят. Вот его и называли — сто пятидесятый. В него я и направился.

Войдя в калитку, я прошел мимо качелей и беседки. Сейчас в ней было пусто. Никто не качался и на качелях. По вечерам же скрип здесь стоял страшный. Никого не было и возле амурчика. Амурчиком называли голого каменного мальчика. Он стоял посреди фонтана, в самой середине сада, и со всех сторон в него били тонкие длинные струйки, но ему, наверно, это нравилось, потому что он улыбался и держал во рту кончик пальца. А вот за амурчиком сад ни с того, ни с сего превращался в настоящий лес. Березы, рябины теснились на газонах, а кусты сирени разрослись так, что когда кто-нибудь сидел под ними на скамейке, видны были одни только ноги.

На одну такую скамейку я и сел. Никого не было вокруг! И это было хорошо. Потому что именно для этого я и пришел сюда в это утро — чтобы сесть одному на скамейку и сидеть. И — думать. Об этих самых неприятностях.

На песке дорожки и на краю скамейки блестели свежие брызги. Значит, Ибрагим уже работал в саду.

Ибрагим — это дворник, который ухаживал за сто пятидесятым садиком. Ибрагима знали все. Потому что и утром, и днем, и вечером он всегда что-нибудь делал в саду или во дворе. Он подметал дорожки и тротуары, осенью сгребал в кучу листья, а потом закидывал их лопатой в кузов грузовика. Зимой расчищал от снега аллеи и обметал большой черной метлой скамейки. А когда начинались морозы, Ибрагим затаскивал в сад шланг и заливал водой площадку вокруг фонтана. И получался каток. Заливал он его горячей водой — чтобы лед получался ровным, и потом всю зиму по краям катка во льду были видны извилистые змейки, протопленные горячим шлангом. Весной, когда стаивал снег, Ибрагим закрывал на замки ворота и калитки в сад и вешал таблички: «Сад закрыт на просушку». В это время в саду можно было увидеть только его: он красил скамейки и ограды и вскапывал газоны. А когда Ибрагим залезал на лестницу и красил бронзовой краской амурчика, все знали, что сад скоро откроется. Но больше всего я любил смотреть, как Ибрагим поливает из шланга газоны. Шланг у него был длинный-длинный. Он тянулся от крана в стене дома и, как черная змея, большими кругами лежал на асфальте. Когда Ибрагим подтягивал его к себе, круги двигались и изменялись в размере, и казалось, что шланг — живой. В нескольких местах в шланге были дырочки, и из них тонюсенькими струйками била вода. Она сразу превращалась в водяную пыль, и иногда в ней стояли маленькие радуги.

Почти сразу я увидел и Ибрагима. «Ничего, один он мне думать не помешает», — решил я. Ибрагим, как всегда, был в старой жилетке, надетой на свитер, и синих шароварах, заправленных в сапоги. На голове у него, тоже как всегда, была выгоревшая на солнце тюбетейка. Он подметал соседнюю аллею, собирая в небольшие кучки опавшие листья. Скоро он поравнялся со мной.

— О чем скучаешь? — спросил меня Ибрагим.

— Я думаю, — ответил я.

— Ха! Тоже мне — нашел отдельное дело! Метла вон — тоже думает: сейчас ей этот лист в совок замести, или потом. А ты сидишь — и думаешь!

Ибрагим удивленно повел головой и потом спросил:

— И о чем же ты думаешь?

— Предзнаменование сбывается, — сказал я. — Вот я и думаю, как быть дальше.

— Какое предзнаменование?

— Какое-какое... Нехорошее! О нем мама сказала, когда мы ездили покупать букет для первого сентября.

Ибрагим перестал мести и оперся на метлу.

— И ну расскажи. Что это — за предзнаменование такое?

— Предзнаменование случилось, когда я потерял георгин из этого букета.

При слове георгин Ибрагим поднял голову и посмотрел туда, где поблескивали струйки фонтана. Ведь вокруг него были высажены и все еще цвели как раз георгины — желтые, красные, фиолетовые.

— Да нет, тот букет с георгином мы купили на Кузнечном рынке. А по дороге с рынка я этот георгин из букета и выронил. А он был в букете — самый красивый. Вот мама и сказала — это предзнаменование! Плохое, то есть. И после этого — как поехало! Во-первых, мой букет учительница взяла и подарила уборщице, которая во время первого урока заглянула к нам в класс со своей шваброй.

Тут я замолчал, потому что Ибрагим тоже стоял с метлой в руках.

— Потом... потом меня выгнали из школьной столовой, потому что я пришел туда есть не ихнюю сардельку с пюре, а грушу, которую принес из дома. Дальше — еще хуже. На уроке физкультуры я не попал мячом в дерево. И Ира, моя соседка по парте, решила, что я хвостун. А позавчера я прожег до дыры школьную гимнастерку.

— Спичками играл? — спросил Ибрагим.

— Да не спичками! Увеличительным стеклом, на солнце... Почему так, дядя Ибрагим?

Ибрагим оперся подбородком на конец метлы, который он сжимал в кулаке, и внимательно посмотрел на меня.

— Ты — непослушный? Учиться не любишь?

— Что вы, дядя Ибрагим! Знаете, как мне на самом деле нравится учиться?

— Да? И что же тебе нравится?

— Ну, арифметика... Особенно, когда надо складывать, например, ягоды смородины или крыжовника. Они в учебнике как настоящие нарисованы. Я считать еще летом научился, на даче. Я каждый день за-

ходил в огород и смотрел, сколько еще спелых ягод на смородине появилось.

— Молодец! Хозяином будешь, — сказал Ибрагим.

— И письмо мне нравится. У меня палочки с хвостиками в тетрадке почти сразу ровными стали получаться. А буква «Ф», большая, так вообще — самая красивая в классе. И вот — предзнаменование это... Все из-за него. Я теперь иду в школу и думаю: а что сегодня-то еще нехорошего может случиться?

— Э-эх! — воскликнул Ибрагим, и ткнул перед собой метлой в землю. — Сел думать! А зачем? Ведь даже этого одного понять не можешь. Э-эх! — и он еще несколько раз потыкал в землю метлой.

— Ты сколько времени уже в школу ходишь? — спросил он.

— Почти два месяца.

— Два месяца! Два месяца всего в школу ходишь! А уж смотри, сколько всего случилось! Георгин, когда букет для школы нес, потерял. Букет дарил, а его взяли, другой подарили, обидели. В столовую пришел есть, а тебя — взащей! Так? В дерево целился, целился, бац — промазал! Гулять пошел, гимнастерку огнем прожог. Мама-то ругала, а? Ведь ругала? А, может, и надрала? Ведь надрала? И-их! А Ибрагим? А Ибрагим все это время только и делал, что метлой мел. Каждый день! Каждый день — только метлой: вжих, вжих... А у тебя — то одно, то другое! Э-эх!

И Ибрагим, махая метлой, двинулся по аллее. «Бедный Ибрагим! — слышал я его ворчанье между вжих метлой, вжих, метлой. — Совсем старый стал! Во, какой старый стал...» Вжих, метлой, вжих метлой.

А я пошел домой. Не получилось у меня в этот день думать.

ПОД ЯБЛОЧКО

Надо рассказать, что там у меня с мячом на уроке физкультуры случилось.

Первый урок физкультуры мы провели в спортзале. Галина Николаевна отвела нас на первый этаж, где находился зал. У раздевалок уже стоял учитель физкультуры. Это был дядя в синем тренировочном костюме с угрюмым лицом и уже седой. В зале он построил нас в две шеренги.

— Меня зовут Юрий Петрович, — сказал он. — Я буду вести у вас уроки физкультуры. Кто мне ответит на вопрос: чем физкультура отличается от других школьных предметов?

Все молчали.

— Не знаете? А могли бы догадаться! Тогда скажу. Физкультура — это единственный предмет, по которому не задают домашних заданий. Почему? А потому, что, во-первых, у вас дома нет тех спортивных снарядов, которые установлены в этом зале.

— У нас во дворе есть турник, — сказал Леня Бокша — тот крепыш с ежиком, похожий на отличника.

— Вот-вот. И это — вторая причина. Потому что если я задам вам на дом разучить кувырок на турнике, то половина из вас на следующий день придет в школу в гипсе. Нет потому что учебников и задачников по физ-

культуре. Только учитель, а в спорте — тренер может научить вас чему-то. Так что на уроке физкультуры вы должны быть внимательны, как ни на каком другом уроке. И в этом смысле физкультура — один из самых главных предметов. А может, — Юрий Петрович задумался и глянул вверх на зарешеченное окошко под самым потолком, — может, и самый главный. А теперь — направо! И бежим вокруг зала.

И мы побежали. Грохот поднялся такой, словно кто-то взял за края большой лист железа и стал им трясти перед собой. Юрий Петрович не побежал с нами, а вышел на середину зала и медленно поворачивался, глядя, как мы бежим. Подбегая к углам зала, те, кто бежал первыми, притормаживали, чтобы повернуть, и тогда те, кто бежал следом, налетали на них. Леня Бокша поскользнулся на лаковом полу и, чтобы не упасть, несколько метров пробежал на четвереньках. Тот, кто бежал за ним, споткнулся о его ногу, чуть не упал сам и наступил кому-то на пятку. Тапок у того сорвался с ноги и, крутясь по полу, вылетел на середину зала. Наташка Филиппова, и так похожая на черепашку, стала похожа на черепашку, вставшую на задние лапы. Так она и бежала, расставив в стороны руки и ноги. «Переходим на шаг, — дал команду Юрий Петрович. — А теперь — стой!»

— Вот, видите, — сказал он. — Даже бегать, и то надо научиться. А сейчас я покажу вам, на каких снарядах нам предстоит заниматься. В любом физкультурном зале первое, что вы увидите — это шведская стенка. Сейчас я залезу на нее и покажу, как подтягивать ноги, чтобы мышцы на животе стали как железные.

«Неужели он еще по стенкам лазит?» — подумал я. Юрий Петрович подошел к шведской стенке и действительно быстро-быстро полез вверх. Он так быстро перебирал руками и ногами по перекладинам стенки, что напомнил мне паука, который жил у нас на даче в туалете. Как только я туда заходил, он быстренько перебежал из середины паутины в угол.

Юрий Петрович повис на верхней перекладине спиной к стенке, поднял ноги и подержал их под прямым углом. При этом его футболка вылезла из шаровар, приоткрыв мышцы, которые были, наверно, как железные, а также глубоко утонувший в них пупок.

— А сейчас я покажу вам козла, — сказал он, когда слез со стенки.

Он пошел в другой конец зала, где под щитом с баскетбольной сеткой темнела маленькая дверь.

— Он что, сейчас козла выведет? — прошептала соседке Наташка Филиппова. Но оказалось, что физкультурный козел — это такая обтянутая кожей чурка на четырех растопыренных ногах. Я сразу вспомнил, что на даче у нас в сарае тоже стоял козел — на нем пилили дрова. Только тот козел был более длинный и больше походил на физкультурного коня, через которого Юрий Петрович, хорошенько разбежавшись, тоже прыгнул. Но больше всего мне понравились кожаные маты. «Вот бы скорей начать на них плюхаться», — подумал я.

По расписанию физкультура была два раза в неделю. Юрий Петрович сказал, что пока тепло и не идут дожди, мы будем заниматься на улице. Погода стояла хорошая, и на следующий урок мы пошли заниматься в Лавру. Мы шли парами. Впереди строя шел Юрий Петрович,

а позади — Галина Николаевна. Юрий Петрович нес в одной руке сетку с белыми теннисными мячами, а в другой — красный флажок, которым старательно махал перед носом остановившегося грузовика, пока мы переходили улицу.

Я шел рядом с Ирой.

— Эти мячи — для тенниса, — сказал я.

— Знаю, — ответила Ира. — У меня такой есть.

— А у меня — нет, только обычный, резиновый. А эти войлоком обшиты. Хорошо, что дождя нет, а то они сразу намокнут. Наверно, будем учиться играть в теннис.

— А я слышала, что мы будем бросать мячики в цель.

— В цель — это интересно. Мы с папой, когда гуляем, часто заходим в тир, — сказал я. — Папа пульки покупает себе и отдельно мне. Пульку я сам вставляю, папа только мне винтовку пополам сгибает. Они в тире — пневматические. Их когда согнешь пополам, они сжатым воздухом заряжаются.

— Никогда этих тиров не замечала, — сказала Ира.

— Ну и напрасно. Если пойдешь, то иди лучше в тот, что перед площадью. Там мишеней больше. Например, есть мишень-арбуз. Попадешь в белый кружок под ним, и арбуз на две части раскалывается. Арбуз, кстати, очень спелый, красный весь, а косточки — черные. Еще мельница ветряная — хорошая мишень. Но больше всего мне нравится мишень-самолет. Он под потолком подвешен. Правда, кружок для прицеливания у него маленький-маленький. Наверно, специально, чтоб реже попадали. А уж если попал — самолет зажужжит и начнет под потолком кружиться. Даже пропеллер у него крутится.

— Лучше бы в теннис играть поучили, — сказала Ира.

— Отец-то у меня любит стрелять по бумажным мишеням, — продолжал я. — Это такой белый квадратик, а на нем кружки черные напечатаны, один меньше другого. Их десять. Если говорят «попал в десятку», значит, попал в самый маленький кружок, в центр. Попасть в десятку — это значит самый меткий выстрел. Если же в кружки не попал, а рядом, в белый лист, то тогда кричат — «молоко!» Это значит, что ты — мазила. Или — марала. Мой папа, когда футбол по радио слушает, то всегда, как только кто-нибудь по воротам промажет, кричит: «Марала!».

Ира все время молчала, пока я рассказывал. Я решил, что это потому, что ей интересно, и продолжал:

— А целиться из винтовки можно двумя способами: «по центру» и «под яблочко». Так и прицелы у винтовок по-разному устроены. По центру — это когда в сам кружок целиться надо. А «под яблочко» — это когда под него. Я-то люблю больше «под яблочко». Это интересней. В кружок что — прицелился в середину, и пали. А тут — момент поймать надо, чтобы мушка точно под кружком встала.

— А эти кружки, мишени эти — большие? — спросила Ира.

— Были бы большие — тогда б не интересно было. В том-то и дело. Есть такого размера, как пуговица от пальто. А есть — у мишени-самолета, например, — так всего-то с копейку.

— И часто ты попадаешь?

— Ну, по-разному бывает... Но в последнее время мы с отцом частенько в тир заходили. Так что я, как говорится, руку набил.

Ира посмотрела на меня, а я постарался сделать лицо ну... таким, в общем, словно ничего особенного.

В Лавре мы прошли через весь сад и остановились на площадке перед высоким забором. С трех других сторон площадку окружали кусты сирени. У забора же, почти вплотную к нему, росло несколько высоких тополей.

Юрий Петрович, громко считая, отмерил от одного дерева пятнадцать шагов и провел ребром подошвы черту по земле. Потом он взял за руку самого высокого мальчика в нашем классе — его фамилия была Веселов — и подвел к черте.

— Даю команду — громко сказал он, — всем встать друг за другом за Вовой Веселовым.

Когда за Веселовым выстроилась змейка учеников, Юрий Петрович сказал:

— Тема сегодняшнего занятия — бросок мячом. И не просто бросок, а бросок в цель. Целью нам будет служить ствол вот этого дерева. Как видите, он не очень тонкий, и не очень толстый. А сейчас смотрите, как надо правильно бросать мяч.

Юрий Петрович встал между нами и забором и стал показывать:

— Одна нога ставится носком к черте, другая — на расстоянии большого шага от нее, ступней поперек. Тяжесть тела переносите на эту ногу. Затем отгибаетесь и отводите руку с мячом назад, а другую вытягиваете перед собой. Руки должны быть — как коромысло, покачиваться. Потом отгибаетесь еще больше и сразу — бросок. И — главное: чтобы попасть в цель, не надо смотреть на руку и мяч. Только на то, во что целишься. Мозг сам правильно направит вашу руку.

Когда Юрий Петрович сказал про мозг, я вспомнил вот что. Как-то на перемене я заглянул в чужой класс, в котором учились старшеклассники, и увидел плакат, висящий на доске. На плакате была нарисована человеческая голова в разрезе. Мозга тоже в ней была только половина. Чуть впереди торчал глаз — он был похож на разрезанное пополам яйцо. Глаз соединялся с мозгом чем-то вроде веревочки. Зрачок глаза был узким-узким, словно он сжался потому, что как раз во что-то целился.

Первым бросал Вова Веселов. Он широко расставил ноги и раскинул руки.

— Левый глаз можно не закрывать, — сказал Юрий Петрович. — Ты же не из рогатки целишься.

Веселов бросил мяч и попал. Юрий Петрович поручил ему собирать и подносить брошенные мячи. И мячи замелькали в воздухе. Наверно, Юрий Петрович очень хорошо все объяснил, потому что почти все попадали в дерево. У меня же в голове вертелось: мозг-то, конечно, мозгом, но ведь все-таки надо как-то целиться. Хорошо бы, «под яблочко». Но у тополя не было на стволе никакого яблочка.

Передо мной оставался всего один человек — Сережка Рунышков. За мной перетаптывалась в нетерпении Ира. Сережка бросил и попал. Я наклонился и взял мяч. От наклона мне показалось, что глаз у меня

вылезает из мозга и повисает на веревочке. Наверно, по ней уже бежали команды, как бросать. Я оттянул руку назад. Странная тишина стояла вокруг. «Куда вдруг все делись?», — подумал я. Тишина была такая, что я даже услышал, как тихонько свистнул мой мяч, рассекая воздух. И как только он свистнул, сразу все вокруг появилось. И все стояли и смотрели, как летит мой мяч. А летел он прямо-прямо на ствол тополя. Прямо-прямо. И вдруг — что за черт! Не долетая до ствола метра три, он вдруг начал плавно отклоняться в сторону. Плавно-плавно. И словно я этого и хотел — уж очень красиво он поворачивал — мяч просвистел в полуметре от ствола и стукнулся о доску забора.

«Марала!», — услышал я сзади. А может, и не услышал. Может, это сказала Ира. А может, и не говорила. Какая разница. Все равно — марала!

Ира тоже попала в дерево. Она прошла мимо меня, даже не взглянув.

— А интересный вот был бросок у этого мальчика, — вдруг сказал Юрий Петрович, делая несколько шагов в мою сторону.

— Его Леша Коваль зовут, — подсказал, хоть его не просили, Вовка Веселов.

— Такие броски называют кручеными, — продолжал Юрий Петрович. — Мяч летит сначала прямо, но вдруг изменяет направление. Такие удары часто используют в футболе, когда бьют по воротам, чтобы обмануть вратаря. Ты в футбол не играешь? — спросил меня Юрий Петрович.

Когда мы шли обратно, мне что-то совсем не хотелось разговаривать с Ирой. Да и она молчала. Только когда мы уже совсем подходили к школе, она сказала:

— Тебя Юрий Петрович спросил, играешь ли ты в футбол, а ты не ответил. Отвечать надо, когда взрослые спрашивают.

— Ну, играю.

— Ну и играй. А когда в следующий раз мячи будем бросать, ты лучше не «под яблочко», а в соседнее дерево целься. Тогда, может, в то, в которое нужно, и попадешь. Своим знаменитым, крученым.

ОКТЯБРЯТА МЫ

В начале октября Галина Николаевна попросила всех набрать и принести по кучке желудей, чтобы потом на уроке труда делать из них человечков и другие фигурки. И вот, вспомнив об этом, мы с Сережкой пошли в Лавру.

В Лавре народу почти не было. Даже у горки, где всегда греются на солнышке мамы с колясками, было пусто.

— И чего раньше не пошли? — сказал Сережка. — Галина Николаевна давно уж говорила. Того гляди, снега навалит.

Это верно. Каблуки уже стучали о землю, а листья, которые мы поддевали ногами, были скрученные, как крышки консервных банок. Сережка забегал вперед и бил каблуком по замерзшим лужам. Желуди валялись и на дорожках, и на газонах, но почти все они вмерзли в землю. Я даже поцарапал палец, когда отковыривал один.

— В среду нас в октябрюта принимают, — сказал Рунышков.

— Знаю.

— А я даже знаю, кто в какой звездочке будет. Весь класс ведь на звездочки поделят. В каждой будет по пять человек. Мы с тобой, кстати, в одной. Еще в ней Ирка — твоя соседка по парте, Наташка Филиппова и Стасько. Тебе значок октябрятский купили?

— Купили.

— Металлический или пластмассовый?

— Металлический. Он мне больше нравится. Какой-то он — крепенький, надежный.

— А я пластмассовый захотел. У него звездочка — как рубиновая.

— Ты в монтаже участвуешь? — спросил я.

— В каком монтаже?

— Монтаж — это когда несколько человек на сцене встают, и каждый свою часть читает. А все вместе — монтаж называется. После того, как нас в октябрята примут, концерт будет. Я в этом монтаже в самом конце должен две строчки прочитать.

— Всего две?

— Зато одна — на английском языке.

— Так ведь мы еще иностранный язык не учим.

— Да там всего три слова коротких: «Ван, ту фри, октябрята мы».

По-русски это значит — раз, два, три.

— А зачем — по-английски? По-русски нельзя было?

— Не знаю. Наверно, для важности.

— А я знаю, как раз-два-три по-немецки будет, — сказал Рунышков. — «Айн, цвай, драй». Это мне мама рассказала. У них в деревне во время войны мальчишки знаешь, что делали? Подойдут потихоньку к немецкому полицейскому сзади — их полициярами называли — и давай передразнивать. Ну, как те идут, руками машут. А при этом тихо-тихо повторяют: «Айн, цвай, драй, дохлый полицейай!».

— Айн, цвай, драй, — это мне даже больше нравится, — сказал я. — Жаль, что не по-немецки надо читать.

В среду после третьего урока нас повели в актовый зал. За окнами светило солнце, но в зале горели все лампы на стенах и даже огромная люстра под потолком. Сначала выступил командир пионерской дружины. Он сказал, что теперь мы будем не просто школьники, а — октябрята. И поэтому должны жить по правилам октябрят. И если эти правила мы будем выполнять, то потом нас примут в пионеры. А если мы будем выполнять законы юных пионеров, то потом нас примут в комсомольцы. В зале было очень душно, почти все сразу начали зевать. Наверно, поэтому командир дружины не стал говорить, что будет после того, как нас примут в комсомольцы. Зато он прочитал нам правила октябрят. «Сразу, может, их не запомнить, — сказал он. — Но на концерте они прозвучат еще в стихотворной форме, а потом учительница даст их вам переписать в тетрадь». После этого на сцену стали поочередно выводить классы, и старшеклассники — наши вожатые нацепляли каждому октябрятский значок. А потом начался концерт.

Первым выступал хор. Поднимался он на сцену по двум лесенкам, расположенным по ее краям, поэтому сначала его участники словно поиграли в пятнашки. Они бегали по сцене, толкали друг друга, пока,

наконец, каждый не занял свое место. После этого на сцену поднялась учительница пения. Встав перед выстроившимся хором, она вынула из кармана что-то очень похожее на маленькую вилочку и стукнула по ней пальцем — словно дала щелчок. Вилочка тонко прозвенела, а хор потянул вслед за ней: «А-а-а...». Учительница пения еще раз дала вилочке щелбан, «а-а-а» стало еще больше походить на ее звон, и хор запел:

То березка, то рябина,
куст ракиты над рекой,
край родной, навек любимый,
ты такой же, все такой...

Эту песню часто исполняли по радио, и она мне очень нравилась, только я не знал, что такое ракита, и никогда не видел, как она растет. При слове ракита мне вспоминалось другое слово — кикимора, и ракита представлялась мне поэтому корявым, высохшим деревом. Потом один шестиклассник, победитель конкурса чтецов, прочел длинное стихотворение Михалкова. Почему-то когда он читал, то все время смотрел куда-то поверх наших голов. Я даже привстал и посмотрел, куда это он смотрит. В стене зала за нашими спинами были два маленьких окошечка, совсем, как в кинотеатре. В одном окошечке на мгновение показалась и исчезла чья-то голова.

— Может, нам и кино покажут? — спросил я шепотом у Рунышкова, который сидел рядом.

— Хорошо бы, — сказал он. Но тут на нас зашикала Наташка Филиппова, сидевшая сзади.

Чтец на сцене, когда начинал новую строфу своего длинного стихотворения, делал шаг вперед. То правой ногой, то левой. Так переступая, он постепенно приблизился к самому краю сцены. Смотрел он все так же туда, откуда нам могли показать кино.

— Гляди, сейчас со сцены грохнется, — прошептал мне Рунышков.

Он даже привстал, чтобы лучше это увидеть. Но чтец вдруг резко повысил голос, откинул в сторону одну руку, склонил голову и замолк. Наташка Филиппова сзади нас неистово захлопала.

Объявили монтаж. Когда я встал и протискивался между коленями Рунышкова и спинкой переднего кресла, он напутственно поглядел на меня.

Первой свою часть монтажа читала Ира:

Мы не просто уж ребята,
Мы ребята — октябрыта.
Сколько дел у октябрят!
Знать уроки — лишь на пять!

Затем вступила Марина Стасько:

Бабушке, хоть незнакомой,
Помоги нести до дома

Сумку с хлебом, молоком.
Дома приберись потом.

Затем подхватила Оля Майорова:

Если чашку ты разбил —
Не вали на кошку.
А обиду затаил —
Посердись — немножко.

Лучше позови играть
Друга, чем сердиться:

(Это уже продолжила Наташка Филиппова)

Рисовать, лепить, читать.
Главное — трудиться!

После этих слов Наташка, стоявшая сбоку от меня, тихонько ткнула меня краешком ладони в ногу. «И так знаю, что моя очередь», — хотел сказать я, но времени на это уже не было.

— Ван! — громко воскликнул я и сделал шаг вперед.

И тут я увидел выставившееся лицо Рунышкова. Он даже привстал со своего места, чтобы лучше видеть, как я читаю свои две строчки. Наверно, я смотрел на него лишь несколько секунд. Но из-за этих нескольких секунд он, похоже, решил, что я забыл свою часть. И тогда он еще больше выставил вперед голову и стал старательно и беззвучно двигать губами. И я, сам не знаю, почему, вслед за «ван» произнес:

— Цвай!

А потом:

— Драй!

А так как ничего другого, чтобы было в рифму, я прибавить к этому не мог, то я и закончил:

— Дохлый полицей!

Наверно, мне только показалось, что я произнес это очень тихо, потому что наши вожатые, сидевшие в первом ряду, прямо покатались со смеху.

Почему-то все захлопали. Наверно, всем просто уже надоело сидеть, и все были рады, что концерт закончился.

Когда потом все выходили из зала, я старался не попадаться на глаза Галине Николаевне. К счастью, уроков после принятия нас в октябрю уже не было. Забрав в классе портфели, мы вышли из школы. Сережка Рунышков, ничего со своего места в зале толком не услышавший, шел рядом со мной. Он явно чувствовал себя героем, выручившим друга в трудную минуту. Он пошел к своей парадной, а я по Конной улице домой. Я специально не застегнул пальто: мне хотелось, чтобы все видели на моей груди звездочку. И вдоль лотков у рынка я тоже шел медленно, заглядывая на продавцов, чтобы и они заметили.

ЛАМПА АЛАДДИНА

— Ну, вот, и зимы дождались! — сказала мама, глядя утром на градусник за окошком. — Пора бы! И как мороз-то завернул! Минус восемь!

И действительно. Когда, идя в школу, я шел мимо рынка, никто не копошился возле лотков. А перед той дверью, из которой уборщицы по утрам выплескивали на панель грязную воду, бугрился лед. Я уже подходил к концу рынка, как вдруг что-то большое метнулось над тротуаром. И сразу, вместе с холодным воздухом, я вдохнул знакомый, колкий запах. Елки! И на самом деле. Возле тротуара, наехав на него колесами, стоял грузовик. Два дядьки возвышались над его кузовом и метали, как копья, елку за елкой. Пролетев над тротуаром, елки плюхались за дощатую загородку. Еще вчера днем ее здесь не было. Падая, елки задевали за лампочки, развешенные над загородкой, и от прыгающего света казалось, что все вокруг ходило ходуном. И стены рынка, и мостовая, и грузовик, и дядьки над его кузовом.

Елки! Значит скоро — Новый год! Нет на свете никакого праздника лучше Нового года. А теперь вместе с Новым годом еще начинались и каникулы! Когда я подходил к школе, настроение у меня было такое, словно мне поставили пятерки сразу по всем предметам.

На уроке труда мы теперь делали елочные гирлянды. Надо было нарезать на тонкие полоски разноцветную бумагу, а потом склеивать их в колечки, вставляя одно в другое. Скоро на каждой парте высился ворох бумажных завитушек.

— На очистки картофельные похожи, только разноцветные, — сказал я Ире.

— Можно подумать, что ты когда-нибудь чистил картошку, — ухмыльнулась она.

— Картошку не чистил, а морковку — чистил. Ее ножом скрести надо, и рукой двигать — от себя. А то забрызгаешься.

В конце урока Галина Николаевна объявила, что перед каникулами мы пойдем в Большой театр кукол — смотреть спектакль «Волшебная лампа Аладдина». И велела принести деньги на билет. Нет, такого радостного Нового года я еще не помнил! Вечером, когда отец давал мне деньги, он сказал:

— «Волшебная лампа Аладдина» — это сказка из «Тысячи и одной ночи». Есть такая книга восточных сказок. Там царица Шахерезада рассказывает каждую ночь по сказке.

Засыпая, я лежал в темноте и старался представить, сколько это — тысяча и одна ночь.

В театр мы ехали на трамвае. Трамвай подошел старый, с двумя длинными-длинными вагонами, почти пустыми. Ведь была середина дня, и никто еще с работы не ехал. Вместо обычных сидений в этом трамвае вдоль каждой стенки тянулась деревянная скамейка. Так что сидели мы лицом друг к другу. Поперек стояла только одна скамья — на задней площадке. Пока мы ехали, я проспорил Сережке шоколадку-медальку — они продавались в нашей школьной столовой. Дело было так.

На одной остановке в вагон с задней площадки вошел человек. В руке он держал перевязанный крест-накрест большой торт. Вообще-то

люди на остановках, когда замечали, что весь первый вагон набит детьми, садились во второй вагон. А этот дядя, видно, не заметил. Поставив торт на сиденье на задней площадке, он пошел через весь вагон к кабине и стал что-то спрашивать у водителя. А как только он пошел обратно, трамвай резко дернулся и сразу понесся. И дядю этого будто кто в спину толкнул — так он вдруг побежал по проходу к своей скамейке. Да еще кто-то из нас не успел убрать ногу из прохода. И дядя споткнулся и еще быстрее ринулся вперед, махая руками.

— Сейчас торт раздавит, — быстро сказал мне Сережка. — Спорим?

— На шоколадку, — сказал я, суя ему руку, потому что был уверен, что выиграю.

Ну не мог же этот дядька раздавить свой огромный торт! Но задняя площадка была чуть ниже, чем весь вагон, и дядька, шагнув в нее, так и рухнул. И правым коленом так и въехал в торт.

— Жалко, — сказал Сережка. — Торт-то из магазина «Север», там все торты — знаешь, какие дорогие.

Мы чуть опаздывали, и сразу из раздевалки побежали в зал. Начался спектакль.

В антракте мы пошли с Сережкой посмотреть, что интересного есть в фойе. Посреди него, у стены, стояла большая елка. Слева от нее на столах были разложены и продавались всякие хорошие мелочи: машинки, книжки-раскраски, наборы пластмассовых солдатиков, волшебные палочки, светящиеся в темноте, карнавальные маски. А вот справа стояла тренога с косо укрепленным зонтиком и маленьким прожектором. Около нее сидел на стуле человек с большим фотоаппаратом в руках. Рядом, привалившись спиной к стене, стоял его помощник — невысокий дядя с огромным животом.

— Вот это пушка! — сказал Сережка, кивая головой на фотоаппарат.

Тут подошла Марина Стасько со своей мамой — она была в родительском комитете и сопровождала нас вместе с Галиной Николаевной в театр.

— Сфотографируйте, пожалуйста, мою дочку, — сказала Маринина мама. — Сколько это стоит?

— Смотря с кем фотографироваться, — ответил фотограф.

— Ну, со мной, наверно...

— Зачем — с вами? Например, можно со змеей. Саша, покажи даме удава, — сказал фотограф, обращаясь к помощнику.

Толстый помощник расстегнул две верхние пуговицы на своей куртке, запустил за пазуху руку и начал медленно, словно разматывая с себя, вытягивать из-под куртки настоящего живого удава.

— Что вы, что вы, — проговорила Маринина мама. — Этот антураж не для девочки...

— Саша, тогда — кролика, — обратился фотограф к помощнику.

Помощник Саша как-то очень ловко замотал удава обратно, расстегнул еще две пуговицы и вытащил из-за пазухи коричневого, очень мохнатого кролика.

— Вот очень хороший кролик, — сказал фотограф.

— Какая прелесть! — воскликнула Марина и сразу потянула к кролику руки.

— Ангорской породы, — сообщил фотограф. — Видите, кисточки над ушами? Отличительная черта. Зовут его — Плюша.

Фотограф усадил Марину на стул перед елкой, отошел, поднял фотоаппарат и стал прицеливаться для снимка.

— Руки с кроликом — выше, а подбородок — ниже, — скомандовал он.

Потом он расставил ноги и нагнул туловище. Потом присел на одно колено, левую руку упер локтем в грудь, а локоть правой высоко задрал вверх. Потом, не поднимаясь, как танцор вприсядку, скакнул вправо, потом, еще больше, влево. В отличие от него Марина сидела, словно окаменев. Но я заметил, что потихоньку она поглаживала указательным пальцем кролику шерсть на животике. Наконец над фотоаппаратом блеснула вспышка, и одновременно на мгновение вспыхнул проектор на треноге.

— Готово! — сказал фотограф. — Хотите, можно еще сделать снимок с обезьянкой.

— А что, есть обезьянка? — спросила мама Марины.

Фотограф кивнул помощнику Саше. Тот быстро отправил кролика Плюшу куда-то обратно в свой живот, расстегнул еще одну пуговицу на куртке и вытащил небольшую, красно-рыжую обезьянку.

— Макака бурая медвежья краснолицая, — объявил фотограф. — Это — по-научному. А по кличке — Циля.

В отличие от кролика, макака Циля вертелась на руках у Марины еще быстрее, чем скакал фотограф со своим фотоаппаратом. К тому же она все время что-то искала в своей шерсти тонкими быстрыми пальцами. А найдя это что-то, тут же отправляла в рот и прикусывала. Прозвенел звонок. Вспыхнули вспышки, макака Циля скрылась в бездонном животе помощника Саши, и мы побежали в зал.

На следующий день на уроке Галина Николаевна спросила:

— Ну как, понравился спектакль? Интересная сказка?

— Понравился! — раздались голоса.

— А кто скажет, что ему больше всего понравилось в спектакле?

Все стали тянуть руки, моя соседка Ира, конечно, выше всех.

— Мне больше всего понравилось, — сказала Ира, когда злой волшебник начал колдовать в пустыне. Свет над сценой погас, и появилось фиолетовое небо с огромными звездами. Было так красиво!

— А что больше всего понравилось Сереже Рунышкову? — спросила Галина Николаевна.

— Мне? — переспросил Сережка. — А вот когда Аладдин приказал джинну отправить злого волшебника на все четыре стороны. Злой волшебник тут же взял и разделился на четверых самого себя. И все четыре разбежались кто куда. Вот бы мне так. Тогда я один сидел бы тут с вами в классе, второй — катался бы в это время с горы на лыжах, третий сидел бы в кино, а четвертый.... Ну, четвертому тоже дело бы нашлось.

Все засмеялись.

— А что Марине Стасько понравилось? — спросила Галина Николаевна.

— Кролик Плюша и обезьянка Циля! — воскликнула Марина.

— Ну, хорошо. А вот скажите: кто-нибудь знает русскую сказку, хоть в чем-то похожую на «Волшебную лампу Аладдина»?

В классе стало тихо. Все старательно думали. Ленка Бокша даже весь покраснел, а Ира, поджав губы, прямо замерла, глядя в одну точку на парте.

— Знаю! — сказал я.

— Ну-ка, ну-ка, Леша Коваль, говорите, — даже сделала два шага ко мне Галина Николаевна.

— Это сказка про Емелю. «По щучьему велению» называется.

— Да? Интересно... — И Галина Николаевна даже склонила набок голову. — И что же ты нашел в этих сказках похожего?

— Так там почти все похожее. Содрали они с нашей сказки. Аладдин любое желание мог исполнить с помощью лампы. Стоило ему ее три раза потереть, и вылетал джинн, и все делал. А Емеля — с помощью щуки, тоже волшебной. Нужно было только не тереть ее, а сказать: «По щучьему велению, по моему хотению».

— Ну, хорошо. А что же еще?

— А и все остальное — тоже. Аладдин был бедный, и Емеля был бедный. Аладдин стал лучше жить, когда лампу нашел, и Емеля — когда щуку поймал. И их обоих царь во дворец пригласил...

— На востоке он называется — султан, — поправила меня Галина Николаевна.

— Ну, султан, какая разница. И оба они как увидели царевен, так и влюбились. Потом Аладдина за это в подземелье посадили, а Емелю — в бочку и в море бросили. Но в конце сказки оба все равно на царевнах женились.

— Ну, какая из этих сказок более древняя, это только ученые знают, — сказала Галина Николаевна. — А похожего, действительно, много. Только знаешь, Леша... Если ты внимательно считаешь эти сказки, то найдешь и много различий. Аладдин, например, пока был бедный, все время работу искал, даже лавки купцам подметал. А Емеля только и делал, что на печке лежал. Даже когда он разбогател, он так на печке и валялся. А Аладдин — тот сразу учиться пошел.

— Мне Емеля тоже больше нравится, — сказал вдруг Рунышков, наверно, чтобы поддержать меня. — И на русской печке он по деревне здорово гонял!

— Конечно, у Емели тоже есть притягательные черты, — согласилась Галина Николаевна. — А какие, кто скажет?

— Емеля — наивный, — вступила в разговор Анюта Веснина. — Он красный кафтан мог легко от щуки получить. А царь ему его пообещал, чтобы во дворец заманить, он и побежал.

Тут зазвенел звонок. На следующем уроке мне ужасно захотелось пить. А когда на перемене я шел по коридору к фонтанчику с водой, мне казалось, что вокруг так шумно, словно все с ума посходили. Когда я пришел домой, то сразу сел на диван, даже обедать не стал. Мама подошла ко мне, подняла мою голову и внимательно на меня посмотрела.

— А глаза-то у тебя — больные, — сказала она. — Ну-ка, возьми градусник.

Когда она вынула его у меня из подмышки, на нем было тридцать семь и пять.

— Так я и знала! — сказала мама. — Стоит отпустить ребенка на какую-нибудь экскурсию или еще куда — обязательно простудят.

Когда пришел с работы папа, у меня было уже тридцать восемь с половиной. И я все время спал. Вдруг я проснулся — это мама обвязывала мне голову полотенцем, от которого пахло уксусом. Она обернула мне голову полотенцем так, что мне стало казаться, что у меня на голове — чалма и что я — Аладдин. Потом я снова заснул. И мне снилась желтая-желтая пустыня. По этой желтой-желтой пустыне сама собой ехала белая русская печка. А на печке сидел я. Из трубы печки валил дым, а из дыма выглядывал джинн. Он был страшный, как ночь, и говорил: «Слушаюсь и повинуюсь!» А рядом с печкой бежали верблюды, и на каждом верблюде сидел русский богатырь. И каждый богатырь держал в руке не палицу, а большую щуку. А впереди верблюдов неслись по песку две лыжи, и на них стояло деревянное ведро с водой. И из воды и кусков льда выглядывала не щука, а сидела в ведре Марина Стасько, которая была царевной, и на которой я хотел жениться. И я стучал лбом о печку и повторял: «Слава Аллаху!» И мне нравилось прирагиваться лбом к каменной печке, потому что она была почему-то не теплой, а прохладной. И я открыл глаза и увидел маму. Она склонилась надо мной и трогала мне ладонью лоб. И говорила:

— У тебя еще температура, но уже меньше.

К Новому году я поправился.

МОЖНО — НЕЛЬЗЯ

— Тебе из девчонок кто больше всего нравится? — спросил меня как-то Сережка Рунышков.

— Мне? — Я саданул ногой по ледяному комку, и когда он долетел до стены дома, сказал:

— Ира. А тебе?

— А мне — Марина Стасько. А почему тебе — Ирка? Влюбиться, что ли, успел?

— Да ну тебя. Чуть что, так сразу — влюбился. Я и сам не знаю, почему. Просто она вся какая-то... Как фигурка фарфоровая среди шоколадных конфет. Видел, в гастрономе на углу на прилавке?

В этом магазине в кондитерском отделе на витрине действительно стояло несколько фарфоровых фигурок. А вокруг — разные шоколадные конфеты в вазочках. Фигурки были такие: лыжник, катящийся с горы; девочка с портфелем, в шубке и с серым шарфиком, конец которого был перекинут через плечо, и еще медвежонок, поднявший лапу. Вот эта девочка с шарфиком и была совсем как Ира. Вернее, Ира — как она. Вся какая-то такая... Ну, ни черточки лишней.

— У твоей Ирки косички тоненькие, — сказал Сережка. — А у Марины — коса, так коса! Хоть сзади висит, хоть на плечо спереди положит — издали видно!

— Да, Марина Стасько — красивая девочка, — согласился я. И щеки у нее — прямо горят. Еще мне нравится, что у нее волосы надо лбом выбиваются, хоть в косу убраны.словно ветер растрепал. А глаза, какие у нее — заметил? Всегда — словно она стихотворение у доски читает. Сверкают прямо...

- Подожди, — перебил меня Рунышков. — Тебе же Ира нравится.
- Ну.
- Так я не пойму: Ира — или Стасько?
- Стасько тоже нравится. Я когда домой из школы иду, или гуляю, всегда на ее окна смотрю. На Конную улицу как от школы свернешь — они в третьем доме от угла. Однажды она даже выглянула и посмотрела на меня. Занавеску, правда, тут же задернула. Но я остался стоять и смотреть. Минут пять стоял. Даже замерзать стал. Особенно пальцы в ботинках — как деревянные стали.
- А чего ты тогда ее снежками из-за засады закидал?
- Это в пятницу-то, когда со второй смены шли? Так это мне Ленька Бокша говорит: давай, устроим девчонкам снежную темную? Это как, говорю, снежную — темную? Снег-то — белый, светлый то есть. А закидаем, говорит Ленька, снегом их так, чтоб вообще ничего не видели. Ну вот. Встали мы с ним за стволы тополей перед входом в школу. Он — справа, а я — слева. Наконец, выходят — Ира, Маринка твоя, Ада Корнер и Оля Майорова. Как начали мы в них снежками пулять! Снежки-то мы заранее налепили, каждый — по кучке. Они сначала стали портфелями прикрываться да спиной поворачиваться, а потом Майорова как закричит: «Девочки, вон они, давайте их лучше портфелями отлупим!» Их все же четверо было. Смотрю, Бокша за кусты, за кусты и убежал.
- Струсил, значит.
- Да нет. Просто ему и не отбиться было бы. У него же ранец, он его всегда чуть не полчаса со спины стягивает. Только Ада одна, кажется, и не кричала, и за Майоровой в нашу сторону не кинулась.
- Аду Корнер вчера отец после школы встречал, видел? — прервал меня Сережка. — Он у нее капитан, только не знаю, какого ранга. В форме. Пуговицы — знаешь как блестят! И кокарда — вот такая на шапке. — И Сережка показал руками, какая у него кокарда. — А однажды он даже с кортиком пришел. У него ручка — из слоновой кости.
- Врешь. Кортики просто так моряки не носят, только на параде.
- Ей Богу. Он вообще у нее — высокий! Моя бабушка как увидела его однажды, так говорит: «Батюшки! Вот это красавец! Словно крейсер в улицу заплыл!».
- Да. Ада Корнер — интересная девочка, — подытожил я. Кстати, она самая высокая в классе. И пальцы у нее — длинные-длинные. Полу-прозрачные аж. А на кистях — синие прожилки, и на висках — тоже.
- Неразговорчивая она, — заметил Сережка. — И имя странное — Ада.
- В том-то и дело. Имя — и то совсем другое, чем у всех. А живет она, знаешь, где? В угловом доме на проспекте, самый высокий который. На последнем этаже. Их комната окном как раз в эркер выходит.
- В какой эркер?
- Эркер, — это выступ на доме, по краям или на углу, мне отец рассказал.
- Сережка повел бровями. Видимо, то, что Ада Корнер жила в эркере, произвело на него впечатление.

— Вообще говоря, — сказал я, — Ада — может быть, самая красивая девочка в нашем классе. У нее и волосы — ни у кого таких больше нет.

— Блондинка, — безразлично заметил Сережка.

— Какая блондинка! У блондинок волосы светлые совсем, с желтизной. А у нее ... Ну, как ракушка изнутри. Перламутровые. Даже переливаются.

— Не пойму, — сказал Сережка. — Так тебе кто больше нравится-то? Ира твоя? Или Марина Стасько? Или Ада Корнер? Или все сразу? Так разве — можно? Чего молчишь-то?

А я и на самом деле молчал. Получалось, что мне на самом деле нравились сразу все трое. Только почему-то мне было неудобно в этом признаться. Почему-то сказать, что тебе нравится одна — легко, а что сразу трое — нет.

— Ну, ты даешь! — сказал Сережка.

В следующий вторник после уроков мне надо было идти на хор. То есть — в кружок пения. Я еще месяц назад записался. Никакого особенного голоса у меня не было. Записался я в хор потому, что во всех остальных кружках мест уже не было. Только в хоре. А хор в этом отношении удобен. В нем вообще человек может быть — сколько угодно. И одним человеком больше или меньше, например, мной — никто и не заметит. Занимались мы в том же классе, где проходили уроки пения. Учительница пения и руководила хором. Первым делом на хоре нас научили, как правильно дышать. Дышать, оказывается, можно или раздвигая ребра, или выпучивая вперед живот. Ноты-то мы уже на уроках пения изучили. Особенно мне понравилось выводить в тетрадке скрипичный ключ. Жаль, что в алфавите нет такой красивой буквы.

В этот день занятие в хоре началось с распевок. Преподаватель ставил возле пианино по шесть человек, и они то хором, то поочередно должны были выводить гамму: «А-а-а-а...». Пока первая группа выводила «а-а-а...», я от нечего делать смотрел по сторонам. Все стены в классе были увешаны портретами композиторов. Справа от меня висел портрет Моцарта, а слева — Мусоргского. У Моцарта возле щек торчал вверх очень красивый белый воротник. Совсем как у Евгения Онегина в большой красивой книжке у нас дома. А вот Мусоргский был весь растрепанный. Я когда портрет его первый раз увидел, он мне сразу напомнил одного казака с картины Репина «Письмо турецкому султану». Мы ее на экскурсии в Русском музее видели. Еще я вспомнил, что Мусоргский этот входил в «Могучую кучку». Так называлась группа композиторов-гениев. Я смотрел на него, смотрел и вдруг чихнул. Сам не знаю, почему. Преподаватель быстро глянула на меня и снова обратилась к певшим «а-а-а...». Мне стало неловко. Я сложил ладони у носа домиком, чтобы снова не чихнуть, почему-то посмотрел на Мусоргского и — чихнул снова. В это время те, кто стоял у пианино, тоненько-тоненько тянули «до...». Учительница дернула головой в мою сторону, а я зажал нос ладонями.

Скоро у пианино выстроились новая группа из шести человек, в том числе и я. Мы начали хором: «А-а-а-а...». Я все время старался смотреть вниз или хотя бы перед собой, чтобы снова не увидеть компози-

тора Мусоргского. Я смотрел на переднюю стенку первой парты, на сумку учительницы, лежавшую на столе, на цветочные горшки на подоконнике. Поняв, что мне это удалось, я успокоился и, в очередной раз широко открывая рот, приподнял голову. И тут мой взгляд сразу уперся в Мусоргского. В носу у меня защекотало, и я чихнул в третий раз.

Учительница встала.

— Коваль Алексей, — сказала она. — Ты не можешь сегодня заниматься пением. Иди, пожалуйста, домой. Приходи на следующее занятие.

Я свернул в трубочку нотную тетрадку и вышел из класса. Выходя, я старался не смотреть туда, где со стены все также недовольно смотрел на меня композитор Мусоргский.

Уже темнело. В школьном саду снег был сине-розовый. Наверно, потому, что небо было темно-голубое, и по нему летели розовые облака. Ведь уже был март.

За черным кустом сирени я увидел девочку, ровнявшую краем ботинка снег на сугробе. Это была Ира. Она была в своей светло-серой шубке с длинным розовым шарфом, обмотанным вокруг шеи и свисающим спереди с плеча.

— Ты что тут делаешь, — спросила она меня.

— Меня с пения выгнали, с хора, — сказал я. — За то, что чихал.

Я уже пожалел, что сказал это, решив, что Ира посмеется надо мной. Но она только посмотрела на меня и ничего не сказала.

— У тебя какие любимые буквы? — спросила она меня.

Я задумался, но тут же вспомнил скрипичный ключ, чуточку похожий на одну букву.

— Эф. А у тебя?

— А у меня — «О», — сказал Ира.

Она присела и, сняв варежку, стала выводить на снегу кончиком указательного пальца букву «О». Недавно была оттепель, снег был колючий, и пальцу ее, наверно, было больно. Но «О» вышло красивое, овальное, чуть наклоненное и с изогнутым кончиком наверху. Выпрямившись, Ира посмотрела на написанную букву и, довольная, покачала головой. Щеки у нее были розовые, а зрачки — совсем темные, и капельки пара блестели на губе. Она повернулась и пошла в глубь сада.

А я пошел к выходу, к воротам из него. Нет, больше всех мне нравилась все же Ира.

Выйдя из ворот, я повернул налево, к проспекту. На углу, за переходом, как огромный кристалл, сверкал огнями дом Ады Корнер. Ярче всех, под самой крышей, сияло большое круглое окно — окно Ады. Оно сияло так ярко, что я не мог отвести глаз и даже стал моргать. Я замедлил шаг, потом остановился и повернул назад. «Пойду-ка я лучше по Конной улице», — решил я. Не доходя до рынка, я зачем-то взглянул налево и увидел окно Марины Стасько. Оно было прикрыто шторами, но сбоку в одном месте пробивался свет. Наверно, Марина, откинув на спину косу и пригладив надо лбом волосы, сидела за столом и делала уроки.

Я вздохнул и пошел домой.

ОПАСНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Как-то на перемене я подошел к Сережке, сунул руку в карман, вынул и раскрыл ладонь. На ладони лежал алюминиевый треугольник. В одном его углу была дырка, а посередине темнела выдавленная цифра. Цифра была — семерка.

— Что это? — спросил Сережка.

— Что, что... Не видишь, что ли? — Жетон. Мне его мама дала. Сказала, чтобы, как пойду из школы, зашел за угол и забрал в будке у сапожника ее туфли.

— У Сожруваса? — спросил Сережка, вытянув вперед голову и округлив глаза. — И ты согласился?

— А что мне было делать? Не мог же я ей сказать, что в этой будке сидит Сожрувас...

Первым про Сожруваса рассказал мне Сережка. Он-то живет поблизости и знает про эту будку уже давно. Однажды, когда Сережка еще не учился в школе, они шли с отцом по улице и проходили как раз мимо этой будки. Отец-то смотрел по сторонам, а Сережка заметил, что в будке сидит толстый человек с кривым носом и странными, отвисшими ушами — словно из них только что вытащили тяжелые серьги. Увидев Сережку и его отца, человек этот быстро спрятал под сиденье большой нож, а потом долго смотрел им вслед.

— Правда, похож на разбойника? — сказал Сережкин отец. — Зато как ботинки чинит! И не подумаешь.

Сережка это так и понял. Человек этот — разбойник, а чтобы никто об этом не подозревал, он делает вид, что работает сапожником, и даже освоил сапожное мастерство.

Как-то Сережка ехал с отцом на дачу, и на вокзале, пока ждали поезда, Сережка ел мороженое, а отец курил и рассматривал объявления, вывешенные на стенде у входа на платформу. Были там и фотографии людей, которых разыскивала милиция. И вот отец Сережки говорит:

— Ужас какой! Совсем молодая женщина вышла из дома, и больше ее никто не видел. Вот, написано. Была в сером плаще и бордовых туфлях на каблуке.

Когда потом Сережка бродил с отцом по платформе и ехал в поезде, он все время смотрел, какие у кого на ногах туфли. На даче, конечно, он про все это забыл. А в конце лета, когда они приехали с дачи, Сережка проходил как-то возле той будки и вдруг увидел вывешенные за стеклом на продажу женские туфли. Бордовые. На каблуках. И уже поношенные. И вдруг рядом с туфлями к стеклу прижалось лицо человека, который смотрел на Сережку и странно улыбался.

— Представляешь, — рассказывал мне Сережка, — смотрит он, смотрит, и вдруг как зевнет. Ну, совсем как наш кот Шустрик. Никогда ведь не подумаешь, что у кота такая огромная пасть, пока не увидишь, как он зевает. А зевнув, он потряс головой, и мне показалось, что в это время он сказал: «Вот сожру вас». Я когда домой пришел, подошел к зеркалу и стал старательно произносить «вот сожру вас», и при этом смотрел, так ли губы искривляются.

— Ну и как?

— Похоже, но не очень.

— Слушай, — сказал я Сережке, — а ведь может, он это на каком-нибудь другом языке произнес.

— Точно! — обрадовался Сережка. — Как это я сам не догадался.

С тех пор Сережка и стал называть человека в будке Сожрувасом, и мы вслед за ним — тоже.

— Ну, так что, пойдешь? — спросил Сережка.

Подумав, он сказал:

— Давай, знаешь, как сделаем? Пойдем вместе. Ты подойдешь к будке, а я на другой стороне улицы встану. Она же узкая. Если что, ты мне сразу сигнал подавай — рукой маши. А я уж шум подниму.

После уроков мы вдвоем отправились к будке Сожруваса.

— Давай, сначала просто мимо пройдем, — предложил Сережка, — и посмотрим, что он там делает.

Так мы и поступили.

— Заметил что-нибудь? — спросил Сережка.

— Заметил.

— И что?

— Он грецкий орех ел.

— Орех?

— Да. Только из скорлупки, знаешь, чем его выковыривал?

— Чем?

— Шилом.

— Во, дает! Ни на миг, значит, шило из рук не выпускает. Долгое?

— Пырнет, так пырнет.

Мы дошли до перехода, Сережка перешел на другую сторону улицы и встал возле стоявшей у тротуара мусороуборочной машины, словно ее рассматривая. А я подошел к будке.

Сожрувас словно меня и ждал. Дверь посреди будки отъехала в сторону, и я услышал:

— Чего стоишь, заходи.

Сожрувас сидел на табурете боком к двери. Я, конечно, заходить не собирался, но будку на всякий случай оглядел. И подумал: а куда тут заходить-то? Больше чем половину будки занимал собой сам Сожрувас. Когда дверь открылась, его колено вывалилось наружу и торчало теперь на улицу.

— Мне только туфли забрать, — сказал я и протянул жетон.

Сожрувас глянул на жетон, изогнулся, как только мог, на табурете и стал перебирать наваленные за ним ботинки и туфли. И тут я увидел нож. Его лезвие было втиснуто между сиденьем табурета и кожаной подушкой, на которой сидел Сожрувас. Нож торчал так, что в любой момент его можно было быстро выхватить.

Наконец Сожрувас нашел туфли.

— Не готовы еще, — сказал он. — Сейчас доделаю. При тебе. Садись, вон, — и Сожрувас ткнул рукой с торчащим шилом в противоположный угол будки.

Сожрувас надел один туфель вверх подметкой на железную лапу, торчавшую между его колен, взял напильник, махнул им несколько

раз туда-сюда по бокам каблука и обтер его тряпкой. После этого он достал с полки банку с торчавшей из нее кисточкой и обмазал каблук густой черной краской. То же самое он проделал и с другой туфлей. Каблуки теперь блестели, как новые, а набитые им набойки из светлой кожи стали и незаметны.

— Порядок! — сказал Сожрувас, глядя на меня. И тут я с удивлением обнаружил, что не стою на тротуаре, а сижу перед Сожрувасом. «Колдун, что ли?», — подумал я.

— Это специальный воск с краской, — кивнул Сожрувас на банку с кисточкой. — Правда, вкусно пахнет?

Пахло, может, и не вкусно, но приманчиво.

— Из школы идешь? — спросил Сожрувас

— Из школы. А сохнет быстро?

— Пять минут.

Тут я увидел Сережку. Он стоял возле бака с мусором и, вытянув шею, глазел в нашу сторону.

Я стрельнул глазами по стенам будки. На полочках лежали клещи, шила, напильники, пара молотков разной формы, банки и коробочки, наполненные гвоздиками и подковками. Со стены свисали связки новых подметок, очень похожие на плоские воблы, развешенные на прилавках Конного рынка. Рядом чернели, коричневели и даже белели перехваченные пополам связки шнурков. Под моим стульчиком тускло блестел запыленным отражателем круглый обогреватель.

— Тесно у вас, — сказал я.

— Для меня и заказчика, пока сидит, места хватит, — ответил Сожрувас, — а свидетели в этом деле не нужны.

«Пока сидит, свидетели не нужны... В каком это деле?» — повторилось в моей голове. Может, пора звать Сережку?

— А это — кто? — спросил я, кивнув на цветную картинку, висевшую на стене. Судя по дырочкам посредине, она была вырвана из какого-то журнала. На картинке был изображен старинный город с пальмами и домами, похожими на пирамиды, а посреди — голова человека в высокой шапке и с длинной курчавой, заостренной книзу бородой.

— Это? Это ассирийский царь Абгар.

— А чего он тут висит?

— Потому висит, что почти все сапожники — ассирийцы.

— Как это? Ну, а все портные, к примеру, кто?

— Не знаю. Может, и они тоже кто-то. А была когда-то такая страна — Ассирия. Это там, где теперь Иран и Ирак, и где реки Тигр и Евфрат текут.

— А куда она делась?

— Как куда? Завоевали ее. А народ разогнали. Вот он по разным странам и разбрелся.

— И все стали сапожниками?

— Может, и не все. Только думать пришлось — как в чужой стране хлеб заработать? И смекнули тогда: можно ничего не иметь, но если в сумке есть молоток, острый нож, гвозди да кусок кожи — сядь на углу, и скоро кто-нибудь подойдет и скажет: прибай набойку.

— Неплохо придумали.

— А и все время придумывать приходится. Вот пришел человек, сел, снял сапог — ты ж не будешь полдня думать, как ему его починить. А двух одинаково сношенных подметок я еще не видел.

— Табуретка у вас хорошая, с ящичками, — сказал я.

— Верно говоришь. В них и инструмент, и щетки. Табурет для сапожника — почти первое дело. Он на нем весь день сидит. Хочешь, сказку расскажу? Вот, слушай. Жил-был сапожник. Жил, жил, да умер. Вот, идет он по небу, подходит к воротам, где Бог живет. Пустите, говорит, умер я, мне теперь к вам. Позже приходи, — ему отвечают, — Бог сейчас вышел. Посиди пока на табурете, если хочешь. — Сидит сапожник, сидит, и от нечего делать внизу все рассматривает. А ночь уже. И видит он, как крадутся к его дому воришки. Забрались, стали добро выносить — хозяина-то нет. А как увидел сапожник, что и табурет, на котором он всегда сидел и работал, воры эти тащат, вскочил, закричал, да как запускает в них табурет, который ему ангелы дали. Получили воры табуретом этим по башке, вмиг убежали. Тут и Бог приходит. Кто это такой, спрашивает он у ангелов. Да сапожник, отвечают те. А где мой табурет, Бог спрашивает. Так мы ему его дали, посидеть чтоб, а он его вниз бросил. Ну и рассказали они Богу, как дело было. Ну, что, спрашивают ангелы, запускать его к нам? А ну его, Бог им отвечает. Пусть обратно идет. А то мы через него всей нашей мебели лишимся.

Тут Сожрувас глянул вдруг на мои ботинки и говорит:

— Ну, покажи-ка, а что у тебя с подметками.

Взял он мою ногу за ботинок и как поднимет ее резко — я даже на стульчике своем назад откинулся. И тут я случайно взглянул на Сережку. Он же, увидев, что делает с моей ногой Сожрувас, аж подпрыгнул, закрутил головой и вдруг бросился бежать. И я понял, куда. Из-за угла улицы, как всегда, словно на параде перед трибуной, вышагивал отец нашей одноклассницы Ады Корнер. В черной морской шинели и фуражке с кокардой. Он нагнулся к подскочившему к нему Сережке, который что-то кричал и показывал рукой на будку Сожруваса. Взяв Сережку за руку, отец Ады, оглядевшись, перешел улицу и сдвинул в сторону дверь будки.

— Ты чего, Бит-Мурад, детей пугаешь? — улыбаясь, спросил он у Сожруваса.

— Как? — высунулся из-за черной шинели Сережка.

— Что — как? — оглядел нас отец Ады. — Вся улица Бит-Мурада знает. Придумали мне!

— Что — придумали? — тоже посмотрел на нас Сожрувас.

— А что ты разбойник, и тут людей режешь, — смеясь, сказал отец Ады.

Сожрувас хлопнул себя по коленям, прикрытым фартуком, и уткнул в пояс руки.

— Слушай, у тебя вообще башка на голове есть? — воскликнул он, глядя на Сережку. — А ты — маме привет передавай, — повернулся он ко мне и протянул туфли. — И скажи, чтоб каблуки так не занашивала.

Мамины туфли я нес так, чтобы каблуки друг друга даже не касались. Уж больно здорово они блестели. Как черный гуталин в банке, которую открыли в первый раз.

ВРАЧА ВЫЗЫВАЛИ?

Нашим соседом по лестничной площадке был Николай Егорович. Он был уже пенсионер и инвалид. У него очень болели ноги, и он ходил с палкой. Жену его звали Катерина Гавриловна. В Новый год они приходили к нам с поздравлением и куском пирога на тарелке, или мы к ним, тоже с каким-нибудь угощением. Когда у них в квартире перегорали пробки, мой отец ходил к ним вставлять новые, а если новых не было, то накручивал на старые «жучка». Забегала к нам и Катерина Гавриловна: то — спросить уксуса, то — горчичники для Николая Егоровича, если их вдруг у них не оказывалось. Иногда, когда я приходил из школы, а дома никого не было, я звонил к ним. Меня с удовольствием впускали, и Катерина Гавриловна угощала меня «грибом». Это такой кисленький напиток. Его настаивают в трехлитровой банке, прикрытой марлей. Я когда в первый раз эту банку с «грибом» увидел, то и говорю: «А где гриб-то? Тут какая-то медуза плавает». И на самом деле: по форме-то этот гриб был нормальный, круглый, но словно — из студня, а внизу бахрома болталась. Катерина Гавриловна говорила, что «гриб» полезен для здоровья. Она вообще очень переживала за здоровье Николая Егоровича. Когда мы случайно встречались с нею, она подолгу рассказывала маме, как чувствует себя Николай Егорович, и что прописал ему врач. Как-то мы стояли с мамой и с Катериной Гавриловной во дворе, и она, посмотрев на меня, сказала:

— Вот, вырастешь, и становишься доктором. Тогда и врача не надо будет вызывать, если в доме кто-нибудь заболеет.

Как-то, придя из школы, я стал думать, чем бы мне заняться. И мне захотелось поиграть во врача.

Прежде всего надо было обзавестись белым халатом. Я открыл шкаф и остановил свой взгляд на одной из белых рубашек. Эту рубашку отец почти никогда не надевал. Он сказал, что не любит ее, потому что в ней нет хлопка, а, наверно, одна синтетика, и что он в ней потеет. Затем я перебрал в голове, с чем обычно приходил к нам врач, если кто-нибудь заболел. Получалось, что мне надо иметь прибор для прослушивания (кажется, он называется фонендоскоп), и еще аппарат, которым измеряют давление. Еще не мешало бы иметь круглое зеркало, которое врач крепит у себя на лбу, чтобы направить зайчик света в ухо или нос больному и все там рассмотреть.

У нас на кухне в одном углу стоял стол, который был внизу, как шкафчик, с несколькими ящичками. И в одном ящике его хранились всякие ненужные, но полезные мелочи. Порывшись, я нашел моток резиновой трубки, чему очень обрадовался. Тут же мне попался и секундомер. Потом я нашел пробку от шампанского. Каждый Новый год, когда бутылка шампанского в руках отца выстреливала пробкой, он старательно искал ее потом под диваном или за шкафом.

— Зачем она тебе? — спрашивала мама.

— На память, — отвечал отец, и потом бросал ее в этот ящик на кухне.

Пробку я проткнул насквозь длинным гвоздем, а на торчащие концы его надел по одинаковому куску резиновой трубки. Теперь, если

другие их концы всунуть в уши, получался фонендоскоп почти как настоящий. Затем я отыскал резиновую грушу, попросту — клизму и втиснул ее острие в еще один кусок резиновой трубки. Оставалось найти манжету, которую надевают на руку, чтобы измерить давление. Я вспомнил, что недавно мама сшила несколько повязок на рукав с надписью «Дежурный». Об этом маму попросили в школьном родительском комитете. Первая повязка, которую она сшила, маме не понравилась, и она сунула ее в коробку, где лежали всякие рукоделия: мотки шерсти, спицы для вязания, катушки с нитками. Распоров чуточку шов на краю повязки, я засунул в нее конец той трубки, к которой уже прикрепил резиновую грушу. Прибор для измерения давления был готов. Что до зеркала, то их штук пять валялось в ящике трюмо. Я выбрал то, которое было с маленькой ручкой.

Я застегнул взятую из шкафа белую рубашку на все пуговицы и влез в нее так, чтобы пуговицы оказались на спине. Потом закатал рукава. Чтобы рубашка не болталась, я обхватил ее белым пояском, висевшим на дверце шкафа среди других поясков, ремешков и галстуков. Потом я порывлся в шкаф в коридоре и отобрал подходящую сумку. Их там валялось несколько — со сломанными молниями и оторванными ручками. Сложив в сумку фонендоскоп, измеритель давления, секундомер, чистую тетрадку и ручку, я хотел уже выйти на лестницу, как вспомнил про зеркальце. Снова открыв коробку с рукоделиями, я нашел в ней ленту-резинку, отрезал небольшой кусок и скрепил его концы булавкой. Натянув ленту-резинку на голову, я вставил под нее надо лбом ручку зеркала. Взглянув на себя в зеркало в коридоре, я увидел, что теперь я — вылитый врач. Я вышел на площадку и позвонил в квартиру Николая Егоровича.

— Кто там? — раздался голос Катерины Гавриловны.

— Врача вызывали? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал низко и серьезно.

Дверь сразу открылась.

— Ой, что за врач такой! — воскликнула Катерина Гавриловна, вытирая руки о низ передника. — Вот хорошо-то. Проходите, доктор, проходите.

Я вошел.

— Коля! — крикнула Катерина Гавриловна. — К тебе врач пожаловал, новый.

Николай Егорович сидел за столом возле окошка с газетой в руках. На столе стоял подстаканник с недопитым чаем и блюде с остатками творога, размятого с клубничным вареньем и сметаной.

— Здравствуйте, Николай Егорович! — сказал я. — Извините, если помешал...

— Ничего, доктор, ничего, — стал складывать газету Николай Егорович. — Мы уж попопдничали. Очень хорошо, что вы пришли. Я как раз рассказал Катерине Гавриловне про новые симптомы, которые стал чувствовать в последнее время. В поликлинику, знаете, сразу не выбратся, так что очень хорошо, что вы к нам пожаловали. Вас как Бог послал.

Слово «доктор», прозвучавшее у Николая Егоровича, очень меня ободрило.

— Разрешите сначала помыть руки, — сказал я. — Я с улицы и только что от другого больного. Возможно, он заразный.

— Вот это настоящий доктор! — воскликнула Катерина Гавриловна. — Все бы так. А то теперь некоторые и куртку, войдя, не снимают, разве что пальто.

— Нельзя, — сказал я. — Гигиена — прежде всего!

А руки перед осмотром всегда мыл тот старенький врач, которого родители вызывали, когда у отца опять начинался бронхит. Это я и запомнил.

— Сейчас чистое полотенце принесу, — хлопотала Катерина Гавриловна.

Вытерев руки, я выложил на стол фонендоскоп, измеритель давления, секундомер, раскрыл тетрадку и, взяв ручку, сказал:

— Пожалуйста, Николай Егорович, расскажите, что вас беспокоит. Кстати... — я окинул глазами комнату. — У вас очень душно. Людям вашего возраста очень полезен свежий воздух.

— Что вы, мы только что проветривали... Конечно, возьмем, доктор, на заметку, обязательно возьмем, — как-то уж очень наигранно проговорила Катерина Гавриловна.

Мне это не понравилось.

— Так что вас беспокоит, — строго повторил я.

Почему-то на Николая Егоровича мой тон очень подействовал.

— Видите ли, доктор... — начал он. — Последнее время я просыпаюсь по утрам с головной болью. И это странно. Казалось бы, лежал, спал... Так именно по утрам!

— Спите хорошо?

— Засыпаю, как младенец. А проснусь — болит голова. Вот здесь, на висках. А еще, правда, когда нагибаюсь, болит вот здесь, под ребром.

— На ночь много едите? — спросил я.

— Ну... — и Николай Егорович посмотрел на Катерину Гавриловну, — бывает, посидим немного, поужинаем...

— Понятно. Мне придется вас послушать.

Николай Егорович поднялся со стула, опираясь на подлокотники.

— Дома стараюсь без палки ходить, — сказал он. — Позвольте рубашку только задрать, не снимать чтобы.

— Спину выпрямите, — сказал я. — Позвоночник-то у вас искривлен. Сколиоз! (Этим сколиозом нас все время пугали в школе, напоминая, что сидеть надо прямо, а не так, как, скособочившись, сидели на уроках мы).

— Дышите глубже, — сказал я, прикладывая к разным местам на спине пробку от шампанского. — Да... Дыхание-то у вас жесткое (это тоже тот старенький доктор у нас дома часто говорил). И в сердце тоже — шум. А эти пятна розовые на спине — давно у вас?

— Это отсидел он, от спинки стула, — вмешалась Катерина Гавриловна.

— Вот тут болит? — наугад ткнул я рукой в спину Николая Егоровича.

— Именно тут, доктор, именно тут.

— Так... — протянул я. — Теперь повернитесь лицом и дышите открытым ртом.

Николай Егорович шумно задышал, и я понял, что недавно он ел что-то с чесноком. Пробка от шампанского немного прилипла к коже.

— Потеете?

— Потею...

— Это слабость. Понятно... — заключил я. — Одевайтесь. Теперь измерим давление.

Я повязал Николаю Егоровичу повязку над локтем — так, чтобы слово «Дежурный» было с внутренней стороны, и начал накачивать грушу. Потом приложил к синей жиле на сгибе руки пробку, а другой рукой взял секундомер. Тишина в комнате воцарилась полная. Я нажал на секундомере кнопку. Хотя в уши я плотно воткнул резиновые трубки, я услышал, как секундомер громко тикал — так было тихо.

— Ну как, доктор? — спросила Катерина Гавриловна. — Последнее время давление было вполне приличное — сто сорок на восемьдесят пять.

— Где там! — сказал я. — Все двести на сто двадцать.

— Быть не может! — удивился Николай Егорович. — Я и лекарства принимаю...

Тут я увидел, что Катерина Гавриловна незаметно подмигивает Николаю Егоровичу: мол, ты не спорь, все равно ведь это все не серьезно. Николай Егорович заулыбался.

— Доктор, — сказал Николай Егорович. — Вы только от меня ничего не скрывайте... — и незаметно он тоже подмигнул жене. — Я человек мужественный, фронтовик. Я правды не боюсь. Вы как все есть, так и говорите. Любой диагноз, очень вас прошу. Единственно, очень бы не хотелось, чтобы... в больницу. Любые лекарства буду принимать, только не госпитализируйте. Не хочется, знаете ли... Не люблю...

— Не поможет вам уже больница, — сказал я.

Я увидел, как у только что улыбавшегося Николая Егоровича лицо как бы осунулось.

— Что... все — так плохо?

— Да, — как отрезал, я. — У вас туберкулез. Туберкулез костей мозга.

По ставшему неподвижным лицу Николая Егоровича пробежало какое-то сомнение.

— Позвольте, а разве в мозгу есть кости?

— То есть, это, как его, костного мозга туберкулез, — поправился я.

Николай Егорович медленно сел, откинулся на спинку стула и глубоко вдохнул.

— А что же у меня тут, в боку, в таком случае болит?

— А это еще хуже, — сматывая трубки фонендоскопа, сказал я.

— Что — еще хуже? — потянулся ко мне лицом Николай Егорович.

— Сами знаете, что, — сказал я. — И уже клешни в другие органы запустил. А розоватые пятна у вас на спине — это проказа. Эта болезнь вообще не излечивается. Раньше пиратов, если они заболели проказой, ссаживали с корабля на необитаемый остров, чтоб они никого не заражали. И там они умирали в одиночестве и в мучениях.

— Катенька, что-то мне нехорошо, — проговорил Николай Егорович. — Дай-ка мне валидол, он там, на буфете лежит... Извините, доктор. Вы знаете, я себя иногда плохо чувствую...

— Ничего-ничего, — сказал я. — Это бывает.

Поставив еще какой-то крючок в тетрадке, я сложил все обратнo в сумку, попрощался и ушел.

С тех пор Катерина Гавриловна, увидев нас с мамой во дворе, спешила быстро пройти мимо и только кивала на ходу головой.

АТОЛЛ БИКИНИ

В этот день, придя из школы и поев, я подошел к окошку и стал думать: идти гулять или не идти? За окном порхали снежинки. Они двигались то вправо, то влево, словно тоже не знали, куда им лучше лететь.

Все же я решил пойти на улицу и зайти к Сережке. А там — видно будет. Может, погуляем, может, просто посидим у него. Но, проходя у рынка, я увидел, что Сережка сам идет мне навстречу.

— А я к тебе, — сказал он. — Куда пойдём? Давай, побродим у рынка. Поглядим, чего продают. Я сегодня в школе в столовую не ходил, так что есть деньги на семечки. Ты какие большие любишь — большие полосатые или маленькие черные?

— Маленькие жареные. Они — вкусней, и шелуха лучше отстает. И пахнут тоже вкусно, а большие ничем не пахнут.

Мы подошли к одному лотку. За ним стояла бабуля в черном плюшевом полушубке, замотанная в пуховой платок. В плоском железном поддоне перед ней чернел разглаженный сверху холмик семечек. В них были воткнуты два стакана — большой и маленький.

— Почему семечки? — спросил Сережка.

— Большой — десять, маленький — пять.

— Попробовать можно?

— Хоть пробуй, хоть не пробуй, а вкусней не найдете.

Сережка осторожно взял большим и указательным пальцем одну семечку и щелкнул ею между зубов.

— Да, неплохие. Ладно, мы еще посмотрим.

Когда мы отошли, он протянул мне руку и разжал ладонь. В ней оказалась целая горстка семечек.

— Видал, как пробовать надо? Одну семечку берешь двумя пальцами, а остальными тремя — незаметно загребаешь. Так можно целый карман набить.

— А если заметят?

— Так почти все и замечают. Но только редко кто-нибудь закричит. Бабульки — они ведь добрые. Давай, еще снетков попробуем. Любишь снетки? Маленькая рыбка, а вкусная!

— Это точно. Мама, когда кислые щи варит, почти всегда их добавляет. А когда потом по тарелкам разливает, я всегда смотрю, сколько мне снетков в капусте попадет.

— В кислых щах еще хорошо, когда лук хорошенько обжарен, чтоб золотистый был, — сказал Сережка.

— Снетки, снетки, вяленые снетки, — словно услышал нас один продавец. Он как «включался», когда кто-то показывался возле его лотка, и начинал повторять эти слова.

Мы подошли к лотку.

— Откуда снетки? — спросил Сережка.

— С Чудского озера, — ответил продавец. — Слышали про такое?

— Слышали. Мы там шведов разбили.

— Вдвоем? — посмотрев на нас, спросил продавец.

— Да нет. Я недавно фильм смотрел, «Александр Невский». Там как раз про битву на Чудском озере.

Мы взяли по снетку и пожевали.

— Что-то слишком соленые, — сказал Сережка. Услышав опять «Снетки, снетки...», мы двинулись дальше.

— Почему-то снетки неловко, когда пробуешь, как семечки, брать, — сказал Сережка. — Да и не получится. Они и по размеру больше, и скрюченные какие-то. На спичку обгоревшую похожи.

Тут наше внимание привлек человек, сидевший на корточках возле бокового входа на рынок. Перед ним стояло белое эмалированное ведро, полное горячей воды. Что вода горячая, было видно по густому пару, крутившемуся над ведром. Рядом с человеком лежал на асфальте большой приоткрытый мешок.

— Хотите, фокус покажу, — спросил этот человек, когда мы остановились перед ним.

Он сунул руку в мешок и вытянул что-то плоское и белое, похожее на большую замороженную рыбину.

— Видали? — спросил он. — Видите, она какая? А теперь — смотрите.

Он сунул это что-то в ведро и стал помешивать им воду. Пар пошел еще сильнее, и, как на самом деле в цирке, скрыл на время от глаз и ведро, и что было в нем.

— Опля! — произнес человек, и быстро поднял над головой руку. Но теперь в его руке была круглая, похожая на большой батон, раздувшаяся мочалка.

— Мочалки, мочалки, настоящие мочалки из люфы, покупайте мочалки! — начал громко объявлять человек, размахивая над головой раздувшейся мочалкой.

— А как это? — спросил я.

— Очень просто, — ответил дядька с мочалкой. Это растение такое, люфа называется. Оно на юге растет. У него плоды — как большие огурцы. Если мякоть с них смыть, то мочало и остается. Мочалки, мочалки, настоящие мочалки!

— Кстати о фокусах, — сказал Сережка. — В общем, это и не фокус, но я вчера узнал, как можно устроить настоящий маленький взрывчик.

— Из пороха?

— Ну да, зачем из пороха. Да и где ты его возьмешь. В том-то и дело. Ты когда ангиной болеешь, тебе горло люголем смазывают?

— Смазывают. Меня всегда рвать тянет, когда это делают.

— Это уж точно. А марганцовка у вас дома есть?

— Есть, в ванной на полке всегда пузырек стоит.

— Так вот: если взять немного марганцовки, насыпать ее во что-то, что плотно закрывается, а потом влить люголь и закрыть, то через минуту бабахнет.

— Почему?

— Реакция начнется. Химическая. А при ней газ выделяется. А как его много скопится, так и рванет. Деться-то ему некуда.

— И здорово бабахнет?

— Да нет. Так, хлопнет немножко.

— Вот бы попробовать.

— А вот я и хочу, — сказал Сережка.

Мы прошли уже весь рынок, и подошли к дому Сережки.

— Вчера по телевизору показывали, как американцы атомную бомбу взрывали, — сказал он. — В океане. На атолле Бикини. Это остров такой. Он почти весь под водой и круглый. Они эту бомбу под водой взорвали. Ты себе не представляешь, как там все клубилось. Вот я и подумал. А что, если из люголя и марганцовки маленькую бомбочку сделать? Да в ванной под воду и бросить. Ни шума громкого не будет, ни запаха. Зато клубы под водой так разойдутся, словно взрыв настоящий.

— А из чего бомбочку-то сделать?

— Лучше всего, мальчишки говорили, тубик алюминиевый взять. Из-под валидола. Это лекарство такое. У нас в комод у бабушки всегда их несколько штук лежит. Так я из трех тубиков все таблетки в два переложил, а один пустой взял. Главное, у него крышка на резьбе. Завернешь потуже, ничего из него уж не выйдет.

— И когда ты хочешь попробовать?

— Да хоть сейчас. Отец и мать на работе, а бабушка в это время всегда спит. Вот, гляди.

И Сережка вынул из кармана и показал мне тубик из-под валидола.

— Я уже и марганцовки в него насыпал. Слышишь? — И он потряс тубиком у меня над ухом. — Пошли.

Входная дверь в Сережкиной квартире выходила на кухню. В правом ее конце маленький коридорчик вел в комнаты, а слева была дверь в туалет и в ванную. Сперва Сережка прислушался, потом махнул рукой, и мы разделись, навалив пальто и шапки на табуретку.

— Спит бабулька! — сказал Сережка. — Пошли. Я люголь уж заранее в ванную отнес.

Ванная в Сережкиной квартире была побольше, чем в нашей. Справа от самой ванны, над умывальником, висело на стене большое зеркало с полкой. На ней стояли разноцветные флаконы и стаканы с зубными щетками и пастами. На двух стенах на вешалках висели полотенца, сверху большие, внизу — маленькие. А под потолком на опускающейся вешалке сохло выстиранное белье.

— Воду холодную или горячую будешь напускать? — спросил я.

— А какая разница? Тепленькую, чтоб рукам приятно было.

Зашумела вода. После холодной улицы было приятно смотреть, как теплая струя бурлит, падая в воду. Верх зеркала стал медленно затуманиваться.

— А у нас плитка в ванной зеленая, — сказал я.

— Не, у меня отец все белое любит. Он и рубашки только белые носит, вон висят.

— Может, хватит уже воды?

— Не, пусть до краев ванна наполнится.

Наконец Сережка закрутил краны.

— Теперь приступим!

Он достал с полки пузырек с люголем, открыл его и поставил на край ванны. Потом вытащил из кармана тюбик, отвернул крышку и, заглядывая сверху в маленькое отверстие, осторожно до половины наполнил тюбик люголем.

— Так, теперь побыстрей завинчиваем, затягиваем... Готово.

Взболтнув содержимое тюбика, он протянул над ванной руку и разжал пальцы. Тюбик, несколько раз юркнув, как рыбка, опустился на дно ванны. Из-под его крышки выскочило и, поднимаясь вверх, исчезло несколько пузырьков воздуха.

— Это в резьбе воздух скопился, — пояснил Сережка. — Сама пробка намертво держит.

Мы стояли и смотрели на тюбик. Он был неподвижен, и ничего не происходило.

— Что-то не получается, — сказал я. — Может, марганцовки мало?

Сережка нагнулся над ванной, и я тоже. Вдруг тюбик двинулся, словно его легонько толкнули пальцем.

— Идет реакция! — обрадовался Сережка.

И тут тюбик дернулся, как поплавок, когда хотят подсечь клюнувшую рыбу, и вслед за этим я и не понял, что произошло. Что-то мокрое ударило мне в лицо, а потом — словно у кого-то вырвался из рук шланг с бьющей из него водой. Я отпрянул от ванны, а когда плеск затих, первым делом помотал головой, чтобы стряхнуть с лица и волос воду. Потом поднял голову и осмотрелся. Половина потолка, рубашки и наволочки на веревках, махровые полотенца на стенах были размашисто разукрашены чем-то густо-розовым. По гладкой белой плитке, соревнуясь друг с другом, стекали розовые струйки. Больше же всего меня поразила одна зубная щетка в стакане. Половина ее щетины была по-прежнему белой, а половина — стала красной. Я видел, как Сережка смотрит на меня, и я, наверно, так же смотрел на него.

— Воду включай! — заорал он.

Пока я крутил краны, Сережка выдернул из дырки затычку в ванне. Мы схватили какие-то тряпки, а может, полотенца и начали, мешая друг другу, мочить их и вытирать ими все вокруг. Кое-как обтерев плитку на стенах, мы глянули вверх. Даже встав на край ванной, до потолка было не дотянуться. Беснадежней всего смотрели на нас свисающие рукава рубашек в ярких пятнах, похожих на маки.

— Ладно, иди, — сказал Сережка, присев на край ванны. — А то потом тебя больше ко мне не пустят.

Чтоб хоть что-то отвлечь его, я сказал:

— Представляешь, что на атолле Бикини-то творилось?

Сережка молчал. Вдруг он привстал с ванны.

— Тихо! Кажется, бабулька проснулась.

— Се-ре-жень-ка-а-а! — раздалось откуда-то издалека.

— Давай же, иди!

Последнее, что я успел увидеть, прикрывая за собой входную дверь, была Сережкина бабуля, выкатывающаяся из-за занавесок коридорчика. Ее лицо радостно сияло от того, что она и выспалась, и вовремя проснулась, чтобы встретить внука.

ПАПЬЕ-МАШЕ

Мама велела мне по дороге из школы зайти в магазин и купить хлеба и булки. Рядом с кассой, в которую я встал, тянулся прилавок, заставленный бутылками лимонада. В первом ряду стоял лимонад «Ситро». На этикетке у него был изображен разрезанный лимон и пузырьки газа. Есть такие слова, значения которых не понимаешь, но которые нравятся. Например — «ситро». Что такое «ситро» — я не знаю. Но лимонад этот — очень вкусный. Или, например, мороженое крем-брюле. Что такое крем — понятно, а вот что такое — брюле, я тоже не знаю. А мороженное это я люблю. Вот и на той неделе. В конце уроков Галина Николаевна говорит:

— Завтра на уроке труда я научу вас делать предметы из папье-маше. Поэтому ты, Леня — сказала она Бокше, — и ты, Ира, — сказала она, остановившись около нашей с ней парты, принесите, пожалуйста, по паре газет.

— А газеты свежие или старые надо приносить? — спросил Бокша.

— Неважно, — сказала Галина Николаевна. — Они нам не для чтения нужны. Папье-маше — это такой способ делать предметы из маленьких клочков мягкой бумаги. В переводе с французского папье-маше — это жеваная бумага. Вот для чего нам газеты и нужны.

— Еще не легче, — сказал Бокша. — Уж лучше читать, чем газету эту жевать, да еще старую.

Когда на следующий день мы вошли после большой перемены в класс, то увидели, что на столе у Галины Николаевны стоит таз с водой.

— Наверно, ноги будут учить мыть, — сказал Веселов.

Бокша, кстати, газеты принести забыл. Зато на всякий случай пять газет принесла Марина Стасько.

— Тебя же не просили, — прошипел ей Бокша.

Галина Николаевна раздала газеты по партам и велела рвать их на маленькие кусочки. Вот началась работа! Я еще не видел, чтобы Веселов делал что-нибудь с таким усердием. Потом все порванные кусочки Галина Николаевна велела собрать и бросить в таз с водой.

— Они должны хорошенько намокнуть и стать мягкими-мягкими, — сказала она.

Пока газетные клочки намокали, Галина Николаевна развела в миске клейстер. Это такой клей, его из картофельной муки делают. Она еще крахмалом называется. Галина Николаевна старательно размешала немного муки в теплой воде, а потом медленно, тоже размешивая, добавила кипяток из электрочайника. Потом она сказала:

— Видите эту стеклянную салатницу? Сейчас из папье-маше мы сделаем ее точную копию.

И она стала слой за слоем облеплять салатницу размокшими кусочками газеты, макая их перед этим в клейстер.

— Кто хочет, может мне помочь, — сказала Галина Николаевна. — Главное — укладывать бумажные клочки равномерно и хорошенько разглаживать.

Вызвалась Оля Майорова. Потом подошел и Сережка. Поклеив немного, он скомандовал: «Следующий!». Проходя мимо меня, он нагнулся и шепнул: «Не ходи. Клейстер этот — как сопли».

— Ну вот, — сказала Галина Николаевна. — Слоею десять положили. Теперь я уберу нашу салатницу на шкаф, чтоб она просохла. А через день мы снимем копию с оригинала.

На следующем уроке труда Галина Николаевна первым делом обрезала ножницами лишнюю бумагу по краю салатницы. А потом, хоть и с трудом, отлепила от нее ту, что получилась из бумаги. Несколько клочков все же прилипли к стеклу, и их пришлось отдирать ножичком.

— Готово! — сказала Галина Николаевна, постукивая ногтем по салатнице из папье-маше. — Верней — почти готово. Теперь надо покрыть ее густой белой краской, а для этого очень подходит гуашь, высушить, потереть шкуркой, чтобы она стала гладкой — и можно расписывать красками. И вот вам задание: сделать дома самим что-нибудь из папье-маше и через неделю принести на урок. Устроим конкурс. Тот, у кого получится лучше всех — получит приз!

Дома я подошел к серванту и стал разглядывая стоящую в нем посуду. Что было сделать из папье-маше? Блюдце? Нет, это слишком просто. Наверняка, полкласса сделают блюдца или тарелки. Стакан? Но он — длинный, его потом из облепившей бумаги не вытянешь. Тут мой взгляд упал на фарфорового слона. Он стоял на верхней полке серванта среди посуды для красоты. И я вспомнил, как Галина Николаевна сказала, что из папье-маше делают, например, глобусы и карнавальные маски и даже — фигурки животных. И я подумал — вот бы сделать из папье-маше слона! А фигурка фарфоровая была вполне подходящая — ничего из нее особо не выпирало, даже бивни и хобот. Обклеить такого слона клочками газеты — раз плюнуть. Я уже протянул к нему руку, и вдруг подумал: «А как потом слона этого из папье-маше вынуть?» И тут меня осенило. Когда слой папье-маше засохнет, надо аккуратно разрезать его на две части, вынуть слона, а обе половинки склеить. Я даже подпрыгнул от радости. Да ни у кого такого папье-маше не будет! Ну что сделает Веселов? Ну, блюдце. Что сделает даже Марина Стасько? Пиалу какую-нибудь. К ним недавно приезжали знакомые из Ташкента, так она в столовой рассказывала, что в Средней Азии чай пьют не из чашки, а из пиалы. И я приступил к работе.

Сначала я сделал клейстер. Главное, Галина Николаевна говорила, крахмал нельзя крутым кипятком заливать. И еще надо все время ложкой болтать, а то комки образуются, как в манной каше. Потом я начал рвать на клочки газету. Сначала мне это даже понравилось. Но когда было порвано примерно полгазеты, во мне вдруг стала какая-то злость возникать, словно я рвал газету потому, что написал в ней что-то не то. Кстати, пока я ее рвал, я на одном обрывке успел интересную вещь прочитать. Оказывается, каждую неделю население земли увеличивается на один миллион человек. Ужас какой-то. Только странно. Я недавно болел, а когда через неделю на улицу вышел, никакого народу добавочного не заметил. Ну ладно. В общем, слоника бумажками я наконец, обклеил. А вот с чем помучился, так это с разрезанием его на две части. Тут все в ход пришлось пустить. И нож, и ножницы с острыми кончиками, и даже лобзиком я кое-где пропилил. Наконец передо мной на столе лежали две одинаковые половинки.

— На формочки детские похожи, — сказала мама.

— Это только пока, — обиделся я.

Я старательно выровнял края двух половинок и склеил их, наложив по шву пропитанные клейстером полоски бумаги. Сверху потом и клочки газетные наклеил.

Когда вечером я показал отцу сотворенного из папье-маше слоника, он сказал:

— Не слон, а какая-то газетная тумба.

Зато когда я покрасил его серой краской, а глазки и кончик хвоста прорисовал черной, сразу стало видно, что это никакая не тумба, а слон. А уж когда белой краской я обмазал бивни и нарисовал внизу на ногах полукруглые ногти — слон получился, как живой.

До урока труда оставался день. Чтобы случайно не повредить слоника, я поставил его на маленький шкафчик, который висел у нас в комнате возле двери и служил нам аптечкой.

Вечером после школы ко мне зашел Сережка.

— Что у меня есть! — загадочно сказал он еще в дверях.

Мама как раз позвала меня на кухню обедать. Позвала она и Сережку, но он сказал, что уже наелся дома котлет и остался сидеть в комнате на диване. Ну вот. Сажу я, ем рассольник, и вдруг слышу: щелк! Потом снова — щелк!

— Что это? — говорит мама.

— Да, наверно, Сережка балуется, — говорю я.

А из комнаты опять — щелк, щелк.

Перед тем, как взяться за сардельку с картошкой, я решил заглянуть в комнату. Сережка тут же вскочил с дивана и говорит:

— Смотри, какая у меня рогатка.

И показывает мне замечательную маленькую рогатку, сделанную из толстой медной проволоки. Такую в нагрудный карман сунешь — никто и не догадается, что в кармане рогатка лежит.

— У меня и пульки для нее — тоже из проволоки, — сказал Сережка, и показывает мне маленькие пульки, похожие на разрезанные пополам скрепки для бумаги. — Ты пока ел, я в щель над дверью прицелился, так пульку потом и найти не мог, целиком в щель вошла. Видишь, резинка на рогатке, какая сильная? А второй пулкой я в слоника целлулоидного попал, вон, на шкафчике который. Ну, я и подумал: зачем тебе целлулоидный слоник? Для малышей ведь игрушка. Ну и начал в него стрелять. Гляди: он весь теперь — как в иголках. Пульки почему-то в нем очень хорошо застревают.

Я посмотрел на моего слоника, и ноги у меня подкосились. Весь бок, ноги и даже ухо у него густо оцетинились коричневыми иглами.

— Этот слоник — не целлулоидный, — сказал я. — Я его из папье-маше сделал. К уроку. Хочешь, моя мама сейчас тебя убьет?

Сережка побледнел.

— Погоди-ка, погоди...

Он взял слоника и попробовал вытащить из него одну пульку. Пулька, конечно, вытащилась, но с большим трудом. Да и дырка осталась.

— Мертво сидит, — сказал Сережка. — Хорошее у тебя папье-маше получилось. Крепкое. Да... Жаль только, что слон этот теперь, конечно, не слон. На ежа он больше похож.

Я взял слоника в руки. Надо сказать, что из-за этих колючек, торчащих в разные стороны, он, действительно, стал очень похож на ежа. И маленькие глазки его смотрели на меня с каким-то новым выражением.

— Погоди-ка, погоди... — сказал Сережка и взял у меня слоника. — Знаешь, если разобраться, то между слоном и ежом много общего.

— Это как? — удивился я.

— Да так. Во-первых, оба они — округлые какие-то: что слон, что еж. Шея — тоже: у слона — короткая, а у ежа — вообще ее нет. Дальше. У слона нос в хобот переходит. И у ежа он — продолговатый и к концу сужается. Глазки тоже — у обоих маленькие.

Больше, правда, общих черт у слона и ежа Сережка не нашел.

— Пулек этих много еще у тебя? — спросил я.

— Целый карман, как семечек. Я вчера весь вечер от проволоки плоскогубцами кусочки откусывал да сгибал.

— Давай их сюда, — сказал я.

На следующий день на уроке труда Галина Николаевна расставила на столе все, что мы сделали дома из папье-маше. И стол у нее стал — как прилавок в магазине. Чего здесь только не было! Расписанные цветами блюдца и чашки, вазы и подставки для ручек. Была, конечно, и пиала, был и граненый стакан, покрашенный в бледно-голубой цвет. «Почти прозрачный!», — гордо сказал, представляя свое произведение, Сережка. Был даже «Царь-колокол». И среди всего этого сидел и грустно смотрел по сторонам мой ежик. Когда он был еще слоником, мы с Сережкой окончательно утыкали его медными пульками. Стреляли мы для этого почти в упор, чтобы попадать в те места, где иголок еще не было. Только два свободных кружка — для глаз — на нем и остались. Да еще нос я ему пририсовал. Как у ежика, с шариком на конце.

Первое место занял «Царь-колокол» Вовки Веселова. Он его даже бронзовой краской покрасил. Второе — лаковая шкатулка Наташки Филатовой. Третье — граненый и почти прозрачный стакан Сережки.

А приз я все-таки получил. Поощрительный. За ежика. Под аплодисменты класса мне вручили шоколадного зайца, обтянутого разноцветной фольгой. Когда дома я содрал с него фольгу и надкусил, внутри шоколадный заяц оказался пустым. Совсем как мой слоник. То есть — ежик.

КАРТА РОДИНЫ

У нас в доме можно было услышать: «Я вчера такую чудную печенку в гробах купила!».

Только не падайте в обморок. «Гробами» назывался магазин, над витриной которого было написано «Мясо. Птица». Просто когда-то вместо мяса и птицы в этом магазине продавали похоронные принадлежности. Отец говорил, что в витрине даже был выставлен настоящий гроб. Поэтому многие, по привычке, этот магазин «гробами» и называли. Теперь же первое, что бросалось в глаза, стоило зайти в «гробы» — это стоящие на прилавке свиные и бараньи головы, и бараньи были почему-то черные, обожженные, словно это были бараны-негры. На лотках в холодильнике лежали куры, гуси и утки, все — с одинаково

прижатыми, как по команде, крылышками. С крюков под потолком свисали туши — темно-красные говяжьи и нежно-розовые свиные. В некоторых местах на них синели круглые печати, словно это были какие-то важные документы. А в углу прилавка иногда топырил перья еще не ощипанный тетерев.

Меня в этот магазин посылали редко, разве что за готовыми котлетами и пельменями. Вот и в этот раз, когда после школы ко мне зашел Сережка, чтобы позвать гулять, мама сказала:

— Вот тебе деньги, сходи сначала в «гробы» и купи шесть готовых котлет. Только не бери шницели. Они стоят дороже, а по вкусу — такие же.

В «гробах» в этот раз было очень много народу. Только недавно пришла машина с тушами, и мясники как раз стали выносить и раскладывать на прилавках только что порубленное мясо. Было слышно, как за стеной, внутри магазина, стучат топоры.

Мы с Сережкой встали в очередь.

— Гляди, какая баранья морда, — сказал Сережка. — Казалось бы, чего хорошего — башку отрезали, а словно улыбается.

Очередь немного продвинулась, и я почти уперся плечом в выступающую над прилавком деревянную доску с ровно уложенными котлетами. Они были густо обсыпаны сухарями, и поэтому пахло от подноса не чем-то мясным, а хлебом. Сережка поглядел на них и сказал:

— А у меня котлеты мама только сама делает. И хлеба в них вообще почти не кладет. Поэтому они, когда поджарятся, делаются небольшими и крепкими.

Потом он добавил:

— Не знаю, может, врут, но говорят, что Вовка Веселов с кем-то поспорил, что может покупную котлету сырой съесть. И съел.

Очередь продвинулась снова, и мы теперь оказались под висевшей на стене большой, как картина, схемой разделки туши. Сережка смотрел на нее, смотрел, и вдруг сказал:

— На карту нашей страны похожа. Задняя нога — совсем как Камчатка.

— Точно, — сказал я.

Когда, купив котлет, мы подходили к нашему дому, вдруг пошел мокрый снег.

— Кончится или не кончится? — спрашивал Сережка, стоя в нашей комнате у окна и всматриваясь в кусочек неба над нашим двором. Я же сидел на диване и листал журнал «За рулем», принесенный Сережкой.

— А вот интересно, — сказал вдруг Сережка. — Вот если представить, что живет племя людоедов, и у них в их магазине висит схема разделки ... человеческого тела. То как бы это выглядело, а? Есть лист бумаги и карандаш?

Я вынул из портфеля карандаш и вырвал из черновой тетради лист.

Сережка сел за стол, подsunул под лист журнал, чтоб не продырявить бумагу на скатерти, и начал выводить линию. Я пристроился рядом.

— Это чего? — спросил я.

— Чего-чего... Спина, не видишь, что ли. Представь, что человек на карачках стоит, ну, на коленях и локтях. Туша тоже ведь так примерно нарисована.

— А голову чего не рисуешь?

— Так и на той схеме, где корова, ее тоже нет. Наверно, потому, что в голове и есть-то особенно нечего.

— Как это, нечего? А мозги? Они, между прочим, тоже продаются. Кстати, если их обвалить в муке и пожарить, то очень вкусно. Особенно с зеленым горошком. Мама их иногда готовит, и отец очень любит. А язык отварной? Бутерброд с ним в буфете, знаешь, сколько стоит? Не то что с голландским сыром.

— У человека язык — маленький, — возразил Сережка. Да и мозгов, наверно, меньше, чем у коровы — у нее голова вон какая большая. Кстати, это странно. Надо бы наоборот. Корова только изредка мычит, ну, свинья хрюкнет, а человек только и делает, что болтает. А язык — вон какой маленький. Ну, как, похоже?

— На кого?

— На кого-кого. Не на корову же. Человека рисую.

— Ну, если представить...

— Теперь самое сложное. Давай его на части делить. Ты все помнишь, как на схеме той?

— Может, и не все. Тут вот — шея написано. И линия вот так ее от туловища отделяет.

— Шею только дурак не запомнит, — заметил Сережка. — Самое простое. Кстати, у Исидора Семеновича, учителя рисования нашего, шеи вообще нет, заметил? Поэтому у него верхняя пуговица на рубашке никогда не застегнута, и галстук вечно — набок. А когда он на прошлом уроке разозлился на Веселова и даже альбом для рисования с парты схватил и чуть ему по голове им не треснул, то я думал, что ворот рубашки и галстук у него вообще лопнут.

— А вот тут надо «лопатка» написать.

— Ну да. Кстати, говорят, в четверг нам будут прививки делать. От столбняка, кажется. Под лопатку. Эти прививки — самые болезненные. После них даже температура иногда поднимается и тогда можно в школу не ходить.

— Хорошо бы. А вот тут — «толстый край» начинается. Странное такое название. А рядом — «тонкий край». У меня мама его на борщ покупает. Любишь борщ? — спросил я.

— Нет. В нем капусты много. Потом живот пучит. Я рассольник люблю.

— У меня мама рассольник всегда из гусиных потрохов варит. Я шейные косточки обсасывать — прямо обожаю.

— Еще я бульон люблю, — сказал Сережка. — Только не куриный, а говяжий. С рисом. И чтобы разваренный лук в нем не плавал. Он и на вкус противный, и соплю гнойную напоминает.

— Это верно, — сказал я. — Что-то мы все поверху идем. Пора к нижним частям переходить.

— Рано еще. Тут вот слово замечательное я запомнил — «кострец»!

— Точно. Только ты линию больно далеко завел. Левей надо. Во, теперь правильно. Это, в общем-то, то, что у нас — поясница.

— Интересно, у коров радикулит бывает?

— Не слышал.

— У меня отец обои клеил, за кистью нагнулся — и мы его с мамой вдвоем до дивана тащили. Потом стену с мамой доклеивали. Отец только с дивана подсказывал — прямо кусок или косо ложится.

- Ты видел, как Гушина на физкультуре обруч крутит?
- Хулахуп-то?
- Ну. Вообще не заметно, чтобы поясницей двигала. И так хоть полчаса. А у меня он сразу на бедра и колени сползает.
- Поехали дальше, — сказал Сережка — Тут, правей, другая часть, и тоже хорошее слово написать можно — «огузок». Если попросту, то это — попа.
- Вроде того, — согласился я.
- У коров она какая-то... сухая, не пухлая совсем.
- Они ж на ней не сидят.
- Так и лошади не сидят. А вспомни, какой у них зад округлый.
- Не знаю я, почему. А сюда вот — «грудинка» пиши.
- Так, гру-дин-ка. На месте! Грудинка обжаренная — с картошечкой очень вкусная. Особенно, если сверху подливкой полить. Кстати, ты заметил, у Наташки Филатовой уже грудки — вот такие.
- И Сережка зашипнул и приподнял в двух местах на груди рубашку.
- Отставив лист с нашим рисунком, Сережка стал рассматривать его, наклоняя направо и налево голову.
- «Рульку» забыли, — сказал я.
- Верно. Вот здесь она. Так, пишу: руль-ка. Это, наверно, как у нас — лодыжка.
- Похоже. У меня отец, когда носки снимает, у него на лодыжках всегда след от резинки остается. «Чертовы резинки! — говорит он. — Не могут носки без них делать!» А бабушка, когда из деревни к нам гостить приезжала, сказала, что это он слишком много воды пьет или пива.
- Нормально туша получилась! — заключил Сережка. — То есть, не туша, а... Хорошо, что мы не людоеды.
- Тут мы заметили, что снег больше не идет, и пошли на улицу.

КАПЕЛЬ

- Весна скоро, — сказал я Сережке, когда он зашел ко мне, и мы, посидев и поболтав, уже одевались в коридоре, чтобы идти гулять.
- Какая весна! — оперся спиной о шкаф Сережка, пока я зашнуровывал ботинки. — Вон, какая холодина!
- Действительно, во второй половине февраля стало очень холодно. Снег идти перестал, целыми днями ярко светило солнце, но и холодный ветер дул так сильно, что дым из высокой трубы теплоэлектростанции, которая торчала в небо в конце Перекупного переулка, тут же сносило, и он стелился над крышами. А по вечерам, всматриваясь в небо над крышей, видимое из нашего окна, я видел, как сверкают звезды.
- Мы уже выходили, когда мама выбежала из кухни и уже в дверях растегнула мне уши на шапке, щелкнув металлической кнопкой, которая скрепляла их на верху ушанки. Кнопку эту она пришила, когда я в очередной раз вырвал тесемку из шва, потому что страшно не любил, когда ушанка подвязана снизу и — рывком — при первой возможности развязывал бантик под подбородком.
- Вот так чтобы и ходил! — сказала она строго. — Пятнадцать градусов!

— Чего бубнишь? — спросил меня Сережка, когда мы спустились по лестнице.

— Какие пятнадцать! — недовольно говорил я. — Десять, да еще солнце жарит.

И я снова поднял наверх уши у шапки.

— Ну, уж и жарит! — не согласился Сережка. — Жарить в марте будет.

— Жарит, жарит! — спорил я. — Ты вот приложи руку к пальто, когда по улице идешь. Теплое уже!

На углу Перекупного переулка и Конной улицы мы остановились и встали спиной к большому окну гастронома. Солнце сюда в это время так и било.

— Вот постоим немного, — сказал я, — сам увидишь.

Невдалеке от нас стоял у другого окна и точил ножи, которые ему вынесли из гастронома, точильщик. Он быстро, но мерно нажимал на педаль своего переносного точильного станка, немного похожего на ножную швейную машинку. Серые и белые точильные круги быстро крутились перед ним, поблескивая на солнце.

— Ну и ножи! — сказал Сережка. — Тонкие и длиннющие. Такими — насквозь проткнешь. А станок точильный у него — допотопный. Сейчас у многих, я видел, электрические, провод тогда из магазина вытягивают.

— Да уж. Не ножи, а ножищи. Это из мясного отдела. Ими еще масло режут.

— Нет, масла кусище продавец тонкой стальной проволокой разрезает, — не согласился Сережка.

— Какой-то ты спорщик сегодня, — сказал я. — Дома, что ли, вздули?

— Да ладно! А масло, точно, проволокой в магазине режут. У нее к концам еще деревянные палочки прикручены — ручки.

— Это когда не на прилавке еще, а на подсобном столе, за ним. Тогда — да. Продавец даже животом в огромный кусок масла упирается и тянет проволоку на себя. Но потом, на прилавке, уже ножом режет, кому сколько.

— Что-то не похоже на жарошу, — сказал Сережка, отталкиваясь спиной от подоконника. — Пошли, ходим.

Мы пошли вдоль стены дома, и тут я остановился и говорю:

— Тише! Слышишь — пощелкивает.

— Что пощелкивает?

— Как, что? Капель!

Сережка замер на несколько секунд и мотнул головой.

— Ерунда. Ничего не слышу.

Мы пошли дальше.

— Да вот же, теперь-то — слышишь? Щелк-щелк, щелк-щелк.

Сережка сдвинул брови, видимо, все же что-то услышав. Но, замерев снова и даже сощутив глаза, снова выдал:

— Мерещится тебе, что ли?

Какое-то время я шел молча и даже замедлил шаг. Вроде, действительно, было тихо. Но тут снова совсем рядом раздалось: щелк-щелк.

— Глухня ты! — сказал я. — Или просто соглашаться не хочешь, потому что упрямый сегодня. Надо было поспорить с тобой на что-нибудь, мигом бы проиграл.

— Это у тебя знаешь что? Эти, как их... — галлюцинации!

— Какие галлюцинации? Вот сейчас-то хоть — слышишь? А нет — уши пальцами прочисти, или дома спичками, вату на них намотав.

— Уши так нельзя чистить, — сказал Сережка. — Бабушка говорит, что так серу в ушах только еще дальше запихиваешь. И вообще, это опасно. Она даже случай такой рассказала. Один дядька в ванной на спичку вату накрутил, всунул ее в ухо и стал пальцами покручивать. А локоть он зачем-то в сторону выставил, к двери прикрытой, возле которой боком к ней стоял и в зеркало на себя любовался. А в это время жена его с другой стороны дверь резко толкнула, та ему по локтю — как даст, так спичка барабанную перепонку и проткнула. Насквозь. «Скорую» вызывали — дядька этот от боли в обморок упал.

— Ты мне уши, то есть зубы не заговаривай. Все равно щелкает, все время, при каждом шаге.

Сережка взглянул на меня — и расхохотался.

— Правильно, это же кнопки металлические у тебя на шапке друг о друга щелкают. Ты же уши, когда мы по лестнице спускались, поднял, а на кнопку их не застегнул. Вот они у тебя прямо над ушами при ходьбе и щелкают.

Я стянул с головы ушанку и — действительно. Каждое ухо, на конце которого поблескивала половинка кнопки, болталось и постукивало ею о половинку кнопки, пришитой к другому уху. Теперь я понял, почему щелканье это я слышал именно тогда, когда шел.

— Да, очень зря, что я с тобой не поспорил! — радостно объявил Сережка.

Словно ища, чем бы я мог ему возразить, я задрал голову и стал смотреть на карнизы, торчащие вверх стен. И тут поскользнулся — на маленьких черных ледяных звездочках, облепивших асфальт темной полосой в полуметре от стены дома. Здорово поскользнулся — левая нога косо уехала вперед, и я больно приземлился на бедро и ладонь руки, которую успел выставить вниз.

— Я же говорил, что уже капает! — воскликнул я, вставая и отряхивая снизу и сбоку пальто. — А ты — говоришь!

— Да ничего я не говорю, — буркнул Сережка, с неохотой поглядывая, на замерзшие на асфальте звездочки капли.

— А раз капель, то скоро — весна!

ЛУЧ ФОНАРИКА

В ночь на Пасху мои родители всегда ходили в Лавру — посмотреть крестный ход и постоять потом в соборе. С собой меня они не брали. «Задавят еще, — сказала как-то мама. — Там народу, знаешь, сколько!». В этот раз, чтобы мне не было так грустно, что я остаюсь, а они уходят, родители перед уходом попили со мной чаю. Мама даже разрешила мне поесть кулича, хоть Пасха еще не наступила.

— Это неправильно, — сказал отец.

— Ну, да и куличик этот, который пускай он съест, не совсем кулич.

На столе стояло целых три кулича: большой, с воткнутым бу-
мажным цветком, поменьше и совсем маленький, по форме боль-
ше похожий на булочку. Мама испекла его в шутку из оставшегося ко-
мочка теста. Этот-то куличик, с радостью обнаружив в нем не так уж
мало изюма, я с удовольствием и съел, запивая чаем.

— Мы придем поздно, — сказал отец. — Так что ты спи.

Сразу после чая я улегся. Мама поцеловала меня, подоткнула одеяло
и погасила свет. Потом я услышал, как и в коридоре щелкнул выключа-
тель. Потом тихо хлопнула входная дверь, и я услышал, как по ступень-
кам за стеной застукали шаги родителей. Все ниже, ниже, все тише,
тише... Ниже, ниже, тише, тише...

Когда я проснулся, то сразу не мог понять, спал я, или родители
ушли только что. Напротив окна на серванте стояли часы. Слабый
свет из щели в шторах падал прямо на них. Было половина третьего.
И я сразу понял, что родителей еще нет. Сам не знаю, почему. Понял,
и все.

«Что-то долго они, — подумал я, — пожалуй, буду спать». Только вме-
сто того, чтобы спать, я стал смотреть на еще одну полоску света — над
шторой. «Какой яркий фонарь-то во дворе», — подумал я. Часы на сер-
ванте — тоже: тикали так громко, что так и хотелось крикнуть — да
хватит вам!

«Надо перевернуться на другой бок, тогда снова уснешь», — вспо-
нил я совет отца. Но, перевернувшись, я стал вместо этого ковырять
пальцем дырочку в стене от когда-то вбитого гвоздя.

«Похожу-ка я лучше», — решил я. Воткнув ноги в тапки, я обошел
стол и подошел к окну. Когда я ступал, паркетины поскрипывали под
ногой, как никогда днем. На телевизоре стояла ваза с вербой. Вода
в ней почему-то мелко вздрагивала. А один мохнатый пупырышек
вдруг взял и упал на белую салфетку под вазой. Но сильнее всего све-
тился в темноте большой кулич, сверху густо посыпанный сахарной
пудрой.

Я отодвинул занавеску и посмотрел в окно. На стене дома напротив
ровными рядами темнели окна. Днем они были — которое светлей, ко-
торое темней из-за разных занавесок, а сейчас все казались одинаково
пустыми.

Вдруг в одном окошке вспыхнуло что-то яркое и маленькое. Я
даже прижал лоб к стеклу, чтобы рассмотреть, что это такое. Но
теперь это была уже не звездочка, а кружок света, который двигал-
ся по комнате. И вдруг — видимо, свет в том окне упал на что-то
светлое, а может, на зеркало — часть комнаты разом осветилась. И я
увидел: какой-то человек, держа в руке фонарик, рылся в раскрытом
шкафу.

«Вор!» — вмиг понял я. — Значит, что те, кто там живет, тоже, на-
верно, пошли в Лавру, а может, куда уехали, а он в это время залез к
ним — и шарит, шарит по шкафам. Между тем человек в окне отошел
от шкафа, перешел в другой угол комнаты, присел и начал рыться в
ящиках комода.

«В милицию звонить!» — пронеслось у меня в голове. Я медленно
отодвинулся от окна, повернулся и вышел в коридор. Плотнo прикрыв

за собой дверь, я зажег свет и снял трубку с телефона. Он стоял на маленьком столике перед зеркалом.

«Что же это так долго трубку не берут? — думал я. — А если — убивают человека?» Но тут в трубке щелкнуло, гудки исчезли, и чей-то голос произнес: «Дежурный девятого отделения слушает».

Почему-то слова «девятое отделение» очень на меня подействовали. «Ну, уж если не просто — а именно девятое отделение слушает, то значит — сейчас мигом примчатся», — подумал я.

— Тут квартиру грабят, приезжайте, — прокричал я.

— Откуда вы звоните, и назовите себя, — раздалось в ответ.

Я быстро проговорил свой адрес и еще быстрее протараторил: «Я проснулся и стал в окошко смотреть. Гляжу, а ниже этажом в окне, в комнате кто-то с фонариком по шкафам шарит. Не знаю я, какая это квартира. Нет, подождите. Там на первом этаже Люда Гуцулина живет, одноклассница моя. У нее квартира 66. Напротив — 67-я. А это — на третьем этаже. Значит, 70-я или 71-я. Что? Я? Я в школе учусь. Родители? Нет. Они в Лавру пошли, придут поздно сказали».

— Ладно, вызов принят, — закончил голос в трубке, как мне показалось, не очень довольный.

«А вдруг решат, что я — балуюсь? — подумал я. — Ну и пусть. Отец говорил, что милиция и на ложные вызовы приезжает».

Я окинул взглядом коридор. Тут тоже стоял шкаф, были приоткрыты двери в комнаты. «А ведь мог бы и к нам в квартиру забраться, — подумал я. — Вот дела!»

«В окно смотреть больше не буду, — решил я. — Вдруг, вспугну. Лучше, лягу. А чуть позже погляжу в окошко, что там будет».

Я лежал, смотрел в потолок. Часы на серванте тикали теперь еще громче. Но теперь мне это нравилось, потому что получалось, что в комнате я — словно не один. «Ну, быстрее, быстрее приезжайте! — думал я. — Когда же наконец ваша машина во дворе зафыркает?»

Проснулся я не от шума машины, а от какой-то возни в нашем коридоре. И от стука шагов. Сразу несколько человек топталось возле входной двери.

— Ну, где он тут у вас? — услышал я незнакомый голос. Дверь в комнату открылась, я увидел отца, и сразу в комнате зажегся свет. За отцом в комнату вошел милиционер, а за ним еще один. Из-за его спины выглядывала мама. Только тут я увидел, что отец еще в пальто, а шапку держит в руке. Видимо, они сразу все вместе в квартиру и вошли.

«Пришли, чтобы узнать, кто помог вора задержать, — подумал я. — Наверно, потом и в школу сообщат». Мне даже представилось, как к нам в класс входит директор школы, просит меня встать, а потом рассказывает всему классу, как я совершил этот поступок — помог задержать преступника.

— Это ты в милицию звонил? — спросил милиционер, который вошел в комнату первым.

— Испугаете вы ребенка, — вдруг выступила впереди всех мама.

— Не испугаем, — возразил ей милиционер. — Не пугливый у вас ребенок. Другой бы под одеяло спрятался, а он — в милицию звонить. Молодец!

— Вора-то задержали? — спросил я, обращаясь почему-то к отцу.

— Да не вор он, — ответил милиционер.

— Как — не вор? А кто? Бандит настоящий?

— Так живет он там, его это квартира, — заговорил второй милиционер. — Мы уж маме-папе твоим на лестнице все рассказали. Извините за беспокойство, — обратился он к маме, — но для протокола мы должны были и к вам зайти. Вызов-то из вашей квартиры поступил.

— Не вор это, — заговорил тут отец, обращаясь ко мне. — Хоть подумал ты, в общем-то, правильно. Этот дядя водителем троллейбуса работает. Ему в четыре утра уже из дома выходить надо — его специальный автобус в троллейбусный парк отвозит. Транспорт-то еще не ходит. Ну вот, встал он, начал одеваться, а куда носки положил, когда вечером перед сном раздевался — забыл. Ну и стал какие-нибудь другие в шкафах искать. А чтобы жену свою не разбудить, он не свет в комнате зажег, а взял фонарик карманный. И с ним стал в шкафах искать. Тут ты его и увидел. Милиционеры говорят, он им сам дверь и открыл, когда они в квартиру позвонили. В одной руке фонарик зажженный держит, а в другой — носок. Чуть они его, бедного, вязать не начали. Хорошо, жена его на шум вышла.

— Ну и напугал ты нас, — сказала мама, входя в комнату после того, как закрыла за милиционерами дверь. — Они нас на лестнице обгоняют, мы их спрашиваем — вы в какую квартиру, а они номер нашей называют — так у меня сердце чуть не оборвалось!

— Ладно-ладно, — прервал мамини слова отец. — Давайте лучше чаю снова попьем.

И мы сели за стол.

— Люблю я Пасху! — сказал отец, рассматривая на тарелке покрашенные яйца. Больше всего было тех, что покрасили луковой шелухой. Но вперемешку с ними лежали и желтые, и зеленые, и красные, и даже синие.

— Вот если б еще и постились, как положено, — сказала мама.

— Ну, по-настоящему, может, и не постились, но последнюю неделю я мяса почти не ел, — сообщил отец. — Только раз на работе поел пельменей.

— Еще масло ел, — сказала мама. — И сыр.

— Ну... — протянул отец. — Что-то ведь есть надо.

И он начал резать на ломтики кусок ветчины. Отец всегда покупал на Пасху кусок ветчины и еще сардельки.

— Христос воскрес! — сказал отец. — Давайте теперь яйцами кокаться.

Отец выбрал с тарелки самое вытянутое, с острым концом яйцо. Мама же взяла то, что лежало поближе. И конечно, оно тут же кокнулось, когда отец ткнул по нему своим. Мое яйцо с носика тоже кокнулось. А вот когда мы стали кокаться попками — выдержало.

Очистив свое яйцо, отец обмакнул его в соль, помазал горчицей и откусил почти половину.

— У-у-у... протянул он. — И отчего это яйца на Пасху такие вкусные?

Мама принесла с кухни дымящиеся сардельки. Съев одну, а потом вторую, отец ласково посмотрел на маму и сказал:

— А теперь — чайку. И куличика, куличика!

КАК Я НАУЧИЛСЯ ПЛАВАТЬ

Вот, казалось бы, взять простой таз. Внутри он белый, снаружи — зеленый, и на боках эмаль местами побита. На краю — дырочка, в ней — петля из веревочки, чтобы вешать на стену на гвоздь. Но если этот таз не висит в ванной на гвозде, а стоит в комнате на столе, а в тазу — большой узел из скатерти, внутри которого — занавески, наволочки, простыни и всякое такое, а рядом, на полу стоит чемодан, и еще тюк, и коробка от телевизора, внутри которой не телевизор, а проложенные полотенцами тарелки и миски, то это все означает только одно: мы едем на дачу!

Мама ходит из комнаты в кухню и из кухни в комнату и заглядывает в шкафы — наверняка что-то забыли упаковать. А папа в это время где-то на Гончарной улице ловит возле вокзала грузовик, который отвез бы нас на дачу.

А я — как в Новый год, выхожу часто в коридор и прислушиваюсь. Только не к тому, зашуршит ли, наконец, внизу елка своими лапами о стены на лестнице, а не гудит ли внизу во дворе грузовик, придвигаясь задним бортом к нашей парадной.

И вот идем мы с Толькой Глобой по нашей улице на даче. С Толькой мы подружились еще в прошлом году. Он живет в доме напротив, и приехал на дачу — счастливцу! — еще в конце мая. Вся его коротко стриженная голова уже загорела так, что больше напоминает картофелину, а руки — такие, словно он не мылся уже полгода. Идем мы, идем, и вдруг Толька останавливается у одного электрического столба и тянет голову к небольшой, прищипленной кнопками бумажке.

— Ты чего там увидел? — спрашиваю я. — В школе еще не читался?

— Ты плавать умеешь? — вместо ответа спрашивает он. — Тут объявление висит: приглашаются дети 8-12 лет на занятия по плаванию. Бесплатно. Занятия — по понедельникам, средам и пятницам, с 10-ти до 11-ти, в купальне на озере.

— Здорово, — говорю я. — Запишемся? Сегодня у нас — что? Воскресенье? Значит завтра — идем. Родители вряд-ли воспротивятся. К тому же — бесплатно.

На следующий день под десятого мы уже шли к озеру.

— Твои не возражали? — спрашивает Толька.

— Да нет. Мама, правда, сказала: «Хорошо бы узнать, что там за тренер такой». А отец говорит: «Да какой бы ни был. Все равно ведь — в купальне. Там воды-то — по грудь. Не зря ее лягушатней прозвали».

Озеро находилось по другую сторону от железной дороги. Мама еще, конечно, и по этому поводу сказала. Ну, чтоб осторожно через рельсы переходить. Озеро почти сразу за переездом и начиналось. Надо было только по дороге пройти — к пляжу и спасательной станции. Рядом с ней и была купальня.

— Так плавать-то ты умеешь? — говорит Толька.

— Нет, не умею. Как раз за это лето и хотел научиться. А ты?

— По-собачьи. Но до берега, если что, доплыву.

Я не успел спросить, с какого расстояния Толька, если что, доплывет до берега, потому что мы как раз подошли к купальне.

Купальня, или как ее называли — лягушатня — представляла собой огороженный мостками кусочек озера. С одной стороны, у берега, в ней было так мелко, что на дне была видна каждая улитка. У входа на мостки уже стояло человек десять. В основном, мальчишки, девчонок было только три.

— Физкульт-привет! — сказал Толька. — Какие-то все невеселые, — шепнул он мне. — Наверно, стесняются, что плавать не умеют.

Я стал рассматривать пришедших. Девчонки, конечно, стояли отдельной кучкой. Из мальчишек больше всего привлекал внимание толстяк в синих шортах.

— Видал толстячка? — говорю я Тольке.

— А, между прочим, — говорит Толька, толстяки очень хорошо плавают.

И верно. Среди тех, кто приходил на озеро купаться, мы с Толькой сразу приметили одну пловчиху. Из всех купающихся она одна заплывала в дальний край озера. И ее голова тогда была на воде — как маленький шарик. Так вот, пловчиха эта была толстухой, каких поискать. Мы с Толькой так ее между собой и прозвали — Слониха. На пляже про нее говорили, что она — директор школы. Представляю, как расступались перед ней ученики, когда она шла по коридору. От своего полотенца-то к воде она шла так, что матери оттаскивали с ее пути малышей.

— Кстати, — сказал я Тольке. — Ты не знаешь, почему, когда лежишь в ванной, нога, если ее высунуть из воды, кажется такой тяжелой?

— Я про это уже думал, — сказал Толька. — А потом мне брат рассказал. Им на физике объясняли. Просто в воде тело весит меньше, чем на суше. И организм к этому привыкает. А когда ногу из воды высовываешь, она снова по-старому весит. Вот ты эту разницу и чувствуешь.

Наконец в спасательной станции хлопнула дверь, и по песку пляжа к нам быстро пошла женщина. На ней был накинутый на плечи халат, а в руке болталась резиновая шапочка.

— Ну, здравствуйте, — сказала она. — Меня зовут Марья Петровна. Я тренер по плаванию. Говорю сразу. Если кто-то пришел просто купаться — может уходить. А если кто-то чему-то уже научился — пусть это забудет. Потому что мы будем учиться плавать, как говорится, с нуля. И вы потом сами поймете, что научились — только теперь. А сейчас — всем построиться на бортике. Каждый встает на расстоянии пяти шагов от другого. И когда потом я велю спуститься в воду — всем так в воде и встать.

Когда мы не без толкотни расположились на мостках, которые Марья Петровна назвала бортиком, она сказала:

— Умение плавать — одно из главных умений человека. В Древней Греции если хотели оскорбить, то говорили: он не умеет плавать. Был такой английский поэт — Байрон. Так его даже прозвали англичанин-рыба. Потому что он мог плавать в море полдня. Проголодавшись, он подплывал к лодкам рыбаков и просил еды. И, поев прямо в воде, продолжал плавать.

— Вот бы так научиться, — сказал толстяк в синих шортах. — Поплавал-поплавал, подплыл куда-нибудь, попросил съесть коржик и воды газированной, и дальше поплыл.

— Научитесь! — сказала Марья Петровна. — Только сначала вы должны понять, что держаться на воде — это естественно. Поэтому для начала я научу вас задерживать дыхание и лежать на воде.

— На спине? — спросил толстяк.

— Нет. Сначала на животе.

— На животе сразу ко дну пойдешь, — не согласился толстяк.

— Не пойдешь. А теперь — смотрите.

И Марья Петровна, глубоко, с шумом вдохнула ртом, а потом сжала его, надув щеки. Почему-то я начал про себя считать: раз, два, три... Через десять секунд Мария Петровна выдохнула воздух.

— А теперь — все!

И мы начали надуваться, как пузыри. А Марья Петровна считала до десяти. Потом, надувшись, надо было приседать на корточки. Наконец, нам велели сойти в воду и встать вдоль бортика. И все, что мы делали на бортике, мы стали делать в воде. А потом мы действительно стали всплывать. Для этого надо было надуться, присесть под водой, обхватить руками колени и уткнуться в них носом. И почти сразу после этого ты начинал всплывать — спиной вверх. Упражнение это называлось — «поплавок».

— Ну, у всех получилось? — спросила Марья Петровна.

— А я, когда под водой сидел, думал, что не всплыву, — сказал толстячок. — Только чувствую вдруг, кто-то у меня по спине ползает. Слепень, наверно. Они любят на мокрое садиться.

Следующее упражнение называлось «звездочка». Надо было, после того как всплыл, медленно развести в стороны руки и ноги. Только лицо надо было держать в воде. И действительно, ко дну почему-то никто не шел.

— Отдохнем немного, — наконец сказала Марья Петровна.

Тут я услышал громкий шлепок позади себя. Я обернулся — это Толька, стоявший за мной, прихлопнул на плече слепня.

— Жрут, как собаки, — сказал он.

И тут я увидел маму. Она шла к нам по бортику, всматриваясь в детей.

— У вас дети — синенькие, — сказала мама Марье Петровне.

«Синенькими» вообще-то мама называла баклажаны. Я сначала и не понял, почему она сравнила нас с баклажанами. Но, взглянув еще раз на Тольку, понял. Он, действительно, был если не синенький, то синеватый. А кожа на груди и плечах была то, что называется — вся в пупырышках. И еще он мелко дрожал. Впрочем, я тоже.

— Вы же их всех застудите, — продолжала мама. — И жары такой нет, и вода с утра еще не прогрелась. Ну-ка, вылезай, — сказала она мне.

Больше всего у меня дрожали ноги. Это я заметил, когда по лесенке на бортик поднимался. А как только я вылез, и меня обдуло ветерком, у меня даже зубы зацелкали.

— Ничего себе занятие! — сказала мама, глядя на Марию Петровну.

Часа через два ко мне зашел Толька.

— Не переживай, — сказал он. — Мы потом еще только минут десять позанимались. А в среду она научит нас скользить по воде. А потом мы будем учиться плавать кролем.

Больше на занятия мама меня не пустила. О том, чему учили в лягушатне, мне рассказывал Толька. «Я тебя научу не хуже», — говорил он. И верно. В первое же наше купание на озере он научил меня «скользить». Для этого надо было набрать побольше воздуха, вытянуть перед головой руки и оттолкнуться от чего-нибудь ногой. Я от Тольки, стоявшего рядом в воде, и отталкивался.

В этот день уже с утра стало жарко. Быстро позавтракав, мы пошли с мамой на озеро. Возле калитки меня уже ждал Толька. Подмышкой он держал надутую автомобильную шину.

— Сегодня я научу тебя плавать кролем, — сказал он. — Я и шину специально взял, для подстраховки. Чтобы ты поначалу себя уверенно чувствовал.

В первый же наш заход в воду Толька научил меня, как надо двигать ногами. Держась за шину, я вытягивался на воде и быстро перебирал ими вверх-вниз. Потом он научил меня движениям рук. Это было похоже на то, как делать «мельницу». Ну а потом я попытался все сразу — и ногами бултыхать, и загребать руками. Хуже всего у меня получалось вдыхать ртом — в тот момент, когда рука, сделав гребок, вытягивалась вдоль туловища.

В перерывах мы валялись с Толькой на песке и глазели, кто как плавает. Скоро мимо нас медленно прошла к воде Слониха. Она поводила при ходьбе руками, отставляя их в стороны, потому что огромный живот и широченные бока не давали ей опустить их вниз.

— Сейчас вода из берегов выйдет, — сказал дядька, загорававший недалеко от нас.

Слониха медленно вошла в воду, постояла, слегка нагибаясь и брызгая на себя, потом пошла дальше, и скоро ее голова, как шарик, поплыла по воде.

— Уф, жарко как стало, — сказала мама. — Вы лежите, а я схожу в магазин у станции, может, лимонада куплю.

Наверно, лимонада в том магазине не оказалось, и мама пошла еще в один, тоже бывший недалеко. Лежали мы, лежали, и, наконец, Толька не выдержал:

— Ну, все. Не могу больше. Спекся! Пошли, купнемся разок.

Когда мы зашли в воду, Толька швырнул вперед шину и велел мне плыть к ней.

— У тебя уже хорошо получается, — сказал он.

Я прямо наслаждался, перебирая ногами в прохладной воде. Впрочем, в том месте было еще мелко. И когда я вставал на дно, вода приятно щекотала у подмышек.

— Поплыли к буйкам, — сказал Толька. — Как до них доплывем, ты отдохнешь на буйке, а я на шине.

И мы поплыли. Буйки были не так уж далеко от берега. Но когда мы к ним приблизились, я почувствовал, что вода под ногами холодней, чем была до этого.

Я всегда обращал внимание на эти буйки. Они были похожи на бомбы, только покрашены в красный цвет. Заплывать за них считалось опасно, так как дальше начиналась уже настоящая глубина.

Все же Толька переоценил мои силы. Еще не доплыв до буйка, я почувствовал, что ноги предательски опускаются. Главное же, черкнув под собой ступней, я не ощутил дна. И это было почему-то неприятно. Поэтому я с удовольствием повис на буйке.

— Ого! — произнес Толька. — А берег-то отсюда кажется дальше, чем буйки от берега. Ты вот что — повиси на буйке, а я вон, до крайнего доплыву. А потом двинем к берегу.

И он поплыл. А для подстраховки швырнул перед собой шину.

Ну вот. Держусь я за буюк, повожу медленно под водой ногами. И вдруг вижу: прямо к моему буйку плывет Слониха. Я ее сразу узнал, хоть она и была в резиновой шапочке. Метров за пять от нас с буйком она нырнула, и тут же вынырнула совсем рядом, и — хват за буюк руками.

— Хорошо-то как! — произнесла Слониха и, держа буюк, откинулась на спину. Даже ноги ее из воды показались.

Буюк этот, конечно, был не очень маленький. Приличная такая бомбочка. Только меня-то он еще мог выдержать, а вот и меня, и Слониху — нет. И понятное дело, как только Слониха повисла на нем, буюк мой спокойненько так, без пузырьков, пошел под воду. А с ним и Слониха.

«Бл, бл, бл», — захлопала вода вокруг моей головы. Заколотил я по ней руками, что было силы, но чувствую, вода какая-то мягкая подо мной — не держит. Тут, наконец, буюк снова появился. Только я за него ухватился, как Слониха снова выныривает. И опять — хват за буюк. А сама хохочет — «ой, как весело», говорит. И как только буюк снова под воду ушел, я понял, что сейчас и сам ко дну пойду.

Вот забарабанил-то я по воде руками! И — к берегу!

Кролем ли я плыл или просто уж очень сильно по воде молотил, только вдруг — как саданул коленом о дно. И так, колотя по воде и по песку руками, я на берег и выбрался.

— Ну, ты и дунул! — сказал Толька, тоже как раз в это время вышедший из воды. — Тебя теперь хоть на соревнования отправляй. Все рекорды побьешь. Правильно, значит, мои уроки усвоил.

Правильно или не правильно, только теперь я глубины не боюсь. Потому что знаю — доплыву. Во всяком случае — до берега.

ПОЧЕМУ Я НЕ ЕМ МАРМЕЛАДА

Как-то вечером Толька Глоба сказал, что он нашел в лесу место, где кто-то учился метко стрелять. «Понимаешь, там к сосне прибит лист железа и он весь в маленьких дырках. Притом дырки не просверлены, а явно, что пробиты. Похоже, кто-то из мелкокалиберной винтовки по этой железке пулял. Пошли, может, гильзы найдем, а то и патрон целый».

Я сказал маме, что мы пойдем погулять в лес, да посмотрим, осталась ли еще где-нибудь черника. Черники в этом году было немного, потому что когда она еще только цвела, ударили заморозки. Но кто ж готов поверить, что не будет черники? «Завались ее будет», — говорил Толька.

— Комары вас не съедят? — спросила мама. — Вечером их — вон сколько!

И она оказалась права. Стоило посмотреть против солнца — целые столбы комаров качались в воздухе. И первого комара Толька прихлопнул на шее, когда мы еще только шли по дороге.

— В темечко больше всего кусают, — сказал Толька. — Они ж его сверху первым делом видят.

— Еще в пробор в волосах любят, — сказал я.

— А ты не причесывайся.

— Верно.

— Я тут в кустах вчера подберезовик нашел, вот такой, — и Толька расставил пальцы.

— Да, грибов скоро тоже завались будет.

Мы вошли в лес и скоро присели возле кочки, покрытой черничными кустиками.

— Да, не густо, — сказал Толька. — Не наешься. Ничего, можно на голубике еще отыгаться. Ее у дальнего леса на горелых кочках — море.

Скоро лес стал гуще, а сосны — высокими-высокими. Внизу, в зарослях рябинок, было уже темновато, но метрах в пяти над землей золотистая кора на соснах прямо горела на солнце.

— Где-то здесь, — сказал Толька. — Ищи. Сосна прямо из кочки растет, тонкая. А на высоте — как подпрыгнуть с вытянутой рукой — лист железа прибит, размером с почтовый ящик.

Я стал стараться смотреть вверх, но глаза уже так привыкли шнырять по кочкам в поисках черники, что сами собой тут же опускались. И эту сосну я сначала снизу и увидел. Она и впрямь торчала из самой середины кочки. По краям кочка вся заросла черничными кустиками, а сверху, у самого ствола, блестели веточки брусники. Да еще торчало несколько хвощей противного лягушачьего цвета. И сразу что-то стрельнуло мне по глазам — это лучики из маленьких дырочек били мне в лицо.

— Вот она, — сказал Толька, — видишь? Точно, из мелкашки палили. Поэтому края дырочек в одну сторону и загнуты. Не гвоздем же их пробили. И зачем тогда железку эту было к сосне присобачивать? Не, это мелкашка, точно говорю.

Я зашел с другой стороны сосны и всмотрелся в жестяной лист. Сквозь ржавчину и царапины черно проступал зловещий череп и две кости, скрещенные под ним. А еще ниже полустершимися буквами было написано: «Не влезай, убьет».

— Похоже, со столба на высоковольтке отодрали, — сказал Толька.

В конце леса, там, где между деревьями начинало просвечивать поле, по широкой просеке тянулась линия высоковольтной передачи. Стальные вышки-опоры словно шагали по ней и становились вдалеке все меньше и меньше. Меж ними, чем дальше, тем все ниже провисали провода. Они тихо жужжали от идущего по ним тока. Иногда было даже не понять: они это жужжат, или стрекочут на раскаленных кочках кузнечики.

— Точно, — сказал я. — Такие таблички там к каждой опоре прикручены.

— Говорят, если провод высоковольтки на землю упадет, надо на одной ноге стоять, — сообщил Толька. — А как на две встанешь, то через тебя сразу ток пойдет. В одну ногу войдет, а из другой выйдет. И тебе — каюк. Шаговое напряжение называется.

— На одной ноге долго не простоишь, — возразил я.

— Простоишь, если жить захочешь. А еще лучше — ступни вместе составить и передвигаться в сторону, двигая ими, словно танцуешь.

Толька огляделся.

— Вон, от этой сосны, наверно, стреляли. А может, от той. С близкого неинтересно. Пошли, поглядим под ней.

Мы стали раздвигать траву, приподнимать стебли вереска, рыхлить пальцами труху под ними. Побегали жуки, юркнули мокрицы и тысячножки, скакнул с выпученными глазами лягушонок.

— Гадюки не боишься? — спросил меня Толька.

Мне сразу стало казаться, что у меня под пальцами только что проскользнуло что-то длинное. Шорох рядом в траве тоже показался подозрительным.

— У тебя ранки во рту есть? — поинтересовался Толька. — Если есть, то отсасывать яд из змеиного укуса нельзя. И до больницы не дотянешь, помрешь.

— Нет здесь никаких гилз, — поднялся я с колен. — Пошли отсюда. Только время теряем.

— Ладно, — согласился Толька. — Как-нибудь утром придем. Смахни, у тебя комар над бровью.

Я шлепнул пальцами по лбу — и что-то теплое и влажное размазалось по коже.

— Маленький, гад, а сколько крови высасывает.

— От двух до трех граммов, — сообщил Толька.

Удивительной особенностью Тольки Глобы было то, что в любой момент он мог сообщить что-нибудь такое, чего никто больше не знал. «Наверно, книг много читает», — как-то подумал я. Но однажды, поджидая его на улице, я услышал, как мать кричала на Тольку. «Целыми днями только и шатаешься! Хот бы раз один книжку в руки взял, что на лето читать задали».

— Двадцать укусов — и пятьдесят грамм крови как не бывало, — продолжал Толька. Сорок укусов — почти сто грамм. А восемьдесят — это как стаканчик мороженого.

— Быть не может, — удивился я. — Да утром иногда волдыри на руках и ногах сосчитаешь, штук двадцать-тридцать и наберется.

— Коровы иногда умирают, — продолжал Толька. — Налетит комаров туча, три-четыре часа — и все. Правда, это в Азии, там комаров больше и они злее. А знаешь, сколько взмахов крыльями делает комар за секунду?

— Сколько?

— Пятьсот.

Я представил, сколько раз за счет раз-два я смог бы взмахнуть руками.

— Врешь.

— Научные данные, — важно двинул бровями Толька.

— Ладно, пошли. А то и нас заедят. Давай, вправо возьмем, тут дорожка должна быть, по ней к шоссе и выйдем.

В этой части леса, где мы шли, было много больших глубоких ям. Мы называли их воронками, хоть отец говорил, что в войну бомбы и снаряды здесь вряд ли падали, разве что случайно. Воронки эти казались еще глубже из-за кочек, которые высились по их краям. Шагнув на одну такую кочку, Толька нагнулся и поднял с земли что-то коричневое.

— Гриб? — спросил я.

— Какой гриб... — отозвался Толька. — Кошелек.

Действительно, он держал в руке кошелек из коричневой кожи, с наружным карманом на блестящей кнопке.

— Пустой?

— Нет, что-то позвякивает. Ой, смотри.

В воронке, на противоположном от нас склоне, лежал на боку человек. Было видно, что он спит: колени он подтянул к груди, а одну руку подложил под щеку. Рядом с ним лежала полураскрытая сумка, какие носят через плечо. Чуть ниже валялась пустая бутылка из-под пива.

— Потерял, наверно, когда к яме подходил, — прошептал мне Толька.

— Точно. А потом пива напился, да и заснул. Давай, кинь ему кошелек тихонько. Рядом с сумкой чтоб упал.

— А если проснется?

И словно услышав нас, человек в воронке вдруг открыл глаза и приподнял голову. Судя по его взгляду, он не очень понимал, где находится. Но стоящих прямо перед ним меня и Тольку с коричневым кошельком в руке увидел сразу.

— Бежим! — крикнул Толька, и мы, отскочив от края воронки, пулей кинулись прочь. Я даже не понимал, в какую сторону мы побежали. Но бежали мы правильно и скоро выскочили на дорожку, а потом на шоссе, которое отделяло лес от поселка. Только на первой от леса улице мы перешли на шаг, а потом остановились, чтобы перевести дух. Я даже нагнулся, упершись руками в колени. Под ребром справа у меня колело так, как однажды на уроке физкультуры, когда я решил быстрее всех пробежать триста метров. И тут я увидел кошелек, который так и держал в руке Толька. Он тоже смотрел на него словно с удивлением.

— Ты что, его не бросил?

— Да я и сообразить-то ничего не успел. Когда было? Мы ж как дунули!

— А что теперь? Может, вернемся?

— И что этот дядя сделает, когда нас увидит? Он же наверняка думает, что мы у него кошелек сперли. Или в милицию ответит, или бока наломает.

— Ну и дела ... Он с деньгами?

— А я знаю!

Толька раскрыл кошелек. В нем лежало несколько сложенных пополам бумажек, а в наружном кармане — горсточка мелочи.

— Не много тут, — сказал Толька. — Мать отцу столько на обед дает.

— Все равно. Получается, мы его словно украли.

— Так ведь не хотели же! Еще бы секунду одну, и я его точно бы бросил.

Мы шли по дороге и на самом деле не знали, что нам делать. Домой идти не хотелось. Толька сунул кошелек в карман. Скоро мы подошли к станции.

— Давай, подождем пару электричек, — предложил Толька. — Может, он к станции шел. Если на платформе покажется, бросим кошелек так, чтобы он увидел, а сами сиганем через перила. Если ему ехать надо, не побежит же за нами.

Так мы и сделали. Скоро вдали над рельсами показался маленький темный квадратик — нос электрички.

— Ты следи за тем концом платформы, а я буду — за этим, — определил Толька.

Но подкатила электричка, а человек из леса так и не появился. Потом пришла электричка из города, потом еще одна.

— Пойдем, — сказал Толька. — Так до утра простоим.

Мы спустились с платформы, прошли мимо вокзала и двинулись к озеру. Оно тут сразу начиналось, за магазинами. Ближе всех к озеру стояла булочная. Над ее крышей зеленели огромные ивы, ветки которых с другой стороны опускались в воду.

— Мать велела батон купить, — сказал Толька.

Он расстегнул на груди карман рубашки и вытащил деньги.

Мы вошли в булочную. Кроме нас никого в ней не было. Толька посмотрел, что за батоны лежали за стеклом на прилавке, и спросил, есть ли «Нарезной». Как раз на него ему мать денег без сдачи и выдала. Потом мы стали смотреть, какие конфеты выставлены на прилавке в стеклянных банках.

— Тянушка сливочная появилась, — сказал Толька. — И бомбошки лимонные. Позавчера не было. Их с чаем очень хорошо, вприкуску.

— Мармелад свежий привезли, — сказала вдруг продавщица. — Только расфасовала. Берите. Трехслойный. Такой душистый, что рядом с коробкой стоять невозможно.

— Трехслойный? — переспросил Толька. — Ну-ка ...

В высокой стеклянной колбе действительно красовался над прилавком мармелад. С одного края каждый кусочек был красным, с другого — зеленым, а посередине — белым.

— Мне больше всего тот, что красного цвета нравится, — сказал Толька. — Я когда такой ем, сначала красный и выгрызаю.

— А мне — зеленый. Но белый тоже ничего. Пастилу напоминает.

— Вкусней всего, конечно, когда сразу всех трех цветов откусишь... Может, это, купим немного?

— У тебя, что, деньги есть?

— Так эти, которые в кошельке. А что с ними делать? Не домой же нести. Там тогда все рассказывать надо. Хочешь, бери себе...

— Да не хочу я.

— Так и я не хочу. Значит, или выкинуть надо, или ...

— Ну, надумали? — подала голос продавщица. — Давайте, мне уж закрываться пора.

— Триста грамм, — произнес вдруг Толька.

Я взглянул на него, а он взглянул на меня и пожал плечами.

Продавщица протянула нам кулек. Я стоял ближе и взял его. Даже сквозь бумагу чувствовалось, что мармелад, действительно, очень свежий.

Мы вышли и пошли вдоль озера. Ветер шевелил высокую траву, торчавшую из воды, и иногда казалось, что кто-то идет рядом с нами. И

хоть никого не было, я несколько раз оглянулся. Иногда ветер рябил воду, и тогда лодки, привязанные у берега, начинали тихо покачиваться. Мы выбрали лодку, в которой на дне было меньше всего воды, и устроились на задней скамейке. Солнце еще грело, а лодка, под нашей тяжестью сдвинувшаяся с места, слегка покачивалась.

— Хорошо! — сказал Толька.

— Тепло, — согласился я.

Толька развернул кулек.

— Угощайся, — протянул он его мне.

— Спасибо.

Я запустил в кулек руку, ухватил одну мармеладину и вдруг увидел огромную улитку, сидевшую на сырой рейке на дне лодки. Она высунулась из раковины сантиметров на пять и была зеленого цвета. Улитка водила выставленными рожками и медленно двигала головой. Было видно, что шея у нее — упругая и влажная, совсем как мармелад. Она ползла не сверху, а сбоку рейки, и большая раковина на ее спине наполовину опускалась в густую, застоялую воду. В воде этой в изобилии плавали дохлые комары.

— Свеженький, — сказал Толька, откусывая от следующей дольки. — Хочешь еще?

Мне неудобно было сказать, что не очень, и я взял еще дольку.

Вдруг рядом с лодкой булькнуло, и потом по поверхности воды разошлись круги.

— Это газ, — сказал Толька. — Метан. Он со дна в виде пузырей поднимается. Он ядовитый и образуется из организмов, которые умерли и разложились.

Почему-то я вспомнил, как в самом начале лета видел в только что подсохшей канаве дохлую полусгнившую кошку.

— Что-то мы долго гуляем, — сказал я. — Мне домой пора.

— Сейчас пойдем. Доесть надо.

— Я уж наелся. Сладкий он больно.

Толька протянул мне кулек.

— Спасибо. Что-то уж не хочу.

Скоро мы вылезли из лодки, и пошли к дому. Солнце уже спряталось за деревьями, окружавшими озеро. Вода потемнела. Только на середине озера она еще краснела и золотилась вокруг лодки, в которой сидел рыбак с торчавшей удочкой. Я вспомнил почему-то, как мы бежали из леса. «Вот его-то уж точно никому не достать», — думал я, глядя на рыбака.

И вот с тех пор я не ем мармелада. Сам не знаю, почему.

ЛОСЬ

Отец приезжал на дачу только в конце недели, на выходные.

— Да рано еще, — говорила мне мама, когда солнце начинало спускаться к верхушкам сосен за нашей улицей. Но я все равно: лишь только за огородами позади дачи прошумит электричка, как я — уже за калиткой. Дачный поселок был большой, народу на выходные при-

езжало много. А вот отец появлялся в конце дороги почему-то всегда один.

— Просто я люблю садиться в последний вагон, — сказал он мне как-то. А когда сойду с электрички, сначала постою у перрона да выкурю папиросу. Это на работу когда идешь — со всеми вместе в транспорте толкаешься. А здесь, как вышел из вагона — такой воздух кругом! Так и хочется не спеша прогуляться.

Вот и в эту пятницу, увидев отца в конце дороги, я сразу побежал к нему навстречу. Как обычно, он нес что-то в руке. «Похоже на торт, — подумал я. — А может, опять копченый карп в бумажном пакете. Ура! Это же арбуз!»

— Ну как вы тут без меня? — спросил отец.

— Нормально, — ответил я, для убедительности выбрасывая вперед ногу и ударяя по большому огрызку яблока, валявшемуся на дороге.

— А какой у мамы сегодня суп?

— С картошкой.

— И с тушенкой?

— И с тушенкой. И с зеленым луком.

— Здорово!

— А маме помогаешь?

— Конечно. Она меня за керосином посылает. Мы за ним вместе с Толькой Глобой ходим. Только у него канистра квадратная, все равно как автомобильная, а у нас — круглая.

Скоро в одном месте дороги я остановился и сказал отцу:

— Чувствуешь?

— Чувствую, — сказал он. — Керосином пахнет.

— Это потому, что машина, с которой керосин продают, всегда здесь стоит. Тут весь песок им пропах.

— А как керосинка наша? — спросил отец. — Не коптит?

— Не-а. Только иногда. Но мама потом кастрюли песком все равно до блеска чистит.

Скоро мы подошли к даче.

— Вижу, вижу керосиночку нашу! — воскликнул отец. — Вон, стоит на крылечке!

Я же, наверно потому, что был гораздо ниже отца, увидел только маму, уже машущую нам рукой.

Ну а после обеда мы ели арбуз! Когда отец воткнул в него нож, то арбуз даже затрещал, до того был спелый.

А потом мы пошли гулять. Отец о чем-то разговаривал с мамой, а я кружил вокруг них.

— Что отстаешь? — крикнул отец.

— Пусть его, — сказала мама. — Хозяйство свое оглядывает.

А я и на самом деле, раз представилась возможность, решил посмотреть: много ли еще ягод осталось на кусте бузины у речки, которыми мы стреляли друг в друга, дуя в трубки, сделанные из пустого внутри стебля дудника; лежит ли еще в канаве в двух метрах от мостков дохлый еж; не утащил ли кто раму детского велосипеда, которую мы с Толькой Глобой нашли на свалке в конце дороги и спрятали в кустах. Звонок у нее на руле, хоть и заржавел, но еще дзинькал.

Вечер был теплый, и мы решили посидеть на краю поля у топиной рощицы. Она тянулась далеко-далеко вдоль железной дороги. Поэтому мама несла на руке старое покрывало. Отец же захотел посмотреть, что не получается у меня в модели планера, которую я собирал из конструктора. Отец купил его еще весной, перед дачей. В длинной картонной коробке лежали деревянные рейки, провололочные дужки-перепонки для крыльев, большой кусок кальки, чтобы их обклеить, клей, толстые нитки, и уже выпиленный из фанеры нос планера, по форме похожий на кита. Я уже собрал хвостовое оперение и приделал его к рейке-фюзеляжу. С другой стороны примотал к нему нитками нос. Собрал и одно крыло. А вот прикрепить его к фюзеляжу у меня не получалось. И отец нес сейчас под мышкой коробку, в которой лежало собранное крыло, а в другой руке — фюзеляж с носом и хвостовым оперением.

Перейдя речку, мы пошли вдоль рощицы. Мама выбрала плоский бугорок и расстелила на нем покрывало. Сначала оно топорщилось на пучках травы, но я несколько раз плюхнулся на них, и покрывало разгладилось. Наконец расселись. Я — посредине, а отец и мама — по краям. Рядом на траву отец положил планер.

— Красота! — сказал отец. — И солнце как раз садится. А щавель-то уже как вымахал! Гляди, гляди, — сказал он маме. — Кисти красные на нем так и горят! Красиво, да? — повернулся ко мне отец.

Я для согласия кивнул головой, подняв брови и поджав губы, и тут заметил жука-пожарника, залезшего на покрывало. Он был красным — совсем как тот щавель и всю работу усами.

«Когда сделаю планер, — подумал я, — приклею к нему снизу спичечный коробок. И перед тем, как планер запускать, буду сажать в него разных жуков».

— Что он там делает? — спросила мама, указывая рукой в поле.

Недалеко от нас, на поле, лошадка тащила за собой какую-то штуковину на двух колесах и с торчащими вниз кривыми железками. Посреди этой штуковины сидел на высоком сиденье человек. Он держал вожжи, а иногда дергал какой-то рычаг. И тогда железки то поднимались, то опускались.

— Похоже, солому собирает, — сказал отец. — А солнце-то садится.

Далеко за полем, над лесом небо было такое, что больно было смотреть. Я даже зажмурился, при этом в глазах у меня замелькали разноцветные пузыри.

— Закат — красный, — сказал отец. — Значит, день завтра будет ветреный.

Мама встала и подошла к небольшому бугру, заросшему ромашками. Она сорвала всего несколько кустиков, а получился целый букет.

— Ну, что там у тебя, — спросил отец и стал рассматривать собранное мной крыло и то место на фюзеляже, куда надо было его крепить.

— Ничего-то у нас толком не могут сделать, — сказал отец. — Даже для детей. Вон, какой перекося. Одна прорезь на фюзеляже должна быть на полтора сантиметра дальше. Тогда бы все сразу на место и встало. Руки бы оторвать тем, кто это делал.

Он вынул из кармана перочинный нож с тремя разными лезвиями, пилкой и шилом. Выбрав подходящее лезвие, он сделал два надреза на

рейке фюзеляжа, а потом аккуратно вырезал из него квадратный кусочек. И потом спокойно, без всякого перекося, вставил крыло.

— Порядок! — сказал он. — Потом посадишь крыло на клей, да собирай второе. Только без меня не запускай. Через неделю приеду — устроим воздушный праздник.

И он положил теперь уже почти собранный планер на траву.

Сзади нас, за рощицей, раздавался отдаленный, но медленно нарастающий шум. А затем воздух прорезал протяжный, каждый миг — все более громкий гудок электрички. Отец посмотрел на часы.

— Эта — сквозная, — сказал он. — До Выборга идет, без остановок. Я однажды на ней по ошибке чуть не уехал. Вовремя на Финляндском вокзале обратно из вагона выпрыгнул. То-то б вы меня ждали!

Гул и гудок — да такие, что хоть уши зажимай — раздавались теперь прямо за нашими спинами. И вдруг к ним присоединился еще один звук. Правда, он был больше похож на топот и тоже быстро нарастал. Только двигался он не вдоль поля и рощицы, а из ее глубины, прямо на нас. Отец приподнялся на одеяле, а мама повернула голову. И тут страшный треск позади нас разломал воздух пополам. А вслед за этим что-то огромное, коричневое, мелькающее ногами и размахивающее огромными рогами вырвалось из листвы за нашей спиной. Это что-то глухо ударило копытами по земле рядом с самым покрывалом и огромными скачками понеслось по полю. Оно почти налетело на лошадь, от чего та, словно ее ударили, резко мотнулась в сторону. Дядька, который сидел на высоком сиденье, слетел с него и кубарем покатился по земле.

— Бог ты мой! — воскликнула мама.

— Еще бы немного, и он бы нас в лепешку раздавил! — сказал отец.

Он уже стоял и, уперев руки в ремень на поясе, смотрел в поле.

— Лось! — сказал он. — Да какой огромный! Это его электричка испугала, вот он и рванулся. Это так близко от города лоси живут? Да, не погибла еще Россия!

— Какая Россия! — вскрикнула мама, хватая меня и осматривая со всех сторон. — Чуть ребенка не убило, а ты — Россия!

С середины поля к нам медленно брел дядька. Когда он подошел, я с удивлением увидел, что на нем — старый, дырявый ватник. Это в такую-то жару!

— Закурить не будет? — спросил он у отца.

Отец вытащил из кармана пачку и дал ему папиросу. Отец почему-то курил папиросы, а не сигареты. Сначала я решил, что дядька с интересом рассматривает папиросу. Но тут увидел, что он никак не может толком взять ее пальцами. Они прыгали у него, как клавиши у пианино, которое само собой играло в каком-то мультике. Дядька этот пытался сунуть папиросу в рот, но никак не попадал. Она то выскакивала вверх своей белой пустой трубочкой, то та ее часть, где табак, плясала у самых его ноздрей. Наконец, он закурил, сплюнул и посмотрел на поле.

— Вон, стоит, — сказал он. — У леса самого, видите? Чуть не пришепнул... Как мы — комара какого-нибудь.

Прищурившись, я тоже увидел. Далеко-далеко, у самого леса, стоял наш лось. С такого расстояния он казался совсем маленьким. Он стоял неподвижно, еле заметный. Только спина его блестела. Потому

что совсем рядом высовывалось из-за леса и било лучами солнце. И еще (вот провалиться мне на этом месте!) я видел, что лось смотрит на нас.

— Больше лошади любой, — сказал дядька. — Вот так экземпляр! Метра три длиной, не меньше. Это сколько ж такой весит?

— До полутонны — сказал отец. — Я недавно статейку в «Комсомольской правде» о них прочитал. А бегать может со скоростью 60 километров в час. Копытом волка на месте убивает.

Я скосил глаза — туда, где на траве лежал наш планер. Иногда, гуляя с Толькой, мы доходили до шоссе, которое огибало поселок. На этом шоссе, на асфальте, часто валялись стрекозы. Наверно, они налетали на машины. С помятым крылом, с переломанным тельцем-трубочкой они лежали на асфальте, и ветер шевелил их крылышки. Вот как сейчас и мой планер. Того места, где крыло крепилось к фюзеляжу, вообще не было. Вместо него в траве чернел глубокий круглый след с выдавленной по краям влажной землей. Крыло, верней его кусок, лежало рядом. А нос, похожий на кита, и совсем готовое хвостовое оперение торчали из травы в разные стороны. И хвост чуть трепыхался на ветерке.

— М-да... — произнес отец, присаживаясь на корточки. — Был планер, и — нет его...

Он поджал губы и вдруг встал.

— Ну и ничего. Знаешь, что? Мы из всего, что осталось, сделаем воздушного змея. Калька же еще есть? Ну и отлично. В воскресенье, думаю, мы его уже и запустим.

На следующий день я разобрал то, что оставалось еще от крыла. Отец обтесал своим замечательным ножичком и обрезал по длине оставшиеся целыми рейки. Всего получилось шесть реек. С помощью ниток и клея он соорудил из них прямоугольную раму размером с газету. А чтобы она не ходила ходуном, скрепил ее двумя рейками крест-накрест. Потом мы обклеили ее калькой.

— На письмо похож, на конверт, — сказал я, глядя на змея, сохнувшего на столе.

Змей сохнул на столе всю ночь. Утром отец прикрепил к нему хвост. Он сделал его из веревки, на которую навязал штук десять бумажных бантиков, — таких, какими дразнят котят.

— Вот мы брали сюда целый клубок тонкого шнура, чтобы занавески развешивать, — сказал отец маме. — Где он?

Мама всплеснула руками, как бы говоря: «Ну да, без тебя мы его, конечно бы, потеряли», — и вынула этот клубок из коробки под кроватью.

Отец привязал к каждому углу змея по куску этого шнура, соединил их концы и связал. К этому же узлу он привязал и конец шнура из мотка.

— Готово! — воскликнул он.

После завтрака в воскресенье мы взяли змея и снова пошли на поле. Отец не ошибся, когда, посмотрев на красный закат в тот вечер, когда на нас чуть не налетел лось, сказал, что день завтра будет ветреный. Всю субботу сосны за дорогой качали своими вершинами, а в воскресенье — еще сильнее. Я нес змея, крепко держа его подмышкой, и он, как парус, разворачивал меня то в одну сторону, то в другую. А облако

ромашек на пригорке на поле моталось так, что, казалось, вот-вот улетит.

Отец поставил меня со змеем в руках против ветра, а сам стал отходить, постепенно разматывая шнур с клубка. Скоро шнур натянулся, и я почувствовал, как мои руки сами собой поднимаются, пытаюсь удержать змея. Отец все пятился, пятился, шнур все натягивался, натягивался, и вдруг отец как закричит:

— Да пускай же!

И змей, словно он этого только и ждал, выскользнул из моих рук и пошел вверх, скользя то вправо, то влево. С каждым мгновением он становился все меньше и меньше. Хвост его с бумажными бантиками, действительно, извивался, как змея. Скоро змей перестал подниматься, и только плавно раскачивался в вышине, один в целом небе. Размером он теперь, действительно, был не больше простого конверта.

И глядя на него, я почему-то вспомнил лося. Не то, как он вдруг вырвался из веток за нашей спиной, а когда он один стоял далеко-далеко в поле. Совсем один. И смотрел на нас.

Продолжение следует

Е. С. Роговер

ВЯЧЕСЛАВ КОНДРАТЬЕВ

(Литературный портрет)

В ряду писателей военного поколения, поведавших о суровых испытаниях нашего народа в годы минувшей войны, особое место занимает Вячеслав Кондратьев. Он стал последним из художников слова, переживших военное лихолетье и раскрывших в своих произведениях правду об этой страшной поре и о людях, завоевавших Победу. Я называю его «последним», поскольку он вступил в нашу литературу в 1979-м году, когда ему исполнилось почти шестьдесят лет. Уникальность такого вхождения в мир художественного творчества очевидна.

Вячеслав Леонидович Кондратьев родился 30 октября 1920 года в Полтаве. Семья во главе с отцом — инженером-путейцем — через два года переехала в Москву. В 1938 году Вячеслав окончил среднюю школу и сделал попытку поступить в Архитектурный институт. Но пришлось еще поработать чертежником, чтобы затем стать студентом Автодорожного института. Однако с первого курса юноша был призван в армию и направлен на Дальний Восток, где он служил в железнодорожных войсках.

В декабре 1941 года, в условиях начавшейся войны, Кондратьев по его просьбе был направлен в действующую армию. В следующем году он уже воевал подо Ржевом, оказавшись в исключительно тяжелой обстановке, где стрелковая бригада, в составе которой он состоял, сражалась среди непроезжих дорог, топи и хлюпающей гряз-

зи. Затяжные бои местного значения приносили многочисленные жертвы наших солдат. Вячеслав Кондратьев был последовательно помкомвзвода, командиром взвода, а затем и роты. Награжден медалью «За отвагу», очень почетным воинским знаком отличия. После ранения, лечения в госпитале и краткого отпуска служил в железнодорожных войсках. Второе ранение было тяжелым, и пришлось полгода пробыть в госпитале. Как инвалида в 1944 году его комиссовали из армии.

В 1945 году Кондратьев восстановился в своем институте, но вскоре, оставив учебу, стал работать художником-плакатистом. А в 1958 году он уже закончил Московский заочный полиграфический институт, отделение художественного оформления печатной продукции. Затем много лет работал художником-оформителем. Был накоплен такой богатый жизненный и творческий опыт, что он потребовал своего отражения в печати.

Испытав множество трудностей с публикацией первой повести (издатель отпугивала ее суровая правда), он все же напечатал ее — при серьезной поддержке и благословении К. Симонova — в журнале «Дружба народов» (1979 год, № 2). Это была повесть «Сашка», которая сразу же выдвинула ее автора в ряд лучших писателей, освещавших военную тему. Ряд критиков восторженно приветствовал творческий дебют В. Кондратьева. Кроме предисловия К. Симонova, названно-

го напутственными словами «Доброго пути, Сашка!», на повесть откликнулись А. Кондратович (статьей в «Литературной газете» «Повесть о солдате») и Л. Лазарев, напечатавший в «Новом мире» доброжелательную рецензию «А мы с тобой, брат, из пехоты...». Начало писательского пути Кондратьева стало ярким и обнадеживающим.

Повесть «Сашка» была посвящена рядовому пехотинцу, простому солдату, основному труженику войны, о подвиге которого наша проза еще не рассказала в той должной мере, которой он заслуживал. Первое произведение Вячеслава Кондратьева повествовало, как отметил К. Симонов, о человеке, который оказался «в самое трудное время в самом трудном месте и на самой трудной должности — солдатской». Расшифруем эти слагаемые, подчеркнутые автором предисловия. Время действия — несколько дней солдатской жизни в условиях самого трудного сорок второго года. «Самое трудное место» — это Овсянниковское поле, изрытое воронками от снарядов, бомб и мин, усеянное неубранными трупами, пробитыми касками, гильзами, «украшенное» подбитым танком; пространство, регулярно простреливаемое и чреватое гибелью. «Самая трудная должность» — она заключается в необходимости копать, ползти по грязи, лужам, крови; стрелять и убивать людей; питаться гнилой картошкой, терпеть постоянные немецкие обстрелы, добывать в этих условиях «языка».

Последним из перечисленных достоинств и начинается повесть. Сашке удалось взять в плен немца, которого он приводит, испытывая чувство понятной гордости, к комбату. А тот, сидя в одиночестве в землянке, тяжело переживает горе: нынче схоронили сестру из санитарной роты Катеньку. И когда в самый неподходящий момент к нему приводят пленного, свирепеет комбат. Злость возрастает еще оттого, что немец упорно

молчит. И, потеряв терпение, комбат в сердцах приказывает Сашке вывести пленного в расход. Сашка в недоумении. Он ссылается на нашу листовку, где сдавшимся в плен обещается жизнь; хочет продлить время, урезонить начальника. «Впервые за всю службу в армии, за месяцы фронта, — читаем мы в повести, — столкнулись у Сашки... привычка подчиняться беспрекословно и страшное сомнение в справедливости и необходимости того, что приказали. И еще третье есть, что сплелось с остальным: не может он беззащитного убивать. Не может, и все!» Это ведь не враг во время боя, он безоружен, убивать его несправедливо! И к тому же Сашка не привык обманывать. Он не хочет выстрелить в пленного и убеждает комбата отменить приказ о расстреле, проявляя свою человечность.

Подобных непростых и достаточно острых ситуаций в повести несколько. Получив ранение, Сашка оказывает первую помощь другому, раненому пожилому солдату. Но он не ограничивается сделанным и провозжает санитаров до того места, где лежит потерпевший. Испытывая боль, герой повести должен отправиться в медсанбат, но он возвращается через опасный, пристрелянный немцами участок в свою «битую-перебитую» роту, чтобы попрощаться с бойцами и сдать свой автомат: ведь у товарищей оружия и патронов явно не хватает.

Лейтенант Володька устроил скандал в госпитале. Сашка хорошо понимает, что за такое поведение может угрожать офицеру. И солдат берет на себя ответственность за случившийся инцидент, хотя мог бы, казалось, остаться в стороне. Но Сашка руководствуется двумя принципами: делать то, что «надо», и делать все «как следует».

При этом герой повести отличается зоркостью. «На все, что тут делалось и делается, было у него свое суждение.

Видел он — не слепой же — промахи начальства, и большого и малого, замечая и у ротного своего, к которому всей душой, и ошибки и недостатки». Но он исходил из главного, выделял наиболее значимое в людях и руководствовался тем, что требовали его совесть, его чуткость, деликатность и человечность. Писатель наделил своего героя жизнестойкостью и пытливостью ума, деятельной добротой и простодушием, — свойствами, гармонично совмещающимися в личности солдата. А К. Симонов выделил в этой личности еще идейность и нестигаемость во взглядах, храбрость, дерзость и отсутствие способности предаваться унынию.

Хотя в повести укрупнена и резко выделена фигура заглавного героя, акцентирована его неповторимая, индивидуальная человеческая сущность, Кондратьев не забывает об обобщении, о типизации, и не случайно произведение предварено посвящением: «Всем воевавшим подо Ржевом — живым и мертвым, посвящена эта повесть». В этих словах не только отдана дань памяти героическим однополчанам, но и установлена значимая связь с романом К. Симонова «Живые и мертвые». Все сказанное объясняет, почему повесть В. Кондратьева стала высоким его достижением и одним из лучших произведений военной прозы 1970-х годов.

Публикация «Сашки» открыла Кондратьеву широкую дорогу в литературу. В 1980 году было напечатано сразу несколько произведений писателя: повести «Борькины пути-дороги», «Отпуск по ранению», «День Победы в Чернове» и рассказ «На поле Овсянниковском». Все они получили в литературе общее наименование «ржевская проза», поскольку сюжеты этих вещей были сосредоточены на сражениях под Ржевом. Все эти произведения примечательны неизменной передачей личного опыта автора,

заметной автобиографичностью, разработкой типологически родственных героев, а иногда и единого персонажа, обостренным вторичным переживанием давних событий, случившихся на одном и том же пространстве переднего края, правдивым изображением обстоятельств войны со всеми их достовернейшими деталями и подробностями.

Так, в повести «**Борькины пути-дороги**» нарисован герой, очень напоминающий Сашку своей совестью, нравственной чистотой, интуитивным ощущением нравственных норм, воспитанных в нем прежней жизнью, всегдашним желанием помочь другим. Борька оказался в немецком плену, в хорошо охраняемой территории, плену, рассчитанном на каждодневное унижение человеческого достоинства людей, в нем заключенных. Но все существо героя не может мириться с новой обстановкой, узаконенной фашистами. Если бы он думал о самосохранении, он принял бы, хотя бы на время, установленные в плену порядки: руководствовался бы рассудком, логикой, расчетом. Но Борька подчиняет свое поведение чувству омерзения к здешним законам и установлениям. Как замечает автор, «в ясный доселе и прямой Борькин мир, в котором все было определено и правильно расставлено, вошло что-то непонятное, противное, словно обволокло какой-то липкой слизью, и еще тошнее стал ему лагерь, а всего он тут один день. И охватило его почти бессознательное опасение, что если пробудет он здесь долго, то и с ним могут произойти какие-то необратимые изменения. С его душой, с его отношением к людям, даже с отношением к самому себе, да и произошли уже». И слушаясь зова души, вопреки здравому смыслу, Борька спешит, недолго готовится к побегу и совершает его. Это поведение «рассудку вопреки» и спасает героя. А вера в человека, ин-

туитивное ощущение порядочности в нем, свет Борькиной чистоты рожают добро в душе учительницы Ольги Андреевны, и она укрывает беглеца из страшного фашистского лагеря. Борькины пути-дороги оказываются настолько праведными и истинными, что по ним смело идут и другие люди, принимая эстафету героя. Безрассудная удаль молодого солдата и его мальчишеское презрение к смерти, дарующие ему свободу, становятся достоянием и Володьки, лейтенанта из следующей повести Вячеслава Кондратьева.

Повесть «Отпуск по ранению», опубликованная в журнале «Знамя» (1980, № 12), рисует героя, который, как и другие ребята из-под Ржева, «измочален» войной, намучен и издерган ею донельзя. Лейтенанту Володьке «слишком много досталось». И случилось так, что он, получив отпуск по ранению, оказывается в оглушающих его своей тишиной и непривычностью условиях мира. Худой, в простреленном и окровавленном ватнике, в заляпанных грязью сапогах приезжает он домой, поражая мать своими странно пустыми, даже мертвыми глазами, в которые страшно смотреть. Медаль на груди Володьки — знак отваги, и мать гордится своим на время возвратившимся сыном.

Одно из коренных положительных свойств этого героя состоит в тесной слитности его с фронтовым братством. Она проявилась еще в ту пору его жизни, когда он служил на Дальнем Востоке, когда в общей очереди кадровиков стоял у штаба полка, чтобы добиться поездки на Западный фронт. Ярко сказалась спаянность с людьми и тогда, когда герой воевал подо Ржевом. Обнаруживается она и теперь, когда он оказался в Москве. Все чаще вспоминаются ему оставшиеся на передовой ребята, жавшиеся в шалашике при обстреле, хлебавшие из одного котелка. «И все чаще сжималось серд-

це жалостью ко всем, кто был с ним там, ко всем, кто так безропотно и безжалостно выполнял его не всегда обдуманнные приказы». Понимает он, что «связаны они навечно страшными ржевскими днями и ночами», что соединен с батальоном одной веревочкой, «одной возможностью быть убитым в цепи рядом с любым рядовым бойцом».

Совсем иное «пространство» открылось вдруг его взору в отпуске. Его не оставляет ощущение расколотого на две половины мира, восприятие себя как стоящего где-то между. Он не только помнит весеннее распустье под Ржевом, — он и ныне растерянно стоит на особом распустье. Пехотный ротный сразу отвергает и не принимает характер тыловой жизни. Из осознания несоответствия образа жизни мирных людей суровому военному времени проистекает его чувство справедливости, носителем которой он себя ощущает. Его задевает присутствие в трамвае по-городскому одетых мужчин, побритых, при галстук; смешными кажутся Юлькины любовные увлечения; возмущает сытый директор магазина; раздражает безапелляционный в поспешных суждениях, очкарик у Тони и устроившийся по коммерческой части друг Сергей; выводит из себя пошлый «фрайер», подъезжающий к Юльке. Но особенно бесят его обстановка в колей-холле, куда волею случая он попадает, обилие праздных людей, жирные физиономии и самодовольные позы.

И лейтенант протестует. В. Кондратьев не ограничивается описанием нравственных переживаний, возмущения, негодования героя. Справедливость его выступает в форме предельно активной, как месть, воздаяние. И вот он толкает «не совсем случайно» мужчину в трамвае, резко откидывает швейцара, ударяет «тылового» Игоря и дерется с его защитниками. Володька выхватывает пистолет и готов

палить по «тыловому» великолепию, так не похожему на «болотный пятак» передовой. А потом намерен душисть «фрайера» Юльки.

Справедливость героя Кондратьева принимает и другую форму — распределительную, выражающуюся в устремлении к равенству. Он соотносит роли отдельных людей тыла и фронта и мысленно распределяет функции («Плиту бы ему минометную на спину — жирок быстро спустил бы... А то за соломинку держится»), материальные блага, квартирные условия и даже надгробия на могилах, по заслугам желая наградить павших на поле боя.

В то же время растет его объективность, трезвость взгляда на вещи, и в этом тоже сказывается присущее ему чувство справедливости. Он присматривается к окружающей его московской жизни и начинает по-новому ее оценивать. Оказывается, рабочие трудятся здесь целыми сутками, студенты изготавливают коробки для мин, подростки стоят у станков. И все рвутся на фронт, как те пятнадцать девчат, которых он проводил на войну. И Володька готов уже принять музыку в парке, широкие кроны деревьев, девичий смех. По-новому понял он и войну, ее справедливый и народный характер; прошло ощущение напрасности безуспешных солдатских атак. В этом смысле отпуск в Москву стал исцелением и даже спасением лейтенанта. Растет его человечность, степень более тонкого понимания переживаний людей; он проявляет и нежность к матери, и тронутость цветами, положенными старушкой к памятнику Пушкину.

Особым проявлением такой разбуженной и расцветшей человечности стала неожиданно пришедшая к Володьке любовь к Тоне. Темп повествования теперь убыстряется, становится напряженно-лихорадочным, минуты, часы, дни не идут, а летят. Растет и внутренний драматизм повествова-

ния, ибо начинает вызревать подспудный конфликт между двумя мирами — Володьки и Тони. Стало ясно, что у Тони — свой мир, во многом чужой, он из прошлого, как сабли, висающие на стене в ее доме. В этом мире иная шкала ценностей, иной язык, чем у мамы. Володьке надо еще пройти через искус эгоистического счастья, чтобы выйти окрепшим; миновать соблазн сладкозвучной Сирены, чтобы плыть дальше и пройти свою «одиссею». Сближение «расколотых миров» на этой территории Тони не состоялось. Герой повести не обменял свои нравственные ценности на чужие. И раньше Володьку не отпускал плен его «болотного пятака». А теперь стало ясно, что он должен вернуться только туда, к своим ребятам, для которых он был «наш лейтенант», возвратиться на свой собственный путь, к самому себе.

Об ином возвращении рассказывает повесть **«День Победы в Черново»**. Речь здесь идет о художнике (новая переключка с автором!), который спустя много лет совершает поездку под Ржев, на места боев, где и он, и его друзья полной мерой хлебнули из горестной чаши военных испытаний. Неожиданно найдя в записной книжке забытый телефон, герой повести ищет хозяина этого номера, и поиск приводит его к Лидии Андреевне Крашенинниковой, с которой он знакомится и совместно совершает поездку на места давних сражений. Это путешествие становится благотворным возвращением не только к памяtnому пространству, но и к нравственным истокам, что позволило отрешиться от божьего существования, от обыденно-пошловатого быта и помогло очиститься от скверны, выйти из духовного тупика. Герой возвратился «в те незабываемые огненные дни и ночи, когда мы были людьми с большой буквы, когда отвечали за все на свете, когда держали в своих мальчишеских руках судьбы своей родины». И это

движение к истокам становится целительным для него, тем более, что он знакомится с поистине замечательной женщиной, оказавшей на героя самое благотворное воздействие, пробудив память о погибших и высокое чувство долга перед ними.

Отныне Кондратьев стал неизменным автором журналов «Дружба народов» и «Знамя». Его принимают в члены Союза писателей СССР, он награждается премией Московского комсомола. Его произведения инсценируются, ставятся на сценах театров, получают экранизацию и критическое осмысление. Так, руководитель Московского театра-студии «Драматург» режиссер Георгий Соколов, обратившись к инсценировке повести «Отпуск по ранению», писал о ней в 1985 году: «Эта вещь поразила меня каким-то пронзительным психологизмом и тем, что война, как мне показалось, была там причиной и поводом не только для размышлений о войне, но и о жизни сегодняшней, современной» [1].

Последующие произведения Вячеслава Кондратьева по-прежнему тяготеют к изображению излюбленного пространства — Овсянниковского поля подо Ржевом, описанного в одноименном рассказе и в «Овсянниковском овраге», и одного героя, чаще всего лейтенанта Володьки, который фигурирует и в «Отпуске по ранению», и в повести «Встречи на Сретенке», и в романе «Красные ворота».

Так, в рассказе «**Овсянниковский овраг**» В. Кондратьев воспроизводит оборону, которую стойко держит младший лейтенант со своими считанными солдатами. Герой убивает немца, но замечает, что к сраженному солдату пытается пробраться немец, которому, однако, мешает непрерывная стрельба с обеих сторон. Ночью, когда огонь прекратился, герой рассказа, воспользовавшись оврагом на Овсянниковском поле, устраивает засаду и подбирается к тому настойчи-

вому вражескому пехотинцу, который стремился приблизиться к убитому. Возникает острейшая ситуация, описанная Кондратьевым: «... стою над немцем, направляя на него ствол своего ППШ. Тот не успевает, ни рвануть автомат с живота, ни даже приподняться — так и остается стоять на коленях, а его руки, державшие ремень, медленно, очень медленно начинают подниматься вверх <...> Немец смотрит на меня без страха, как-то безразлично <...> Мы очень близко друг от друга <...> Он кажется мне старым, очень старым... Я слегка откашливаюсь перед тем, как командовать немцу бросить оружие, но он опережает меня и, кивнув на убитого, бормочет: — Майн брудер... Эр ист майн брудер...». Лейтенант медлит, опускает автомат и уходит из оврага, отпустив немца и позволив ему унести тело убитого брата. Эта ситуация позволяет понять человечность, гуманность кондратьевского героя, но одновременно может допустить осуждение его поступка, поскольку он упустил столь необходимого «языка». Не случайно, младший лейтенант не находит себе места, переживая случившееся, думая о возможной гибели шести разведчиков, отправляющихся за «языком». И он присоединяется к ним, желая искупить свою вину. По словам критика И. Дедкова, «здесь что-то не вмещается в «вину» и в «расплату». Тут не одна «глупость» за другой, а последовательная человечность с ее неустрашимым трагизмом» [2].

Подобные нестандартные, не предусмотренные какими-либо циркулярами, острейшие ситуации, заслуживающие противоречивого осмысления, читатель еще не раз встретит в таких произведениях В. Кондратьева, как «Асин капитан» (1984), «Не самый тяжкий день» (1985). К своему военному прошлому писатель будет не раз возвращаться в рассказах «На его пятом километре», «На станции Сво-

бодной», «Лихоборы», «Селижаровский тракт», «Будни», «Мы подвигов, увы, не совершали...».

В ряде своих поздних вещей (повести «Встречи на Сретенке», романе «Красные ворота») Вячеслав Кондратьев повествует о времени, наступившем после окончания войны, о трудностях, с которыми бывший солдат столкнулся в мирной жизни. Писатель рисует картину жизни в Москве в конце сороковых годов и показывает бюрократические порядки, особенно тяжело воспринимаемые недавними фронтовиками, лишенными и жилья, и профессии. Горечью окрашены их размышления о несбывшихся надеждах и не воплотившихся в жизни мечтаниях. Созданные В. Кондратьевым многочисленные повести и рассказы сложились в широкое эпическое полотно, через которое, по наблюдению Л. Лазарева, проходят два ведущих мотива: горечь о бессмысленных и напрасных потерях людей, нередко зря пролитой крови и гордая мысль о

нравственном превосходстве наших воинов, отстоявших великие духовные ценности жизни [3].

Последние годы жизни Вячеслава Кондратьева ознаменованы выходом сборников, собравших воедино повести и рассказы писателя: «На поле Овсянниковском» (1985), «Сороковые» (1988), «Повести (1991)». Его творчеству были посвящены содержательные статьи А. Лебедева, А. Когана, А. Павловского, Ю. Смелкова, В. Новикова, Ю. Щеглова.

Смерть Вячеслава Леонидовича Кондратьева в Москве 24 сентября 1993 года была воспринята как преждевременная и загадочная. Некролог в «Литературной газете» не давал ясного ответа на вопрос о том, чем эта смерть была вызвана. Но затем было установлено, что писатель во время своей тяжелой болезни покончил жизнь самоубийством. Статья В. Кожемяко, напечатанная через год после этой смерти в «Правде», была озаглавлена так: «Последний выстрел сержанта Кондратьева» [4].

Примечания

1. Книжное обозрение. – 1985. – 19 апреля.
2. Дедков И. Литературное обозрение. – 1980, № 5. – С. 69.
3. Лазарев Л. Кондратьев // Русские писатели 20 века. Биографический словарь. – М.: «Бол.росс.энциклопедия», «Рандеву А. М.», 2000. – С. 358.
4. Кожемяко В. Последний выстрел сержанта Кондратьева / Правда, 1994. – 20, 21 сентября.

Натали Ривара

«САМА СУДЬБА...»

(Из музыкальной истории России)

Из всей земной музыки ближе всего к небесам - биение истинно любящего сердца.

Генри Бичер

За всю историю человечества — было меньше всего Сочинителей Музыки, композиторов среди представителей всех других прославившихся видов искусств.

Слово "композитор" вначале использовалось не только по отношению к музыкантам, но к любому другому, занимающемуся составлением чего-либо, и когда-либо, даже букетов цветов. Произошло слово "композитор" от латинского *compositio* и означает — сочинение, составление.

С XVI века *compositor* начали употреблять в значении "сочинитель музыки" (сначала дополняли "композитор музыки"), постепенно "композитор" стало обозначением привилегии профессии.

Невелик список фамилий композиторов, но по воздействию результатов их труда на область чувств — им нет равных.

Музыка — интернациональна и не требуется общности языка для понимания и наслаждения.

Таинство возникновения мелодий и их необыкновенное влияние на людей заставляет нас уважительно относиться к людям этой редкой профессии.

Мы знаем, что будущие композиторы с самого раннего детства учились играть на одном или нескольких музыкальных инструментах, изучали музы-

кальные науки — сольфеджио, теорию и историю музыки, гармонию, полифонию, оркестровку.

В России, где сам язык — музыкален и обходителен — своим количеством словообразований создаёт великое множество рифм, душа людей умеет подниматься над обстоятельствами, однако многие сотни лет церковными служителями преследовались "представляющиеся", также называвшиеся скоморохами и "богопротивными".

В 1648 году был издан царский указ — о запрещении участвовать в торжествах скоморохам, он повелевал уничтожать их маски и музыкальные инструменты.

Долгое время — музыка была слышна только на домашних посиделках, хороводах на лугу и пением — за работой.

Музыканты, исполняющие народные песни, преследовались и были вынуждены переходить на нелегальное положение.

Такое отношение к музыкантам изменилось с приходом к власти царя Петра Первого (30 мая [9 июня] 1672 года — 28 января [8 февраля] 1725 года).

В 1682 г. начались реформы и в частности — это коснулось светского искусства.

При императорском дворце и постепенно в домах вельмож, начали образовываться музыкальные вечера

ПИСАТЕЛЬ

(салоны). В последующем богатые и просвещённые аристократы спонсировали открытые концерты, которые назывались "ассамблеи" и посещать которые мог любой человек.

Среди аристократов началось соперничество за лучшее искусство, а следовательно, быстрое развитие музыкальной культуры. Обучение детей музыке, игре на клавесине, виоле, арфе, флейте, гитаре, поиск талантов, стало обычным явлением.

Живое общение просвещённой молодёжи на музыкальных вечерах, музицирование и прослушивание музыки привилось, и образовалось камерное направление: сочиняли и исполняли арии — это будущие романсы, приветствовались танцевальные ритмы — менуэты, полонезы, экосезы, контрдансы.

Полюбились вариации на русские народные песни.

Первый композитор И. Е. Хандошкин (1747–1804) записал и издал множество вариаций для скрипки. Вслед за вариациями в салонах появилась российская песня — по стилистике и исполнению давшая начало русского романса на стихи российских поэтов Г. Державина, Н. Львова, А. Сумарокова.

Пётр Первый, помимо ассамблей, внедрил (и обязал посещать) — придворные маскарады, торжества и пиршества с музыкой, выписывал иностранных музыкантов и певцов.

В 1690-х годах был образован шутовской "орден" — Всешутейший, Всепьянейший и Сумасброднейший Собор — призванный пародировать своей деятельностью католическое и православное богослужение. Так называемый Сумасброднейший Собор во главе с самим Петром Первым существовал более 30 лет.

Следующие реформы Петра Первого касались армии и были проведены в 1699 и в 1705 годах, в результате кото-

рых — для поддержки духа и выработки ритма — в каждом полку появился свой оркестр, состоящий из труб, барабанов, валторн, гобоев и литавр.

Русская Армия имела победы на поле брани — и зародился новый жанр исполнения музыки: приветственный гимн (панегирический кант), исполнявшийся на три голоса с бравурными трубными мелодиями (его стали называть — виват-кант, "виват" — заменяло значение "да здравствует").

Виват-кант — в честь Императора и его полководцев требовали особой поэтики — одической.

Такие тексты использовались для написания кантат и ораторий, которые исполнялись — на концертах — в честь армии, Императорского Двора, на торжествах и приёмах.

В 1741 году на престол взошла дочь Петра Первого Елизавета Петровна.

Она продолжила дело своего отца, особенно в области культуры, и годы её правления мы называем эпохой просвещённого, "культурного", абсолютизма.

История музыки в России насчитывает тысячелетия — как и везде, в других странах...

Профессиональная школа начала формироваться в 18 веке. Многие фамилии были, однако, незаслуженно забыты.

Елизавета Петровна в 1763 г. образовала Придворную Певческую Капеллу и таким образом способствовала появлению первых русских композиторов. Это были ее выпускники: Максим Созонтович Березовский (1745–1777) и Бортнянский Дмитрий Степанович (1751–1825).

ДВЕ ЛЕГЕНДАРНЫЕ СУДЬБЫ

Два этих человека — "ни много, ни мало" — создали русскую хоровую музыку, соединив национальную особенность русского многоголосного пения с достижениями европейских музыкантов.

В небольшом городе Глухове Сумской области в Украине 27 октября 1745 года родился Максим Созонтович Березовский, а 26 октября 1751 года там же родился Дмитрий Степанович Бортнянский

Основоположники русской композиторской школы, они же — признанные музыканты в Италии.

Всем известно — основоположником русской композиторской школы считается (и справедливо) Михаил Иванович Глинка.

Середина 18-го века — это «доглинkinский» период. Но о нем почему-то редко вспоминают..

Используемая музыка была сопоставима с так называемым европейским классицизмом, но более ранним барокко.

Максим Березовский родился (не точно) — в казацкой семье, учился в певческой школе г. Глухово, (не точно) высшее образование получил в Киево-Могилянской академии.

Он обладал выдающимися музыкальными способностями и его послали в столицу.

В Санкт-Петербурге М. Березовский пел сначала в придворной опере, затем в итальянской опере в Екатерининском Ораниенбауме (пригород Петербурга).

И все это время, начиная с подросткового возраста, Березовский сочинял.

Нельзя сказать, что: "Таланты тогда не ценили!".

По заведённой Петром Первым традиции талантливого юношу на несколько лет отправили в Италию — продолжать совершенствоваться уже в композиторском мастерстве.

"Глубокоуважаемому синьору Антонио Маццони, президенту и профессору музыки, 15 мая 1771.

Максим Березовский, прозванный Русский, желая быть принятым в качестве композитора и капельмейстера известнейшей филармонической Академии, просит синьора президента

и членов филармонической Академии допустить его к испытанию для принятия в Академию..." (цитируется по книге "Болонский академик по прозвищу "Русский". М.С. Березовский" Константина Ковалева-Случевского).

Нестор Кукольник (в своём Историческом рассказе "Максим Созонтович Березовский") вот как описывает процедуру экзамена, сообщая интересное:

"Березовский и Моцарт в одно время трижды застучали в двери; цензоры выпустили затворников".

Однако сдавали важный экзамен они не одновременно, это известно точно.

Болонья был почти центром музыкальной культуры Италии. А получение звания Болонского академика-композитора давало возможность, "путевку в европейскую музыкальную жизнь".

Следующим за Вольфгангом Амадеем Моцартом Болонским академиком единогласно был признан Максим Березовский. С простым прозвищем — "Русский".

Необходимо было написать несколько работ для получения этого звания. В архивах Болоньи и сейчас хранится рукопись одной из работ.

Одиноко ли было Максиму Березовскому в Италии? Наверное, он тосковал по родине.

Нестор Кукольник так воссоздаёт в своём воображении возможную сцену:

"Итальянцам не совсем была понятна тоска Березовского, но маленький Моцарт легко понял Максима Созонтовича, он сам думал то же".

Многое у Кукольника можно посчитать вымыслом, но и в самой жизни Максима Березовского до сих пор больше тайн, чем твердых установленных фактов.

В Италии же Березовский пишет оперу "Демофонт", вот газетная рецензия на постановку:

"Среди спектаклей, показанных во время последнего карнавала, надобно

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

особенно отметить оперу, сочиненную регентом русской капеллы, состоящим на службе у Её величества императрицы всея России, синьором Максимом Березовским, который соединяет живость и хороший вкус с музыкальным знанием»

(Ливорнская газета "Новости света", цитата — из книги "Болонский академик по прозвищу "Русский". М.С. Березовский" Константина Ковалева-Случевского).

В то время итальянцы хвалили только самого достойного, а посему — это признак высшего, мирового признания. Но наступала пора и других стран.

Постановку оперы Березовского "Демофонт" в Ливорно посетила княжна Тараканова — "претендентка на российский престол", она выдавала себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны и Алексея Разумовского.

В Ливорно же стояла и эскадра графа Орлова.

Имеется версия, что эскадра возвратилась в Санкт-Петербург вместе с княжной Таракановой и Максимом Березовским. (Вероятно, только версия, и она нам не объясняет коллизий и поворотов судьбы. По сведениям Кукольника — Березовский встретил своего брата, служившего на одном из кораблей).

Год отъезда Березовского из Италии домой, в столицу — точно не установлен. Но так или иначе, Березовский возвращается и наступает тяжелый и самый короткий этап, будто эпизод, в его жизни.

В возрасте 31 года он — то ли покончил с собой, перерезав себе горло, то ли — заболел горячкой и скончался. Причин, которые могли бы композитора привести к суициду, исследователи найти пока не могут.

Березовского ценили при дворе. Финансовая сторона жизни была, правда, не на высоте.

Личная жизнь непонятна и неизвестна... Упоминалось об одной свадь-

бе, где сама Екатерина II именным указом дарует невесте свадебное платье.

"Императрица "изволила указать... певчему Максиму Березовскому дозволить жениться... на танцевальной девице Франце Ибершерше и притом соизволила... пожаловать ей платье" (цитируется по книге "Болонский академик по прозвищу "Русский". М.С. Березовский" Константина Ковалева-Случевского).

Но была ли и куда делась юная "танцевальная девица Франца" — никто пока не знает, "след простыл", кое-кто утверждает, что Максим Березовский был женат два раза.

Сохранить семейный архив было некому. Можно лишь надеяться, что исследователи и историки случайно, что-то ещё обнаружат: время от времени появляются публикации об обнаружении нот композитора — в Париже, в Ватикане.

Рукопись произведения "Не отвержи мене во время старости" хранится в Британии.

Большая часть огромного наследия Максима Березовского утрачена. Биография — полна несоответствий и ждёт своего пытливого и неутомимого исследователя.

Жизнь и творчество Максима Березовского — культурное наследие России — и об этом надо помнить!

ДМИТРИЙ СТЕПАНОВИЧ БОРТНЯНСКИЙ (1751–1825)

Во всякой биографии выдающихся людей присутствует элемент Его Превосходительства Случая!

В городе Глухове, где родился Дмитрий Степанович, задолго до его рождения — 21 сентября 1738 года самой Императрицей Анной Иоановной был подписан указ об основании в Глухове первой в России музыкально-хоровой школы.

Дмитрию было шесть лет, когда родители обратили внимание на прекрасный чистый голос сына, правильное пение без фальши и отдали на учение в эту школу.

Мальчик с большим интересом учился пению, игре на музыкальном инструменте и развивал необычайно редкий по чистоте голос — дискант.

Именно за красоту голоса для выступлений Дмитрия выдвинули в солисты. Летом 1758 года избранные певчие школы были направлены в Петербург.

В то время в российской музыке при дворе господствовали итальянские маэстро, у публики — итальянские вкусы, в манере исполнения — итальянская техника. В музыкальном языке — итальянский же язык.

31 марта 1763 года Императрица Екатерина Великая одним из первых своих нововведений подписала указ "О выписании в службу ко двору из Венеции славного капельмейстера Галуппи Бурнелли".

Екатерина хотела заполучить ко двору не просто именитого композитора, а музыканта-"звезду", одного из лучших европейских капельмейстеров.

Амбициозность Императрицы Екатерины Второй невольно повлияла на судьбу малолетнего певчего Дмитрия Бортнянского, в то время самозабвенно распевавшего арии на оперных подмостках Петербурга.

Побывав на выступлении Придворной певческой капеллы, Галуппи для обучения выбрал нескольких наиболее одаренных солистов.

Одним из них оказался Дмитрий Бортнянский. Присматриваясь всё больше к талантливому подростку, Галуппи заметил и некоторые другие особенности:

Дмитрий необычайно быстро схватывал все то, что слышал и с лёгкостью повторял на память любые замысловатые пассажи, отдельные арии или же мотивы, наигранные композитором.

Что же касается музыкальной науки, то и здесь не ощущалось особенных препятствий, чувствовалась основательная подготовка и — что особенно важно — горячее желание познавать все новое, неизведанное. Возвращаясь в Италию, Галуппи взял талантливого ученика с собой.

Пошли один за другим долгие месяцы обучения. Бортнянский занимался контрапунктом, играл на клавесине и органе, регулярно посещал венецианские театры, не пропускал ни одной важнейшей премьеры.

Бортнянский сочинял музыку, иopus юного музыканта становились все более профессиональными, самостоятельными. Музыкальные занятия Бортнянского в Италии могли быть прерванными, и надолго: ведь в то время русские войска и флот не случайно расположились в портах Италии. Шла война. Не участвовать, вольно или невольно, в происходящих событиях молодой композитор, конечно же, не мог.

Обстоятельства сложились так, что когда граф Алексей Григорьевич Орлов неожиданно прибыл в Венецию и встретился с консулом Маруцием, то на следующий день Дмитрий Степанович был поднят ни свет ни заря и вызван в консульский дом.

Орлов предложил ему стать переводчиком в русской армии. Через день Бортнянский выехал в свите графа Алексея Орлова на секретные переговоры к союзным повстанцам.

Миссия юного переводчика завершилась успешно, и Дмитрий вернулся к музыке.

Начало композиторской деятельности:

Афиша карнавального сезона 1776 года в Сан-Бенедетто объявляла оперу на античный сюжет — "Креонт", сочинения синьора Бортнянского, музыканта из России.

"Креонт" не имел большого успеха, но и не провалился. Еще две оперы молодого композитора шли на

сценах Италии и обе — на античные сюжеты.

Опера "Алкид" уже более зрелая, чем "Креонт". Бортнянский стал внимательнее к рисунку характеров персонажей, разнообразнее в мелодике, раскованнее. Он старается передать музыкой состояние раздумий и настроенности героя, его нерешительности и сомнений. Премьера оперы прошла в Венеции.

Первое исполнение другой оперы, "Квинт", прошло в Модене. Бортнянский заслужил благоприятные отзывы в местной прессе: "Разнообразие, изящество и блеск вокального исполнения, изобретательность и приятность балета, искусное построение сюжета создали спектакль, доставивший наслаждение и получивший одобрение двора Его Светлости и единодушные аплодисменты зрителей".

Некоторые произведения не дошли до нас, известно только, что они были написаны в итальянском стиле и на итальянский текст.

В это время композитор также много путешествовал по Италии и приобрел здесь страсть к произведениям искусства, особенно живописи, не покидавшую его до конца жизни, и вообще расширил круг своих познаний.

Бортнянский пробыл в Италии до 1779 года.

В конце 1784 года из Петербурга отъезжает на родину итальянский маэстро Джованни Паизиелло.

Бортнянского обязывают не только заменить Паизиелло, не так давно посветившего великой княгине Марии Фёдоровне свой труд "Правила хорошего аккомпанемента на клавесине", но и заполнить пробел в нотном материале для уроков музыки. И он с честью выходит из положения, подготавливает для Марии Фёдоровны целый альбом пьес, предназначенных для исполнения на фортепиано, клавесине и клавикорде.

Композитор долго трудится над оформлением альбома, заказывает роскошный переплет, на атласной нотной бумаге и каллиграфическим почерком выписывает личное посвящение великой княгине, а затем долго переписывает от руки все пьесы.

Подарок был оценен. Ответный шаг со стороны супругов был по-своему щедр. После весенних пасхальных торжеств 30 апреля 1785 года Дмитрию Степановичу был пожалован первый в его жизни, пока что не высокий, но все-таки чин — коллежского асессора, по армейскому счету равнозначный майорскому.

В 1786 году пишет оперу "Празднество сеньора, комедия с ариями и балетом". Решено было взять за сюжет идиллическую встречу в небольшой деревне прибывающего сюда владельца.

Лето того же года выдалось дождливым. Пришлось уменьшить количество забав и театральных представлений в Павловском парке. Но успех "Празднества сеньора", игра актеров, а главное — дивная музыка — вызвали желание испытать силы участников представления в новой опере, более объемной и сложной.

Мария Фёдоровна обратилась к Лафермьеру с просьбой сочинить либретто. Уже в июле оно было готово.

Музыка была написана Бортнянским быстро.

Оперу назвали "Сокол". Премьера "Сокола" состоялась вскоре — 11 октября 1786 года. Декорации, как и музыка, имели успех. По совету автора "воспользоваться видом Шале" — в них воспроизводился один из уголков Павловского парка. Композитору пригодились и мотивы итальянской оперы "Алкид", поставленной прежде в Модене.

Это — легкая опера-буффа сродни появившейся спустя полвека оперетке, обрамленная изящной мело-

личной оправой, придававшей ей аромат изысканного, но дорогого антиквариата.

Постановка показала виртуозное мастерство русского маэстро, выписавшего отдельные арии и балетные вставки утонченно, скрупулезно и профессионально. Теплота музыки, ее непринужденность, раскованность и даже игривость были легки для восприятия, обладали естественной эмоциональной выразительностью, а законченность формы сделала "Сокола" произведением поистине хрестоматийным.

Из Гатчинского театра опера перешла на сцену Павловского, а оттуда — на подмостки многих усадебных театров того времени.

Ровно через год после "Сокола" в стенах Павловского театра прозвучала новая и последняя из "французских" опер Бортнянского — "Сын-соперник, или Новая Стратоника".

Это была, может быть, единственная в своем роде опера-серия (итал. *opera seria* — серьёзная опера), написанная русским композитором, где одновременно заметны и многие элементы *opera buffa* — (итал. *opera buffa* — «шуточная опера»)

Оперы были далеко не единственным приложением сил и дарования Бортнянского. По возвращении в Россию Бортнянский тотчас же получил звание капельмейстера придворного хора, а впоследствии — в царствование императора Павла Петровича в 1796 г., — звание директора вокальной музыки и управляющего придворной капеллой, преобразованной из придворного хора.

Он принялся с большой охотой и немалой энергией за создание хоровых концертов.

Хоровой концерт был привычным жанром для последней четверти екатерининского века. Исполнялся он в первую очередь в кульминационные, главные моменты церковных служб.

Но мог быть представлением на большом придворном торжестве, во время важной церемонии. Бортнянский искал и находил синтез основных хоровых форм, основанных на передовых достижениях европейской и российской культуры. То была совершенно новая ступень в русской хоровой музыке.

Занимаясь капеллой, Бортнянский, помимо своих композиторских дарований, проявил еще и организаторский талант. Он всегда укомплектовывал хор лучшими голосами России, и довел хор до высокого совершенства исполнения. Бортнянский энергично противодействовал той распушенности пения, которая царила в православных церквях где исполнялись произведения невежественных композиторов, со слишком разнородными весёлыми напевами и носившие неподобающие названия. В церковное пение вводились арии из итальянских опер. Кроме того, и хорошие сочинения писались так неудобно для голосов, что в разных церковных хорах они подвергались изменениям и искажениям.

Все это побудило св. Синод, разумеется, при содействии Бортнянского, сделать следующее постановление:

Из текста Высочайшего "указа", подписанного императором Александром I 14 февраля 1816 года: "Все, что ни поется в церквях, должно быть печатанное и состоять или из собственных сочинений Директора придворного хора, действительного статского советника Бортнянского, или других известных сочинителей, но сих последних сочинения непременно должны быть печатаны с одобрения г. Бортнянского".

Этим был водворен в церковном пении желаемый порядок. Бортнянский обратил внимание на церковную мелодию; по его ходатайству были напечатаны распевы, написанные крюками, он сделал попытку разработать

древние напевы нашего церковного песнопения.

Бортнянский трудился постоянно, так более 50 духовных хоровых концертов были написаны им на протяжении трех десятилетий.

Почти в каждой строке его концертов узнаются и поныне мелодии народных песен. Тут и известная "Вдоль по улице метелица метет", и легендарная в будущем "Камаринская", и многие другие. Результат такого соединения — народного песенного исконного с фантазией и мастерством композитора был поразителен. Самые сведущие и изысканные знатоки европейской музыки, приезжие композиторы бывали потрясены услышанными хорами Бортнянского.

Берлиоз писал: "Эти произведения отмечены редким мастерством в обращении с хоровыми массами, дивным сочетанием оттенков, полнозвучностью гармоний и — что совершенно удивительно — необычайно свободным расположением голосов".

В глубинной же России и не ведали, что "простое пение", присланное из столицы в качестве образца для исполнения, написано придворным композитором Дмитрием Бортнянским.

За это время в личной жизни композитора произойдет немало событий. Он женится, станет авторитетным руководителем Придворной певческой капеллы в 1796 году, а через год ему присвоят звание статского советника. Вырастет его благосостояние, и он купит себе дом в Петербурге.

Чрезвычайное собрание совета академии 1 сентября 1804 года примет Бортнянского в почетные академики. Событий много, но музыка для него по-прежнему на первом месте.

Последние 30 лет своей жизни композитор посвятит переложению древних церковных песнопений и сочинению знаменитых хоровых концертов. Особенно напряженно он работал в

1780-е годы и затем — перед самой кончиной — в 1820-е. Перед Бортнянским стояла ответственнейшая задача — создать циклы песнопений, наиболее понятные для современного исполнителя и слушателя, но сохраняющие в себе здоровое зерно прежних традиций.

Одним из первых в России Бортнянский начал писать кантаты. Этот особый музыкальный жанр — нелегко дается композиторам. Сочинение текстов кантат под силу только настоящему крупным поэтам. Российские поэты редко пробовали свои силы в таком новом деле. Больше всего самых разнообразных кантат по различным поводам написал Гаврила Романович Державин, не отставал и Г. Жуковский.

Бортнянский имел за плечами багаж знаний музыкальных жанров еще со времен учения в Италии и использовал при написании разных видов кантат. Он писал кантаты для торжественного исполнения в важнейшие моменты общественной жизни России, как, например, "Любителю художеств" для А.С. Строганова или "Сретение Орфеем солнца" для "Беседы любителей русской словесности". Кантаты эти, по словам Державина, можно отнести к разряду "для комнаты".

И, наконец, он писал также и "общественно-политические" кантаты, важнейшими для него из которых являлись "Страны российски, ободряйтесь", созданная в момент, когда русские войска вели боевые действия на берегах Дуная, и кантата-хор "Возведи окрест взор, Россия".

Композитор прославился своими гимнами. Этот особый жанр песенного творчества получил довольно широкое распространение: связано это было, в частности, с деятельностью масонских обществ, на рубеже XVIII и XIX столетий упрочивших свое положение в России.

Бортнянский не состоял в списках ни одной из современных ему масонских лож. Однако его знаменитые гимны, такие, как "Предвечный и необходимый" на слова Ю.А. Нелединского-Мелецкого, "Гимн Спасителю" на слова Д. Хвостова, а также ставший затем наиболее популярным в общегосударственном масштабе гимн "Коль славен наш Господь", написанный на слова М. Хераскова, считались масонскими.

В разгар же Отечественной войны 1812 года он создает новую музыку, не похожую на привычную традиционную музыку века XVIII. Это был новатор Бортнянский, мудрый и ответственный, он словно бы и не ведал ранее прежнего успеха и не чувствовал надвигающейся старости.

Итак — композитор пишет "Песнь ратников". Песня-гимн, военно-патриотический гимн, предназначенный для всеобщего исполнения.

И ещё — Бортнянский пишет произведение — "Марш всеобщего ополчения".

В истории русской культуры, в летописи русского музыкального искусства остаётся знаменитое сочинение композитора — "Певец во стане русских воинов".

Бортнянский создал хоровую застольную песню, а исполнять ее можно было и хором, и только солистами. Хоровой общий припев придавал произведению властительную силу. Любящий Родину Маэстро выполнил свой человеческий долг. Известно, какую роль в подъеме национально-патриотического духа сыграло его произведение. "Певец во стане русских воинов" — одно из завещаний Бортнянского.

Композитор Бортнянский до конца жизни связан был с Придворной капеллой. Кропотливо, с удовольствием работал он со своими учениками, развивал их голоса обучал навыкам пения и всему тому, чем овладел сам семь десятилетий назад.

Дмитрий Степанович Бортнянский умер 27 сентября 1825 года. Он не дожил два месяца до восстания декабристов.

Полное собрание его сочинений в 10 томах вышло лишь в 1882 под редакцией Петра Ильича Чайковского.

МУЗЫКАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

После смерти композитора его вдова Анна Ивановна передала на хранение в Капеллу оставшееся наследие — гравированные нотные доски духовных концертов и рукописи светских сочинений. По реестру их было немало: «опер итальянских — 5, арий и дуэтов российских, французских и итальянских — 30, хоров российских и итальянских — 16, увертюры, концертов, сонат, маршей и разных сочинений для духовой музыки, фортепиано, арфы и прочих инструментов — 61». Все сочинения были приняты и «положены в приготовленное для оных место». К сожалению, точные названия его произведений указаны не были.

Хоровые произведения Бортнянского исполнялись и многократно переиздавались после его смерти, оставаясь украшением и опорой русской духовной музыки, а светские его сочинения — оперные и инструментальные — были забыты вскоре после его кончины.

А попытались их найти только в 1901 г. во время торжеств по случаю 150-летия со дня рождения Д.С. Бортнянского. Тогда в Капелле были обнаружены рукописи ранних сочинений композитора и устроена их выставка. В числе рукописей были оперы «Алкид» и «Квинт Фабий», «Сокол» и «Сын-соперник», сборник клавирных произведений, посвященный Марии Федоровне. Этим находкам была посвящена статья известного историка музыки Н.Ф. Финдейзена «Юношеские произведения Бортнянского»,

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

которая завершалась следующими строками: "Талант Бортнянского с легкостью владел и стилем церковного пения, и стилем современной ему оперы и камерной музыки. Светские произведения Бортнянского ... остаются неизвестными не только публике, но даже музыкальным исследователям. Большинство произведений композитора находятся в автографных рукописях в библиотеке Придворной певческой капеллы, за исключением квинтета и симфонии (хранятся в Публичной библиотеке)".

О светских сочинениях Бортнянского вновь заговорили спустя ещё полвека. Многие к этому времени оказались утраченными.

Архив Капеллы после 1917 г. был расформирован, а его материалы по частям переданы в разные хранилища.

Некоторые произведения Бортнянского, к счастью, были найдены, но большая их часть бесследно исчезла, в том числе и сборник, посвященный великой княгине. Поиски их продолжаются и по сей день.